

ПАШНЯ

Июль 2023

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023

Практика

Анна Старобинец: «В фантастике завоевать читательское доверие еще сложнее, чем в реализме»

Книжные сериалы — чтение для тех, у кого постоянно нет времени

Арина Киселева

Литературные конкурсы по месяцам

Роман Марию Чинихиной «Люди, которых нет»

Мастера

Марианна. Отрывок из пишущейся книги «Ушел из дома человек»

Наталья Ким

Конкурс

Мастерская «Перевод с английского: от сериала до комикса»

Стипендии CWS

Писательский марафон «CWS-Отражения»

Проза

Амбигекстер

Татьяна Лапшина

Братья Жигаловы

Екатерина Павлова

Ваза с апельсиновыми деревьями

Дарья Фомина

Голубая кровь

Сергей Афонин

Избы

Наталья Нерастенко

Кроссворд с продолжением

Катя Суханова

Кроткий

Владислав Гранг

Кхмерская осень

Алексей Жихаревич

Письма из рая

Анна Шабес

Пламя и спасение на воде

Ксения Панарина

Стежки

Дарья Оверникова

Счастливое детство

Анна Рубцова

Тайна

Юлия Поликарпова

Там, где Чёрная грязь

Александр Накул

Ценный работник

Анна Леонтьева

Что случилось двадцатого октября

Галия Гарифуллина

Шур-шур

Полина Коротеева

Нон-фикшн

Different types of admiration in War and Peace

Александра Хаммонг

Даниэл Мендельсон «Одиссея: отец, сын и эпос». Рецензия

Анастасия Хохлова

Оксана Васякина «Степь».

Рецензия

Виктория Клушанцева

Помпейские дороги надежды.

«Дом волчиц» Элоди Харпер

Елена Чернышева

Пьер Безухов — герой своего

времени

Елизавета Стешова

Эссе по роману «Война и мир»

Л.Н. Толстого

Дарья Фомина

Автофикшн

20 страниц в особо крупном

Татьяна Никоненко

В БАР?

Евгения Кашапова

В преддверии разлуки

Татьяна Петрова

Восемнадцатая хромосома

Наталья Лапина

Рецензия

Анна Старобинец: «В фантастике завоевать читательское доверие еще сложнее, чем в реализме»

Анна Старобинец — писатель, автор недавно вышедшего романа «Лисьи броды», одной из самых успешных русскоязычных книг последнего времени. Недавно Анна приходила в гости к студентам магистратуры «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ, в разговоре участвовали литературный критик Галина Юзефович и писательница Майя Кучерская. Об этой встрече можно прочитать на портале «Многобукв». Мы публикуем ответы на некоторые вопросы, которые Анна Старобинец задавали на встрече — о создании романа, работе с большим текстом и литературных аллюзиях.

О создании романа «Лисьи Броды»

Роман родился из сценария, который пока никак не реализован. Этот сценарий мы когда-то очень давно, году в 2008-м (или, может быть, в 2010-м), написали вместе с моим мужем и соавтором Сашей Гарросом, сейчас покойным, как все, наверное, знают. Мы написали 20 серий. Все это было задумано так. Нам сказали: «Ребята, давайте сделаем Russian Game of Thrones, вообще ни в чем себе не отказывайте». Но не в смысле, чтобы там обязательно были королевские костюмированные приключения и драконы, а в общем плане — фантастика, множество линий, персонажей, и не думайте о деньгах. Мы придумали весь этот мир: он тогда был немножко другой, я его потом пере придумывала. Но в целом мы ни в чем себе не отказывали, и надо сказать, что еще и

довольно безбедно жили на гонорары: за каждую серию нам платили очень щедро. Мы писали эти 20 серий суммарно, наверное, года два.

Потом производящая компания, которая нам заказала эту историю, и канал, который планировал ее показывать, сказали, что ситуация изменилась. Получилось очень дорого и сложно и вообще не для нашей публики. Все вдруг распалось, сценарий лег на полку, где лежал годами. Меня ужасно тревожила его неоформленность ни во что, с чем я могу познакомить людей. Было полное ощущение кладбища невинноубиенных персонажей и сюжетных линий, и мне очень хотелось как-то оттуда их вытащить. Я долго канючила перед людьми, у которых были на этот текст права, чтобы они мне разрешили его беллетризацию. И в конце концов они сжалились надо мной и разрешили.

Я по наивности своей предполагала, что превратить сценарий в роман — раз два и готово. Одна серия — одна глава, будет роман из 20 глав. Раньше я никогда не работала в такой последовательности. У меня был текст, и я превращала его в сценарий, но чтобы было наоборот — это мой первый опыт. И я внезапно обнаружила, что одна серия — это не одна глава. Одна сцена — это глава, потому что в литературе все это чудовищно разрастается. Соотношение 1 к 5 минимум, то есть один кусок сценария — это пять кусков прозы. Плюс я поняла, что многие вещи, которые в кино можно недосказать или просто не показать, в литературе необходимо пояснить вплоть до бытовых подробностей: как люди жили в то время.

Поэтому я приступила к глобальному ресерчу. Я поехала в Маньчжурию, то есть нынешний Китай, ровно в те места, где происходило действие, ходила в библиотеки, читала легенды про китайских лис-оборотней — в общем, много чего делала. Сначала мне казалось, что вот месяцок я потрачу на ресерч, но в итоге ушел год. Затем я поняла, что та структура, которая была в сценарии, совсем не годится, и надо перелопатить весь сюжет. Мне нужен был еще год. По большому счету, именно книгу я писала три года, а весь этот мир и сюжетные линии долго стояли на стопе. Заказчиком был ныне с нежностью вспоминаемый мной Storytel. Он сыграл странную роль в судьбе романа — поставил задачу, дал денег и исчез, не опубликовав его. Позже технически права передали, и роман в итоге вышел на других платформах.

Об использовании технических инструментов при работе с большим текстом

Я записываю вообще все, не только сложные сюжеты романов. Я пыталась играть с майндмэпами, скачивала разные программы, и наверняка это дико удобно, но я не смогла, видимо, это моя личная особенность. Когда все это оказывалось в виде каких-то облачков, соединенных стрелками, я переставала чувствовать историю как живую, настоящую. Поэтому по старинке закупала большие листы ватмана.

За три года я много где успела пописать роман, но там, где позволяло пространство, раскладывала эти листы на полу. Те, кто не читал роман, не представляют, что там правда очень много линий и персонажей, и все они должны уместиться в одном пространстве, чтобы можно было посмотреть, нет ли где-то

нестыкочек на случай, если что-то должно с чем-то соединиться, но вдруг разминулось. Для каждого героя я чертила линию определенного цвета: у главного героя (Максима Кронина) линия была фиолетовой, у лисицы — зеленой, у Арестова — полковника, воплощения мирового зла, — синей, и так далее. У каждого героя была своя шкала, и когда их линии пересекались, было видно, что вот это событие — общее на всех, а это — одно на двоих.

В книге несколько частей, и на каждую была отдельная стопка таких вот ватманов. Было бы классно их сохранить для потомства. Я думала: вот бы развесить их все на одной большой белой стене, здесь, в моей тбилисской квартире, даже дизайнерски это было бы красиво. Но, к сожалению, все они остались в Москве, и я не знаю где. Мои вещи распределены по нескольким добрым домам моих друзей, и сложно догадаться, где именно лежат эти листы.

О фактчекинге

Фактчекинг, скорее, фактфайдинг, был еще на стадии обдумывания, как только я спотыкалась на чем-то, чего я не знаю. Допустим, есть сцена, где герой притворяется не тем, кто он есть, и намеренно портит рацию, чтобы связи не было, иначе его раскроют. Если бы это было кино, тогда кто-нибудь выяснил бы за меня, какие там были преемники, что нужно там поковырять и так далее. Но в книге так нельзя, ну напишу я «и он испортил себе связь», и все, доверие читателя теряется навсегда. Я должна узнать, какими рациями пользовались в 45-ом году в Маньчжурии, как устроен этот механизм, как его сломать, да еще и так, чтобы не сразу можно было починить. Таких вопросов было великое множество, и для каждого я искала соответствующий контакт, например, реального инженера, который специализируется на радиосвязи времен Великой Отечественной войны.

Я разговаривала с самыми разными людьми. С человеком из КГБ, который рассказывал мне о внутренних отношениях на службе. Мне нужно было знать, как они по-

дружески общаются друг с другом и как тот, кто ниже званием, обращается к тому, кто выше, если это неофициальная встреча.

Еще была душераздирающая для меня сцена, где я утопила лошадь, мне было ее очень жалко. Для этого я говорила с геодезистами, с биологами, которые специализируются на изучении болот, так как видов болот оказалось очень много, и все они разные. Надо было выяснить, какие именно болота в Маньчжурии в том или ином месте, потому что в каждом лошадей тонет с абсолютно разной скоростью, и это важно для сюжета. Более того, для скорости лошади, тонущей в торфяном болоте (именно таком, как там), важно, как именно она это делает: а). стоит смирно; б). брыкается; с). если она с седоком. В каждом случае скорость будет разная. Вот так я топила лошадь со знанием дела, по науке.

Еще я разговаривала с врачом, чтобы убить некоторых персонажей, и тут тоже было важно, с какой скоростью они будут умирать. Врач, хороший человек, все время пытался мне объяснить, как этого героя можно спасти, пока еще не поздно. Я каждый раз отказывалась, и он очень расстраивался. В общем, вот такие вещи я выясняла, и их было очень много.

**Если ты закапываешь
фрагменты фантазии в
гостоверный реалистичный
мир, тогда читатель
принимает это как правду.**

**О Маньчжурии и о том, зачем
работать в поле**

Маньчжурия — это выезд в поле, осмотр на местности. Сейчас это Китай, и все совсем не так, как было, но, к счастью, природа особо не изменилась. Просто понюхать, чем там пахнет, попробовать ровно ту еду, которую они едят, и в целом пообщаться с местным населением, чтобы уловить вайб (извините за современное слово), — это было очень правильным решением. Без этого не было бы

вообще ничего, история не получилась бы живой. Я почерпнула там не столько впечатления, сколько идеи, которые дали важный толчок сюжетным линиям.

Кстати, я заметила, что у них правда очень странные отношения с возрастом. Мы были в деревне, маленьком диком поселке на берегу озера Ханка, которое стало прототипом Лисьего озера, пришли к семье пожилых рыбаков, очень простых. Они убили курицу при нас, чтобы супчик нам сделать. Их главный вопрос к нам был связан с возрастом. Обычно что больше всего нас волнует, когда мы встречаем нового человека, да еще и представителя другой расы? Наверное, меня больше интересовало бы, чем он занимается, как он живет. А им было важно понять, сколько мне лет, и сравнить это со своими родственниками того же возраста, чтобы понять, кто лучше сохранился. И когда я встречала других людей там же, это был самый частый вопрос. Например, какой-нибудь безвозрастный старик — ему может быть 90 и 60, он либо очень плохо сохранился, либо очень хорошо, и это непонятно. И это не зависит от гендера, это не кокетливый женский вопрос, им действительно важно, чтобы возраст было сложно определить. И если ты ошибаешься, то желательно в меньшую сторону, то есть чтобы человек оказался моложе.

У меня много рассказов и романов, в которых я не иду ни в какие новые земли, а пишу про то, что есть. Например, сейчас я работаю над новой приключенческо-фантастической книгой для подростков, и как минимум первая часть (я думаю, если она будет хорошо встречена, это будет книжный сериал), в ней действие происходит в России. Что касается Маньчжурии, тогда, давным-давно, нам с Сашей было дико интересно придумать историю в таком историческом контексте, который реально существовал, и в нем было возможно все. Такое удивительное смешение этносов: и японцы, и китайцы, и русские, и белые мигранты, и советская армия туда же пришла. Все валюты в ходу, невероятно. Это ощущение внезапного культурно-исторического и политического котла, в котором варилось что-то интересное, важное, увлекательное. И очень хотелось в него залезть, потому что на тех территориях, с которыми я знакома, такого котла не было.

У меня есть твердое убеждение: либо ты пишешь про несуществующее место, например, про другую планету, и что хочешь там, то и строй. Но если ты помещаешь действие в реальное место, то ты обязан знать, как оно устроено на самом деле. Мы помним, что наш мир еще недавно был открытым и взаимопроницаемым. Если ты напишешь какую-то лажу про Маньчжурию и издашь роман с этим, то найдется очень много людей, которые жили в Маньчжурии и Китае или просто были в этих местах. И сразу станет ясно, что это лажа, ты утратишь читательское доверие, а в случае с фантастикой завоевать его еще сложнее, чем в реализме. То есть, если я ввожу фантастическое допущение, и у меня по лесам Маньчжурии бегают лисицы-оборотни, в это сложно поверить. Чтобы это казалось правдой, я должна все остальное сделать максимально достоверным. Если у меня в тюрьме заключенный при помощи магии скрывает золотые часы на цепочке от тех, кто его обыскивает, то все остальное в этой тюрьме, — вообще все, всякие ужасы, быт, сленг и прочее, — полностью, от А до Я, должно соответствовать реальности. Если ты закапываешь фрагменты фантазии и волшебства в очень достоверный, реалистичный мир, только тогда они сливаются вместе, и читатель или слушатель принимает все это как правду.

О культурных и литературных аллюзиях

Не буду отрешиваться полностью, но изначальной цели инкрустировать в сюжет какие-то аллюзии у меня не было. В отличии, допустим, от «Зверского детектива», где я намеренно вставляла *пасхалочки* для взрослых, и пока ребенок читал сюжет, родитель находил намеки на другие истории, как раз на него рассчитанные. С «Лисьими Бродами» такого не было, просто я — человек, обремененный филологическим грузом, и иногда какие-то отсылки сами непроизвольно выходят из подсознания. Если это не мешает, ничего не портит, а только украшает, то я это беру.

Что касается «Лисьих Бродов», я должна сделать признание — единственная аллюзия,

которую я имела в виду, это, конечно, на текст «Самодержец пустыни» Леонида Юзефовича. Леонид Абрамович, сам того не желая, оказался среди фактчекеров. Я советовалась с ним по поводу того, возможно ли все это вообще, мог ли существовать такой городок, как Лисьи Броды (я его полностью выдумала). Реально ли, что при постройке КВЖД в этом месте планировали сделать станцию, но станции не случилось, а городок остался. Или это полный бред? И Леонид Абрамович мне сказал, что теоретически это возможно и в целом будет небезынтересно. В принципе это он благословил меня на этот подвиг — на создание Лисьих Бродов.

Для меня, аллюзии — просто дополнительная и абсолютно не обязательная услуга. Мои тексты в первую очередь должны восприниматься как самостоятельные истории и могут быть понятны и интересны для людей, не обремененных филологическим и прочим интеллектуальным грузом. Среди моих многочисленных друзей, читавших роман, к счастью, все всё поняли. Я считаю, что поиск аллюзий — это дополнительная опция для желающих и любителей. Когда я сама читаю книги, я не стараюсь искать отсылки, но если это торчит и машет мне рукой, и настолько выпукло, что невозможно не заметить, я, конечно, замечая. Но в целом я всегда склонна воспринимать текст как абсолютно самостоятельную штуку, которая имеет право не прорасти корнями ни в какие другие тексты, а просто расти отдельно.

Жанр вынужден быть еще и просто хорошей литературой, у него нет других шансов понравиться читателю.

О месте фантастических романов в большой литературе

В моей системе координат полочка со Стивеном Кингом выше, чем полочка с Владимиром Сорокиным, причем значительно. Я считаю Стивена Кинга

большим писателем. У него очень много галиматъи, с этим бесполезно спорить, но есть и несколько великих книг, которые в принципе невозможно причислить еще к чему-то, кроме большой литературы. И да, эти книги очень увлекательные. Я считаю, что «Мизери» — это великая книга, роман «Оно» — тоже. «Мизери» — это история о мрачных, темных глубинах человеческой психики и души. «Оно» — один из лучших в мире романов о дружбе и взрослении. И то, что такие большие и важные общечеловеческие понятия упакованы в увлекательную форму, это только плюс, это не может быть минусом.

Переходя к моей личности в истории: я очень рада, если «Лисьи Броды» можно назвать интересным фантастическим романом. Это и было моей амбицией — взять и написать жанр. Более того, я планировала сделать его полегче — не по объему, а по смыслу. Изначально я планировала нагрузить его гораздо меньшим количеством тяжелых, мучительных страданий и всего такого, но не удержалась. Наоборот, опасалась, что приключенческая часть не получилась, что я пыталась сделать американские горки, а у меня получились товарные вагоны, груженные углем, и они никак не справятся с этими мертвыми петлями.

В целом я очень люблю и приветствую жанры — фантастику, триллеры, антиутопии. Но жанр вынужден быть еще и просто хорошей литературой, у него нет других шансов понравиться читателю. Если ты

работаешь с жанром, то это должен быть честный, не макулатурный текст с четким сюжетом, проработанными персонажами, написанный хорошим языком. Жанр будет плохой литературой, только если он плохо написан.

Изначально я задумывала «Лисьи Броды» только как фантастику, и меня угнетало, что роман ставили на полку с какими-то попаданцами и макулатурой. Да, это фантастический текст, но это вполне себе литература и должна стоять там же, где хотя бы Стругацкие и Брэдбери. Непонятно, откуда взялось презрение к жанру, если в нем работали признанные писатели. Брэдбери — фантаст и большой писатель, фантастическое допущение — это его прием, способ говорить с миром о важных вещах. То же и Булгаков, «Собачье сердце» — фантастический роман, таких операций на собачках, вообще-то, не делают. Это просто научная фантастика, но при всем — великая история о конфликте старого и нового, о пролетариате и прочем. У меня очень высокое самомнение, и когда я говорю, что я фантаст, я держу в голове Булгакова, а вовсе не попаданцев. В «Лисьих Бродах» не один жанр, а несколько — это и приключения, и исторический роман, и детектив. Там есть фантастическо-мистическая часть, но нет сай-фай, не прилетают инопланетяне, все лежит более-менее в одной плоскости. Наверное, сказка и приключения — два важных жанра для этого романа, и они очень легко в нем скрещиваются.

Книжные сериалы — чтение для тех, у кого постоянно нет времени

Арина Киселева

Когда впервые слышишь о книжных сериалах, кажется, что речь идет об экранизациях. Например, «Война и мир» от BBC в 6 эпизодах, чем не книжный сериал? Гугл тоже не спешит на помощь, а рассказывает о книжных циклах (те же «Сумерки») или сериях (например, «Актуальный роман» от РЕШ). Однако перед нами отдельный формат.

Книжный сериал — это история, выходящая по частям, то есть по сериям (например, один эпизод в неделю), которая может длиться несколько сезонов. Обычно этой прозе не дается жанровое определение по типу романа или повести, но по размеру это что-то между. Помимо периодичности выхода, книжные сериалы заимствуют и телевизионную структуру: сюжетные арки для эпизодов и всего текста целиком, клиффхэнгеры, ненавязчивые рекапы. Конечно, главное отличие в медиуме. У книжных сериалов их целых два, они сразу выходят и в тексте, и в аудио, но основной упор все же делается на последнее. От привычных аудиокниг сериалы отличает большая работа со звуковым оформлением, саунд-дизайном. Например, озвучиваются физические действия: что-то падает — мы слышим удар о землю, раздается гром — слышим его раскаты. Также издательства привлекают известных музыкантов для работы над саундтреками (например, группа АИГЕЛ написала трек «Кожа» для одноименного книжного сериала Евгении Некрасовой). Но это и не аудиоспектакль — чтец всего один, может быть мало диалогов и много внутренних размышлений. Выходит что-то между привычным сериалом, аудиокнигой, аудиоспектаклем, да еще и обычной электронной книгой для тех, кто больше любит собственный голос в голове.

Сам формат не нов, ещё в 19 веке появились романы-фельетоны — произведения, издаваемые по частям в газетах и журналах. Известный пример за рубежом — романы Чарльза Диккенса. У нас мы легко можем вспомнить романы Ф. М. Достоевского. Например, «Униженные и оскорбленные» писались по частям для новых номеров журнала «Время». Появление интернета избавило нас от необходимой связи с периодикой, книжные сериалы стали появляться на личных сайтах и блогах («Растение» Стивена Кинга), а потом и вовсе наступил расцвет сайтов с фанфиками, которые чаще всего публикуют по эпизодам. Если посмотреть на этот формат с экономической точки зрения, то он очевидно прибылен — читатель вынужден покупать новые выпуски, донатить на продолжение или продлевать подписку на сервис, чтобы узнать, чем все закончится.

В 2015 году в США одной из первых аудиоформат книжного сериала начала продвигать компания Realm, а у нас он начал активно развиваться только несколько лет назад. Первым ярким проектом был «Пост» Дмитрия Глуховского в 2019 году. На данный момент в России больше всего книжных сериалов производит и продвигает сервис Букмейт.

Познакомимся с пятью интересными книжными сериалами, вышедшими за последние пару лет.

1. Комната Вагинова

Автор: Антон Секисов («Бог тревоги», «Реконструкция»)

Читает Сергей Гилев

О чем? Филолог Сеня хочет написать биографию писателя Константина Вагинова для ЖЗЛ. С этой целью он переезжает в дом, в котором когда-то жил его кумир, а точнее в комнату в коммуналке. Соседи оказываются очень разношерстными: блогерша с енотом, неудачливый поэт, итальянец-фотограф и гоповатый философ. А ещё в одной из комнат лежит похищенная девушка.

По комментариям видно, что некоторых читателей отпугнуло название, но очевидно для этого оно и было выбрано. Эдакое сито — кого-то сразу оттолкнет порнографичность, а кого-то заинтересует, что там написали про обэриута Вагинова. Сериал получился очень интригующим, в первых строчках сразу же появляется заложница, а далее наслаивается и соперничество за написание биографии, и все остальное. Не обходится без типичных, но все равно рабочих, тропов Петербурга — убийственных сосуллек, гаргулий и Апрашки.

2. Магазин работает до наступления тьмы

Автор: Дарья Бобылева («Вьюрки», «Наш двор»)

Читает сама писательница

О чем? Неудачник Славик приходит устраиваться на работу в антикварный магазин. И, конечно же, все оказывается не так просто — здесь скупают «вещи не в себе», наделенные сверхъестественными силами. Славик оказывается впутан в приключения вместе с хозяином магазина — Хозяином, управляющей Матильдой и хрупким существом Женечкой.

Дарья Бобылева вновь сделала и уютно, и ужасно. Однако в этом сериале чувствуется некая небрежность, некая «мыльность». Его приятно слушать как развлечение под уборку или прогулку с собакой, но представить в виде отдельного произведения на бумаге — довольно сложно. Возможно, мешает сильное ощущение того, что ты это уже сто раз читал/видел/слышал. Пока что вышедшая часть подается как первый сезон — финальный клиффхэнгер и правда интригует. Многие в отзывах требуют продолжения, так что, думаю, мы его увидим.

3. Возвращение «Пионера»

Автор: Шамиль Идиатуллин («Город Брежнев», «Бывшая Ленина»)

Читает Григорий Перель

Вышло печатное издание в РЕИШ

О чем? В 1985 году для секретной космической программы «Пионер» отбирают трех школьников, которые должны спасти мир от гибели. Ребята проходят испытания, поют песни у костра, думают о будущем. Однако потом повествование резко становится актуальным — ребята попадают в будущее (то есть в наше настоящее).

У Идиатуллина прекрасно получилось выстроить книгу на контрастах. Перед нами светлые ребята, буквально сошедшие со страниц Крапивина. Ребята, живущие только в ностальгических воспоминаниях. А потом утрированная сладость сталкивается с утрированными новостными сводками, где мало чего хорошего бывает. И все же никакой чернухи — сериал дарит надежду.

4. Луна 84

Автор: Ислам Ханипаев («Типа я», «Холодные глаза»)

Читает Кирилл Головин

О чем? Двадцатилетнего хакера Дэниела помещают в колонию «Мункейдж» на Луне. Тюрьма на Луне не многим отличается от тюрьмы на Земле: надзиратели избивают заключенных, всех запирают по камерам, а преступники сами делятся на группы: гладиаторы, продавцы, посредники, центровые и безбилетники (неудачники, которых пока никуда не приняли). Однако есть и различия — показательная казнь раз в месяц, официальные бои между преступниками и монстр, подстерегающий тех, кто вечером не успеет запереться в камере. Что еще предстоит узнать Дэниелу и что он сам от всех скрывает?

Ислам Ханипаев говорит, что пытался продвинуть «Луну 84» с 2015 года, но наткнулся только на отказы, пока задумкой не заинтересовался Букмейт. Получилось бодро, жестко и антиутопично — то, что нужно для развлекательного сериала.

5. Двоедушник

Автор: Саша Степанова («Не говори маме»)

Читает сама писательница

О чем? У Ники пропадает подруга, а помочь ей может только странный парень Антон. Он живет в заброшенных зданиях, постоянно ходит избитый, а еще у него две души. Городское фэнтези (действие романа происходит в Нижнем Новгороде) перетекает в

романтическое (как не влюбиться в плохого парня?). Все остальные слова уже будут спойлером.

Изначально «Двоедушник» был издан в 2016 году под псевдонимом Рута Шейл, а сейчас перед нами переработанная сериальная версия. История должна идеально попасть в аудиторию фэнтезийного янг эдалта: молодые красивые люди вырываются из будней и начинают жертвовать собой во имя друг друга в окружении фольклорных мотивов.

Интересно, что судьба текстов, которые становятся книжными сериалами, самая разнообразная: где-то это специально написанный текст для проекта, где-то версия уже существующей книги, где-то старая идея, не нашедшая поддержки для обычного издания, но заинтересовавшая в качестве сериала. Но что происходит практически всегда — если сериал успешен, после его издадут в печатном виде.

Сейчас мы видим, что большинство книжных сериалов концентрируются на развлекательности: цепляющий сюжет, понятная идея, главный жанр — фантастика. На это и делают ставку. Не у всех читателей хватает сил на погружение в текст, а самая частая жалоба на аудиокниги — легко теряется мысль, сложно зацепиться. Теперь у нас есть свой Netflix в ушах и телефоне, где голос чтеца и звуковые эффекты погрузят в динамичную историю, от которой будет сложно отвлечься. Минимум час в неделю по пути на работу совершенно точно можно провести за книжным сериалом. И это прекрасно, ведь час лучше, чем ничего.

Литературные конкурсы по месяцам

АВГУСТ

Литературный конкурс издательства «Белая ворона»

- **Дедлайн 1 августа 2023**
- Приз: победители получают право издать конкурсную рукопись в «Белой вороне».
- Тема: перемена — как случившееся изменение, когда все по какой-то причине становится не так, как раньше.
- Что принимают: прозу на русском языке, рассматривают только ранее не опубликованные произведения. Объем: от 2-х до 7-ми а.л. (1 а.л. = 40 тыс. знаков с пробелами).

Литературный конкурс «Мыслящий тростник» от музея-заповедника Ф.И. Тютчева «Овстуг»

- **Дедлайн: 1 августа 2023**
- Приз: лучшие произведения будут опубликованы в ведущих изданиях. Лауреаты и дипломанты смогут побывать в музее-усадьбе Ф.И. Тютчева «Овстуг» (Брянская область)
- Что принимают: стихотворения, эссе и оригинальные статьи на философские темы в лирике Ф.И. Тютчева. Объем: от 1 до 5 стихотворений (не более 100 строк); эссе и статьи объемом не более 12 страниц (20 тыс. печатных знаков)

Премия в области электронных и аудиокниг «Электронная буква»

- **Дедлайн: 1 августа 2023**
- Приз: призовой фонд — 1,5 млн. рублей, победитель в номинации «Книга года» — 300 тыс. рублей, «Голос года» — 300 тыс. рублей, «Дебют года» — 100 тыс. рублей, спецноминации — по 50 тыс. рублей
- Что принимают: тексты молодых авторов на любую тему и в любом жанре, опубликованные на Литрес с 10.08.2022 по 01.08.2023 год, стоимостью от 149 рублей. Объем: От 4 до 16 а. л. (1 а.л. = 40 тыс. знаков с пробелами)

Литературный конкурс смешных рассказов портала Прочитано

- **Дедлайн: 5 августа 2023**
- Призы: трое победителей получают денежные призы и футболки с символикой портала Прочитано
- Что принимают: короткие юмористические рассказы, объем — до 7 000 знаков с пробелами

Литературный и художественный Купринский конкурс «Гранатовый браслет»

- **Дедлайн: 13 августа 2023**
- Приз: лауреаты конкурса в каждой номинации получают диплом и сертификат на денежное вознаграждение в сумме 50 000 рублей
- Что принимают: художественные произведения (романы, повести, рассказы, эссе), созданные в традициях русской классической литературы, близкие по стилистике и тематике творчеству А.И. Куприна

**Литературный конкурс KompasFantasy
от издательства «КомпасГид»**

- **Дедлайн: 14 августа 2023**
- Приз: лучшие работы получают контракт на публикацию книги с издательством
- Что принимают: только оригинальные произведения, созданные на русском языке, в жанрах: фэнтези, мистика, магический реализм, ужасы. Аудитория: от 12+ (подростковая литература) до 18+ (взрослая литература). Объем: от 9 до 18 авторских листов (1 авт. лист = 40 тыс. знаков с пробелами)

**Конкурс в литературные резиденции
«Доживём до понедельника»**

- **Дедлайн: 15 августа 2023**
- Приз: шесть победителей отправятся в Литературную резиденцию, которая пройдет с 7 по 27 октября 2023 года в усадьбе «Горки Ленинские»
- Что принимают: новеллы и рассказы на тему «Доживём до понедельника», в том числе ранее опубликованные в соцсетях и на других площадках. Объем: от 5 до 15 тысяч знаков

**Конкурс начинающих переводчиков
имени Э. Л. Линецкой**

- **Дедлайн: 15 августа 2023**
- Организатор: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН совместно с Союзом писателей Санкт-Петербурга (секция художественного перевода)
- Приз: лучших переводчиков ждет награда от организаторов, призеры по некоторым номинациям получают право на бесплатный онлайн-курс семинаров.
- Что принимают: перевод предложенных отрывков с иностранного на русский язык. Приглашают начинающих переводчиков, делающих первые шаги в художественном переводе, не состоящих ни в каком профессиональном союзе и имеющих не более трех переводных публикаций

**II Всероссийский драматургический
конкурс проекта «Механика памяти – 2023»**

- **Дедлайн: 25 августа 2023**
- Приз: пьесы, вошедшие в шорт-лист, будут показаны на театральном марафоне в декабре 2023, а также опубликованы, три победителя получат призы.
- Что принимают: пьесы, посвященные истории города Кирова/Вятки/Хлынова и его жителей и созданные специально для проекта или написаны за последние 3 года.

**Литературный конкурс книжного
сервиса и издательства «Строки»**

- **Дедлайн 21 августа 2023**
- Приз: победители получают право издать конкурсную рукопись в «Строках».
- Тема: «Нагадай на любовь» — о знаках судьбы, отношениях вопреки несовместимости, любовных гороскопах и раскладах на картах у подружки на кухне.
- Что принимают: прозу на русском языке, в жанрах реализм, магический реализм, семейная сага, психологический роман, исторический роман. Рассматривают только ранее не опубликованные произведения. Объем: от 5-ти до 10-ти а.л. (1 а.л. = 40 тыс. знаков с пробелами).

Отбор поэтов для участия во Всероссийском семинаре молодых литераторов «Поэтические штудии», посвященный 120-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого

- **Дедлайн 31 августа 2023**
- Приз: участие в семинаре, который пройдет в городе Кирове в **с 1 по 5 декабря 2023 года**
- Что принимают: поэтические подборки общим объёмом от 100 до 300 строк от молодых авторов от 18 до 35 лет.

Литературный конкурс «Отдел по борьбе с монстрами» от импринт издательства АСТ редакция «Mainstream»

- **Дедлайн: 31 августа 2023**
- Приз: книги победителей будут изданы
- Что принимают: новые истории об отделах монстрологических преступлений в духе сериалов: «Баффи – истребительница вампиров», «Гримм» и т.д. Аудитория: 18-25 лет (возрастной ценз 16+/18+) Объем: от 10 авторских листов

Литературный конкурс «Бытовое фэнтези»

- **Дедлайн: 31 августа 2023**
- Приз: лучшие романы будут переданы на рассмотрение в издательства МИФ и «1С-Паблишинг» и получат рекламный бюджет для продвижения на портале «Литмаркет»
- Что принимают: романы в жанре «Бытовое фэнтези» — законченные или в процессе публикации на портале Литмаркет. Объем: от 360 000 знаков с пробелами к моменту окончания конкурса.

СЕНТЯБРЬ

Литературный конкурс «Пастернаковское лето»

- **Дедлайн: 1 сентября 2023**
- Организатор: Центральная библиотека им. В.В. Розанова в Сергиевом Посаде
- Что принимают: произведения в стихах или прозе на любую из тем: о природе, о России, творчестве Бориса Пастернака, на духовные темы, для детей. Объем: стихи – не более 3-х произведений (до 50 строк), проза- не более 3-х страниц (5000 знаков с пробелами)

Конкурс рассказов «Твист» издательства «Астрель-СПб»

- **Дедлайн до 1 сентября 2023**
- Приз: три победителя получают денежную премию 3 000 рублей, обладатель гран-при — 10 000 рублей, и все четверо смогут опубликовать свой текст в сборнике рассказов
- Что принимают: рассказы любого жанра и направления с элементом твиста в финале (twist ending) или в сюжете (plot twist). Объем: до 1 авторского листа (1 а. л. = 40 тысяч знаков с пробелами)

Международный конкурс литературной фантастики «Кубок Брэдли»

- **Дедлайн: 1 сентября 2023**
- Приз: награды издательства «Перископ-Волга»: победитель получит контракт на издание книги, лауреаты — денежные сертификаты на услуги издательства
- Что принимают: рассказы в жанрах фантастики — научная/космическая, социальная фантастика, фэнтези, мистика/хоррор. Объем: до 30 тыс. знаков с пробелами

Литературный семинар молодых писателей «Мы выросли в России — Приволжье»

- **Дедлайн: 1 сентября 2023**
- Приз: пять лучших молодых литераторов (по одному в каждой секции) смогут издать свои рукописи. Семинар пройдет 28-30 сентября в Оренбурге.
- Что принимают: произведения в 5 номинациях — поэзия, проза, фантастика, драматургия, детская литература. Объем: для прозы — до 70 000 знаков с пробелами, для поэзии — до 200 строк, драматургия — одна пьеса или сценарий от одного автора

Всероссийская литературная премия «Душа природы»

- **Дедлайн: 5 сентября 2023**
- Приз: победитель получает премию в размере 100 000 рублей; финалисты шорт-листа — по 25 000 рублей
- Организатор: Союз писателей России
- Что принимают: произведения любых жанров (роман, повесть, сборники рассказов) на русском языке, соответствующие теме конкурса — о природе, животный мир

Литературный конкурс «Волки на парашютах»

- **Дедлайн: 10 сентября 2023**
- Приз: 1 место – 700 000 руб. и публикация рукописи, 2 место – 200 000 руб., 3 место – 100 000 руб.
- Тема: в книге должна быть дружба, борьба добра и зла, современные реалии
- Что принимают: романы на русском языке и не опубликованные ранее, для детей до 15 лет включительно. Жанр: фэнтези, сказка, фантастика. Объем: от 6-ти до 10-ти а.л. (1 а.л. = 40 тыс. знаков с пробелами)

Международная независимая литературная Премия «Глаголица» для авторов от 10 до 17 лет

- **Дедлайн: 11 сентября 2023**
- Призы: путевки на литературную смену, планшеты, книги и другие призы от организаторов
- Что принимают: поэзию, прозу и эссе на русском, английском и татарском языках, а также переводы произведений на свободную тему

Конкурс заявок на участие в Форуме молодых писателей России (Липки)

- **Дедлайн: 15 сентября 2023 года**
- Приз: публикация лучших текстов в сборнике «Новые писатели» и книге из серии «Молодая литература»
- Организаторы: Фонд социально-экономических программ совместно с «толстыми» литературными журналами Москвы и Санкт-Петербурга
- Что принимают: тексты любого жанра, написанные или переведенные на русский язык, ранее не опубликованные. Объем: не ограничен, но рецензировать будут более 3 а.л. текста (1 а.л. = 40 тыс. знаков с пробелами)

Международный литературный конкурс «Осенний Пролёт Фантазии 2023»!

- **Дедлайн: 18 сентября 2023**
- Приз: победитель получит денежную премию в размере 10 000 рублей
- Что принимают: неопубликованные рассказы на русском языке в жанре фэнтези на свободную тему. Объем: от 7 000 до 40 000 знаков без учета пробелов

Литературная премия «Большая сказка» имени Эдуарда Успенского

- **Дедлайн: 30 сентября 2023**
- Приз: общий призовой фонд — 1,5 миллиона рублей, будет два победителя в номинациях «Сказка» и «Веселый учебник»
- Что принимают: произведения для детей до 12 лет в жанрах сказки и нон-финкш (прозу и поэзию), написанные на русском языке, опубликованные тиражом не менее 500 экз. и не ранее 2022 года. Объем: для прозы — от 1 до 5 а.л. (1 а.л. = 40 тыс. знаков с пробелами), для поэзии — от 200 до 2 000 строк

Литературный конкурс новелл «Тайная жизнь моих соседей»

- **Дедлайн: 30 сентября 2023**
- Приз: от 100 до 1000 евро, наградят победителей в двух категориях «опытные писатели» и «молодые писатели»
- Организаторы: Akademio Literatura de Esperanto совместно с Bobelarto
- Что принимают: новеллы на тему «Тайная жизнь моих соседей», написанные на любом языке, в т.ч. без перевода, и ранее не опубликованные. Объем: до 2 000 слов (минимального объема нет)

Литературный конкурс «Северная звезда» журнала «Север»

- **Дедлайн: 30 сентября 2023 года**
- Приз: произведения лауреатов опубликуют в журнале «Север»
- Что принимают: поэзию, прозу, эссе и оригинальные статьи. Объем: для прозы — до 5 а.л. (1 а.л. = 40 тыс. знаков с пробелами), для поэзии — только подборки стихотворений общим объемом от 300 до 500 строк

Международный литературный конкурс «Мы из Тартарии» от издания «Миллиард. Татар»

- **Дедлайн: 30 сентября 2023**
- Приз: победители и лауреаты денежные призы и возможность публиковать конкурсные рассказы в партнерских журналах
- Что принимают: рассказы на тему истории и культуры татарского народа и Татарстана. Объем: не более 40 тыс. знаков с пробелами

Литературный конкурс «Короткий список, или Саламандра»

- **Дедлайн 30 сентября 2023**
- Приз: публикация рукописи в одном из издательств-организаторов: Абрикобукс, Волчок, КомпасГид, NoSugar Books (импринт издательства АСТ)
- Что принимают: неопубликованные прозаические тексты, написанные на русском языке. Аудитория: для детей школьного возраста (8–16 лет). Объем: от 2 до 18 авторских листов (1 а. л. = 40 тысяч знаков с пробелами)

Республиканский конкурс художественного перевода «На земле Салавата»

- **Дедлайн: 30 сентября 2023**
- Приз: трое победителей получают денежные премии в размере 20, 30 и 50 тыс. рублей, а также приглашаются на конференцию по теории и практике перевода
- Организатор: Союз писателей Республики Башкортостан при участии журнала «Бельские просторы». Что принимают: неопубликованные переводы с башкирского и татарского на русский язык.

ОКТАБРЬ

Международная литературная премия имени О. Генри

- **Дедлайн: 1 октября 2023**
- Приз: победитель получит денежную премию 1000 долларов
- Что принимают: рассказы должны обладать характерными свойствами прозы О.Генри – оптимистическим взглядом на жизнь, иронией, динамичным сюжетом и неожиданным финалом. Объем: до 2 тыс. знаков с пробелами

Литературный конкурс произведений для детей от издательства «Настя и Никита»

- **Дедлайн: 2 октября 2023**
- Приз: главная награда для победителя – публикация книги, 1, 2 и 3 место награждаются дипломами и призами.
- Что принимают: сказки и рассказы для детей от 5 до 11 лет, познавательные тексты и произведения об искусстве, написанные на русском языке. Объем – 15 тыс. – 25 тыс. знаков с пробелами.

ДЕКАБРЬ

Литературный конкурс «Школа. История о (не)потерянном времени» издательства «Мелик-Пашаев»

- **Дедлайн: 1 декабря 2023**
- Приз: произведения победителей конкурса будут опубликованы в издательстве.
- Что принимают: произведения в прозе про детей, школу и внешкольные заботы – дружба, любовь, проблемы, радости, переживания, ссоры и яркие события. Аудитория: дети 6-10 лет. Объем: от 2 до 5 авторских листов (1 а. л. = 40 тысяч знаков с пробелами)

Литературная премия «Zverev Art Prize»

- **Дедлайн: 31 декабря 2023**
- Приз: денежная премия в размере 500 тыс. рублей или 250 тыс. рублей, зависит от номинации
- Что принимают: только неопубликованные монографии, статьи, исследования на тему искусства и разных его направлений. Объем: для крупной формы – от 8 авторских листов (1 а. л. = 40 тыс. знаков с пробелами); для статей – от 20 тыс. знаков с пробелами

Open call издательства NoSugar Books (АСТ)

- **Без дедлайна**
- Приз: лучшие произведения будут опубликованы
- Жанр: Фэнтези во всех его проявлениях, мистика, фантастика, антиутопия и прочее.
- Что принимают: ранее не опубликованные тексты. Преимущество отдается рукописям, ориентированным на возраст до 16+. Объем: от 8 до 16 а.л. (1 а. л. = 40 тыс. знаков с пробелами)

Если вы хотите рассказать нам про
конкурс или премию, пишите на

pashnya.media@litschool.pro

Роман Марии Чинихиной «Люди, которых нет»

В издательстве «Планж» вышла книга «Люди, которых нет» выпускницы мастерской прозы Ольги Славниковой Марии Чинихиной. По мнению Ольги Славниковой роман «написан просто, легко, прозрачно, но вещи в книге творятся удивительные. Автор показывает нам преобразование сразу нескольких героев: из мажора-раздолбая, из офисной функции, из наивной провинциалки — в персонажей одного из величайших сюжетов в мировой истории». О идеи книги, прототипах и библейской истории мы поговорили с автором романа, а также предлагаем прочитать фрагмент текста.

Расскажите, о чем ваша книга и как появилась ее идея?

— Я описала историю Марии, ее семьи, друзей, мир, в котором она существует, необходимость выбора: рожать или безбедно существовать. Ее становление, открытие, что она сильная, может многому противостоять. Мне хотелось писать о беременности, так как врачи/клиники/роды — я жила всем этим, поскольку сама родила. С самого начала я знала, что имя главной героини — Мария, на занятиях в мастерской с Ольгой Александровной разработали концепцию непорочного зачатия. Так книга начала обростать сюжетными линиями и смыслами.

В романе переплетаются социальная драма и мистическая история. Можно ли считать, что роман написан в жанре магического реализма? Как вы сами охарактеризовали бы жанр вашего текста?

— Роман «Люди, которых нет» можно отнести к жанру магического реализма. Здесь

в одном пространстве соединяются два мира. Невероятное соседствует с бытовыми вещами, в повседневность врываются мистические эпизоды. Андрей Петрович как обычный человек ходит на работу, живет в самом обычном доме. Его противники управляют автомобилем, устраивают ДТП и искусно манипулируют Лорой и Сергеей.

Действие романа происходит в банковской среде. Есть ли у героев прототипы и использовали ли вы личный опыт?

— У меня есть экономическое образование, но в банке я не работаю. Реальных прототипов у героев тоже нет. Хотя в первых главах Мария немного похожа на мою лучшую подругу. И да, я использовала личный опыт, например, при описании беременности Марии или в эпизоде, когда она едет на прием к подруге Риты. Некоторые разговоры врачей и пациентов я подслушала, что-то додумала или нашла в Яндекс.Черновик главы, в которой описывается здание банка, я писала в реальном банке, пока ждала подругу.

Некоторых читателей задело использование в тексте религиозных мотивов, рождение сына божьего. Насколько для вас важно было использовать именно библейские образы?

— Многие воспринимают библейские образы символически, видят через них какие-то догматы и этические нормы. Мне во время работы над книгой хотелось разглядеть за этими образами реальных людей. Ведь в Библии персонажи очень часто оказываются в пограничных ситуациях, когда нужно выбирать. На мой взгляд, Андрей Петрович, Мария, Илюша с трудным выбором справились.

В отзывах на ваш роман нередко пишут про ощущение открытого финала.

Это намеренный ход, или вы даете подсказки в книге?

— Мне кажется, роман завершён. Мария родила сына и обрела себя. Все испытания, через которые ей только предстоит пройти — уже не так важны. В любом случае это сюжет для другой истории.

В одной из рецензий на вашу книгу написано, что в ней есть «дозированная недосказанность, когда ты идёшь по кромке авторской концепции, балансируя между его намеками и своим воображением». Согласны ли вы с таким мнением, и как вам удалось создать такое ощущение?

— Ничего специально создавать не пыталась. Просто писала так, как чувствовала.

Ольга Славникова сказала про ваш роман «написан просто, легко, прозрачно». Помогли ли вам советы мастера при работе над книгой?

— Могу сказать: если бы не Ольга Александровна, книги, возможно, и не было бы. Поэтому я ей очень благодарна за то, что она поверила в меня. На мой взгляд, получить совет от писателя такого уровня — бесценный опыт. На мастерских у Ольги Славниковой я поняла, как важно, чтобы получилась «история», уделять внимание сюжету, деталям, прорабатывать каждое предложение, тем самым находить тончайшие оттенки и нереальное показывать реальным.

Есть ли у вас ориентиры в литературе и повлияли ли другие книги, например, «Мастер и Маргарита», на создание вашего текста?

— Михаил Булгаков — один из любимых писателей, каждый год его перечитываю. Удивительно, но каждый раз воспринимаю его романы иначе. Также на меня повлиял Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества» и роман Алексея Слаповского «Первое второе пришествие».

Это ваша первая книга. Как вам с ней живется, как ощущения?

— Я долго не могла поверить, что книгу издали, что роман продается в книжных магазинах, что будет столько отзывов. Я прошла долгий путь, были неудачи, а на сегодняшний день сложилось вот так, и я рада.

Как случилась ваша встреча с издательством?

— Я пришла в мастерскую Ольги Славниковой, потому что для романа одной идеи мало. Нужно выстроить сюжет, найти героя (и не одного), понять, что случится в каждом эпизоде. Так, во время обучения я начала писать роман «Люди, которых нет». Когда он был готов, Ольга Александрова отправила его в издательство «Планж». Роман понравился Дмитрию Кулишу, мне предложили публикацию, я согласилась.

Что-то пишете сейчас?

— Сейчас я заканчиваю третий роман (первый не был опубликован). Историю одного ученого, который приехал на Север искать пропавшего отца и продолжать его дело — исследовать местные феномены.

Наш традиционный последний вопрос: ваш совет авторам, которые сейчас работают над своим первым романом.

— Никогда не сдаваться. Да, мне было тяжело (я работаю с понедельника по пятницу, воспитываю маленького сына, мало сплю последние 2 года), да, были дни, когда я не могла читать свой текст без слез. Но если продолжать работать, учитывать прошлые ошибки, то рано или поздно добьешься того, чего хотела.

Люди, которых нет. Фрагмент

Мария приподняла голову от подушки и попыталась нашарить на прикроватной тумбочке мобильник. Нечаянно столкнула ночник. Его бледно-лунный свет, идущий снизу, преобразил комнату, сдвинул всю мебель под странными углами.

На часах три пятнадцать. Створка окна почему-то открыта. Штора надувается под порывом сильного ветра. На бледном сумрачном потолке плавают пятно серебристого света. Мария хочет встать, но сонные мужские руки ее удерживают. И кто-то очень тепло дышит в шею. Мария медленно высвобождается из объятий и садится в постели. Оглядывается. В кровати мужчина громадного роста и могучего телосложения. Длинные темные кудри разметались по подушке.

О нет, да это же Андрей Петрович!.. Только какой-то огромный. Как он тут оказался? Это сон?..

Мария потрясла головой, разгоняя дремотность, и вспомнила, что накануне вечером Андрей Петрович пригласил ее в итальянский ресторан на переговоры с региональными партнерами «Нео-банка». Ужин затянулся до половины одиннадцатого.

И Андрей Петрович предложил Марии довезти ее до дома. Кажется, она ответила согласием. Или отказалась? Нет, Мария прекрасно помнила, как садилась в «Вольво», как Андрей Петрович довел до подъезда, крепко взял за плечи и спросил, нравится ли он ей. После растерянного молчания Марии он засмутился, сослался на усталость и ...

О нет! Она вообще в квартиру его впускала?

— Да, Марго, впускала, — тихонько сказал Андрей Петрович, открывая невозможно яркие серо-голубые глаза. — За ужином в ресторане рассказала про оцифровку банковского архива, я подписал договор. Кто-то из партнеров заказал бутылочку красного...

Неужели напилась? Это все объясняет...

— Ты выпила всего полбокала.

— Тогда объясните, как вы очутились в моей постели? Я помню, что вы проводили меня до подъезда и ушли.

— Все было не так, Марго. Ты не ответила, нравлюсь я тебе или нет. Я хотел уйти, а потом подумал — буду дураком, если покажу, что обиделся. Да и ты расслабилась, пригласила на чай с лимоном и магазинным кексом... Сто лет не ел кекс! В общем, я не устоял, поднялся с тобой в квартиру и...

— Да не могла я вас пригласить! — воскликнула Мария. — У меня остатки ремонта по углам, стола нет. Где же мы чай пили?

— В гостиной. Журнальный столик у тебя есть. Ты еще обожглась, помнишь?

Неужели она и правда напилась в ресторане до беспамьтства, соблазнила начальника и затащила его в постель? Боже, какой стыд... Мария разрыдалась в голос.

— Тише, тише, сейчас боль утихнет, — проговорил Андрей Петрович и погладил Марию как маленькую по растрепанным волосам.

Нет, нужно просыпаться. Мария снова оторвала голову от подушки, потянулась к ночнику, и он стоял на своем месте. Постель слева примята, но пуста.

Будильник прозвенел, как и положено, в шесть двадцать. В окне стояло темное ноябрьское утро. Кто раздвинул шторы? Андрей Петрович? Где же он? На подушке яма от головы, одеяло валяется на полу. В прихожей мягко щелкнул замок, аккуратно стукнула дверь. Мария на ходу набросила на плечи домашний халат и выбежала в коридор. Посмотрела в глазок. На лестничной площадке курил молодой сосед из однокомнатной. Из лифта выскочил мохнатый пудель, заливаясь громким лаем и волоча за собой хозяйку, пенсионерку из трешки.

В прихожей стояла особенная неживая тишина.

— Андрей Петрович, где вы?

Мария заглянула на кухню. Чайник на плите холодный, на белом блюдечке ломтики засохшего кекса и долька сморщенного лимона.

В гостиной настольная лампа, должно быть, горела всю ночь. В углу пирамида нераспакованных коробок с книгами. Возле дивана обнаружилась початая бутылка коньяка... Откуда в ее доме спиртное? Странно...

***

Возле продуктового магазина неопрятные сизые голуби клевали шелуху от семечек. Они нисколько не боялись людей, только иногда шумно вспархивали и перелетали на более

выгодное место. Крупный и ослепительно-белый голубь, похожий на попугая, старался держаться от них подальше. Сидел на бордюре, время от времени делал неуверенный шаг к еде и возвращался на место.

Бедненький, наверное, где-то голубятню сломали.

Мария присела на корточки и поманила белого красавца. И он будто бы понял, чего от него хотят. Осторожно высвободил из сложенных крыльев закругленный розовый клювик, деловито просеменил по асфальту и посмотрел на Марию, склонив хохлатую головку набок.

— Что, не привык отбирать у других? — глубоко вздохнула Мария. — Жаль, нет у меня ничего... Хотя секунду...

Мария сунула руку в карман пальто и на удивление нашарила четвертинку сдобной булочки, еще теплую.

Странно, как она там оказалась?

Мария раскрошила вкусно пахнущий мякиш.

— Поешь, — ласково сказала она, протягивая ладонь голубю.

— Хи, хи, хи...

Голубь потерялся хохлатой головкой об указательный палец Марии и почему-то не стал клевать.

— Давай, дружок, смелее, — настойчиво проговорила Мария. — А то те сизые набегут.

— Хи, хи, хи, — тихонько проговорил голубь, осторожно раскрыл клювик, склевал с руки Марии несколько крошек и вдруг вспорхнул ей на плечо.

Мария засмеялась.

— Знаешь, раз ты такой ручной, поживи пока у меня. Тут недалеко. Пара кварталов.

— Хи, хи, хи...

Впервые за долгое время Мария шла домой и думала не о работе. В голове мелькнула мысль приготовить вкусный ужин, залить сливками форель, запечь в духовке. Ближе ко сну включить ноутбук, зайти на сайт магазина и заказать новое платье ко дню рождения. Хотелось чего-то светлого, необычного.

О нет!

Мария резко остановилась.

Какое платье!

Срочно бежать в зоомагазин за клеткой, нормальной птичьей едой, мисочками, опилками...

— Поможешь выбрать? — спросила Мария у голубя и вздрогнула.

На плече никого не было. Только легкое белое перышко, приставшее к рукаву.

***

На одиннадцать утра была назначена открытая онлайн-конференция с региональными отделениями. Андрей Петрович выступал с докладом о выгодной стратегии слияния банковских и айти-услуг. На огромном экране всплывали графики, таблицы. Региональные менеджеры, подключенные к беседе через компьютеры, задавали вопросы. Андрей Петрович отвечал.

Мария перестала следить за ходом конференции. Боковым зрением она заметила за окном ослепительно-белое пятно. Тот самый голубь, так внезапно исчезнувший с плеча, сидел на карнизе и пушил перья. Ей померещилось, что белоснежное существо излучает яркий небесный свет.

Мария прикрыла глаза. Кресло под ней начало стремительно вращаться. В себя пришла от резкого запаха нашатыря и шлепков по щекам. Чьи-то сильные руки встряхивали за плечи.

— Марго, очнитесь, — настойчиво звал Андрей Петрович.

Мария заморгала. Над ней склонились Сашка, Серега, Лора, бухгалтерша Марина, Андрей Петрович...

— Вы потеряли сознание. Может, скорую?

— Все в порядке, — ответила Мария и чихнула.

Теперь в воздухе витал почему-то противный аромат фиалок. Тошнота подступала к горлу. Стеклопанные стены зала для совещаний пришли в движение, грозя навалиться, раздавить. Мария испугалась, что снова лишится чувств. На глазах у Андрея Петровича.

Но почему он много недель не заговаривает про ту ночь? Почему мучает?

— Простите...

Мария, прикрывая рот рукой, выбежала из переговорной.

***

На табло выскочило время — девять тридцать две. Лора напряглась. Андрею Петровичу точно не понравится ее опоздание. И так вчера подвела его во время доклада на конференции. Задумалась, засмотрелась на его красивые мраморные руки и пропустила адресованный ей вопрос. Хорошо, внезапный обморок няньки Марии всех отвлек.

А это кто? Она самая? Лора прищурилась и разглядела у края платформы знакомые черные локоны и толстый вязаный шарф.

Прибытие поезда задерживалось. Нянька вертела головой. Смотрела то на табло, то в черный тоннель. И тут сквозь плотную толпу к ней направился высокий узкоплечий мужчина в надвинутой на глаза шляпе. Движения очередного модника показались Лоре какими-то слишком целенаправленными.

Далеко в тоннеле показался долгожданный свет приближающегося поезда. Озарившиеся рельсы заскрежетали. По всей станции прошла едва ощутимая дрожь. Табло качнулось и переменяло цифры. Модник в шляпе сделал скользкий шаг и легонько поддел локтем няньку Марию. Она зашаталась, замахала руками и, будто тряпичная кукла, свалилась прямо под колеса тормозившего поезда. Последнее, что успела разглядеть Лора — это взметнувшиеся складки ярко-синего платья.

Толпа на станции ахнула. От края платформы, где упала нянька, пошли круги, будто по воде от брошенного камня. Несколько женских голосов сорвались на визг.

— По техническим причинам поезд в сторону станции «Спортивная» дальше не пойдет, — сообщил дежурный по громкой связи, перекрикивая истерику. — Просьба освободить вагоны.

Прибывший поезд распахнул двери. Пассажиры на платформе растерянно попятнулись. Толпа выходивших из вагонов оттеснила их к стене. Лора опустилась на свободный краешек скамейки. Руки ее,

вцепившиеся в сумку, ходили ходуном. На тонком ремешке брякали пряжки.

— Упала, упала! — доносилось отовсюду.

Мимо протолкались врачи скорой с носилками, полицейский, дежурный по станции. Внутри у Лоры все рвалось на части, хотелось кричать, защитить то единственное настоящее, которое она недавно с помощью Андрея Петровича обрела. Няньке он просто дарит цветы. А ей он помог. Илюшу после выписки из больницы не узнать.

«У меня все в порядке, у меня все в порядке, — повторяла Лора, лихорадочно дергая замок сумки. — Андрей Петрович, где же вы?»

Да. Срочно звонить. Андрей Петрович придет, во всем разберется. Лора наконец нашарила мобильник. Набрать номер не успела. Тот самый черный в шляпе бесплотной тенью скользил сквозь толпу и направлялся к скамейке, где сидела Лора. Все его движения были такими быстрыми, текучими, что Лора подумала о глюке. Или этот узкоплечий в шляпе теперь решил разобраться со свидетельницей его преступления? Неужели больше никто в толпе не разглядел, что это он толкнул няньку локтем?..

От страха у Лоры встал комок в горле. Странно дымчатый на просвет незнакомец уже склонился над скамьей. Преодолевая ужас, Лора увидела кривую усмешку узкого рта, скошенный подбородок и текущую по щеке татуировку. Нечто странное смотрело прямо в глаза. Под надвинутой шляпой сгустилась непроницаемая тьма, и там горели два бледных мерцающих огня.

Марианна. Отрывок из пишущейся книги «Ушел из дома человек»

Наталия Кум

Преподавательницу литературы Нину Петровну коллеги звали «Нинкой-цитатником» за несносную привычку отвечать на вопросы или что-то комментировать при помощи стихотворных и прозаических строк — к месту или не к месту. «Чтоб воду в ступе не толочь, душа обязана трудиться и день и ночь», — сообщала Нина, выводя «парашу» в дневнике подростка, изнывающего от желания врезать по сухонькому пучку волос, стиснутому оранжевой заколкой-крабиком; или «Не спи, не спи художник, не предавайся сну, ты вечности заложник у времени в плену», — поторапливала училка сонную буфетчицу в столовой. И когда врачи «скорой» забирали литераторшу с гипертоническим кризом, та успела прошептать взволнованному завучу, которая провожала её до машины: «Их, похоже, штербе...», но никто из окружающих в тот момент не оценил ни цитаты, ни явленного при стрессовой ситуации чувства юмора.

Нину Петровну отвезли в ближайшую больницу, располагавшуюся в районе Швивой горки на территории бывшей усадьбы промышленника и благотворителя Баташева, несколько часов продержали в приемном покое, сделали укол и отвезли в кресле-каталке на этаж терапевтического отделения. Палаты были забиты, поэтому Нине пришлось удовольствоваться койкой в коридоре: они стояли по шесть в ряд возле стен и почти все тоже были заняты. Первую ночь Нина провела в полузабытьи, крепко заснув только под утро.

Сперва возник запах — едкий, едва переносимый, концентрированный, смутно знакомый. Нина уловила какое-то движение и

вдруг почувствовала, что кто-то наклонился очень близко к её лицу, чужое жёсткое дыхание коснулось щёк и лба. Глаза открывать было страшно, с одной стороны, с другой Нина понимала, что нужно срочно оценить степень опасности, и все-таки сквозь ресницы решила посмотреть. «Страшного я увидел “парикмахера”», — мгновенно подбросила услужливая память цитату из рассказа любимого писателя Ковалёва про «Картофельную собаку»: там герою снилось, будто парикмахер слишком усердно намазывает ему щеки, а открыв глаза, он увидел над собой черную лохматую собачью морду. Нину же разглядывало существо, чей облик тоже немедленно напомнил ей нечто литературное, а именно описание уэллсовских морлоков — в рассветном сумраке кожа плящущегося на неё человека выглядела бледно-серой, лицо было почти лишено подбородка, Нина увидела и запекшиеся уголки узкогубого рта, и глаза — очень большие, с воспаленными веками и редкими короткими белесыми ресницами, а голова была как бы приплюснутой сверху и совершенно лысой. Инстинктивно зажмурившись, Нина тем самым выдала себя, и существо расхохоталось:

— Ыы, не спишь, а не спишь! Курить есть?

Нина заставила себя посмотреть в упор на нависающую над ней личность. При ближайшем рассмотрении та оказалась женщиной неопределенного возраста в казенной ночной рубашке. Она улыбалась, являя абсолютно беззубые розовые дёсны. «Какой-то старый младенец», — подумала Нина и слабо махнула руками возле лица, отгоняя «младенца»:

— Нету, не курю, отодвиньтесь, пожалуйста!

— Тож мне, всосатова пипиндросина, из п...ды на лыжах вылезла, — ворчливо отозвалась фигура в рубашке, — фубля, где ж курева-то взять, эх...

Женщина плюхнулась на соседнюю кровать и сидела, болтая голыми ногами. Нина Петровна успела разглядеть темные подошвы и грубые багровые пальцы с кошмарными крошащимися ногтями. Соседка зевала и почёсывалась. Нина краем глаза на всякий случай следила за ней и вскоре услышала шаги по коридору — ночные дежурные сестры начинали новый день в отделении. Койка соседки находилась с краю, и она ухватила за полу белого халата пробегавшую мимо девушку:

— Сестра, слышь, сестра, курить есть, курить дай!

— Щас прям, — брезгливо выдирая халат из цепких пальцев женщины, огрызнулась медсестра, — ляг, не мешай, бомжара паршивая!

Тут у Нины сложился пазл: и запах, и вид соседки действительно означал только одно — рядом с Ниной находилась самая настоящая бомжиха. На дворе стоял декабрь 99-го года, страна готовилась к очередным выборам, и вышло какое-то распоряжение от властей — очистить к 19-му числу город от бездомных, часть из них с улиц попадала прямиком в больницы, куда при других обстоятельствах их бы не взяли как минимум без проломленной головы. Видимо, лысую гражданку привезли уже позже Нины, ночью, потому что постепенно просыпающиеся женщины, лежавшие рядом в коридоре, дружно заблажили — ой, уберите эту отсюда, она воняет, небось вшивая, точно заразная, почему мы должны и т. д. Особенно надрывалась полная одышливая дама с наверхенным на голове вафельным полотенцем, конец которого с лиловой печатью все время падал ей на лицо. Бездомная не спеша встала с кровати и танцующей походочкой двинулась в сторону дамы, подойдя вплотную,

подпрыгнула с криком «кийя!» — и пнула слёту даму черной пяткой по заднице. Тётка сипела, квакая ртом, другие же орали: «Милицию! Да что ж это делается такое!» Лысая бомжиха подмигнула замершей Нине:

— Заклюй ближнего — насри на нижнего! Я, бля, Брюс Ли по паспорту. — После чего сильно закашлялась, ссутулилась, еле добрела до своей койки и легла, повернувшись тощим задом к аудитории.

Каждое утро врачи обещали перевести Нину в палату, но всякий раз оказывалось, что есть кто-то более немощный, пожилой или просто настырный, таким образом, большинство из «коридорных» вскоре рассосалось по комнатам. Предпенсионная Нина Петровна же была человеком кротким и качать права не умела, посему все десять дней пребывания в клинике была вынуждена наблюдать свою бездомную соседку и терпеть её выходки. На вопросы врачей и медсестёр, как её зовут, бомжиха царственным движением протягивала руку как бы для поцелуя и сообщала: «Сопля Михална» или «Иришка — от п...зды задвижка». Документов у неё, разумеется, не было никаких, и врачи крыли «скорую», и власти, и вообще всех, благодаря кому они теперь были обязаны возиться с отвратительной бабой. На третий день с момента поступления она пожелтела вплоть до белков глаз и радостно хихикала, разглядывая себя в зеркале над умывальником. Нина же вполуха уловила из врачебных переговоров слово «цирроз» и посматривала на соседку с брезгливой жалостью, и при первой же возможности переехала от бомжихи на самую дальнюю кровать. В коридоре они оставались вдвоём.

Лечащим врачом у обеих оказалась совсем юная барышня, работавшая едва пару месяцев. Нину кое-как обследовали, гоняли с этажа на этаж к разным специалистам, ставили капельницы, по десять раз на дню мерили давление, которое никак не желало спадать до приличных цифр. К бездомной же докторша близко старалась не подходить и небрежно задавала вопросы о том, когда она последний раз пила и чем обычно питается. Бомжиха в ответ весело скалилась и выдавала какую-нибудь очередную матерную прибаутку, обилию и разнообразию которых филолог

Нина Петровна внутренне изумлялась и искренне восхищалась этому неиссякающему фонтану. Визит пожилого усатого гепатолога, похожего на белогвардейского генерала, хулиганка отметила восторженным свистом: «Ой, усики — пропуск в трусики!», запивая таблетки, провозглашала: «За нас, за вас и за Кавказ!»; предложение навестить проктолога одобрила рассудительной фразой: «Лишний х...й в жопе не лишний!»; ежевечерний укол сопровождала словами «Я готова, дочь Попова, можно замуж выдавать!» — и так до бесконечности. Когда женщина не хотела чего-то делать, резко мотала головой — «Фыр-мыр!», а Нинино внимание привлекала добродушным: «Слы, очки!»

Нина Петровна мысленно окрестила соседку Дурочкой — по ассоциации с фильмом Тарковского всплыл в голове образ юродивой и одновременно с ним — частушки скомороха-Быкова. Ночами Дурочка вдруг резко подымалась с кровати, подбегала к Нининой койке и начинала, захлебываясь, лепетать нечто невнятное. Нина делала вид, что спит, и Дурочка, постояв, вздыхала и возвращалась к себе. Но иной раз ей не спалось, и тогда она отправлялась «на дело» — то соберет по всем женским палатам тапочки и свалит их горой возле сестринского поста, то просто пугала кого-нибудь, тащившегося в сортир, выскакивая навстречу из кабинки. Навестила раз мужскую палату — шарила по тумбочкам, за что крепко получила по шее и больше не отваживалась на такие подвиги. А иногда бездомная тоненько, непрерывно хныкала во сне, и как-то раздраженная ноющими звуками Нина Петровна, подойдя, увидела, как текут по старчески-младенческому лицу мелкие мутные слезы.

Нина пыталась заговаривать с бомжихой, расспрашивать её о жизни, но никогда не получала внятных ответов, да и не всегда было ясно, насколько чётко Дурочка понимает, о чем ей говорят. Представления об этой низшей, опасной и асоциальной прослойке общества у Нины Петровны были не очень внятные. Ну, в переходах в центре всегда ощущался тошный запах немых тел, мочи, перегара и гниющих ран, ну, по телевизору иной раз твердили что-то про «милосердие», или то вдруг в газете попадался очерк о том, что ни в коем случае нельзя подавать цыганкам со спящими младенцами, потому

что младенцы эти краденые и накачаны наркотиками, чтобы все время спали, долго не живут, умирают, и их тут же заменяют другими. Нина когда-то для себя решила, что будет подавать милостыню только опрятным бедным старушкам, особенно её пронзила надпись на картонке у одной такой тихой бабули: «Помогите на хлеб бывшей учительнице, стаж 38 лет». Но из той же статьи она узнала, что и старушки могут быть не просто так — это часть мафии попрошаек, и про «бывшую учительницу» скорей всего враньё, после чего старалась быстрым шагом проходить вообще мимо всех просящих и бомжующих, подозревая их в профессионализме. Потому речи Нины Петровны в адрес Дурочки были в основном назидательно-вопросительными, мол, как же ты дошла до жизни такой, на что бездомная или фыркала, или отмалчивалась, пока в очередной раз не получила втык от Нины за то, что размазала еду по подносу — Дурочка скидывала второе в суп и туда же выливала компот, так что месиво выходило из берегов тарелки, жадно ложкой хлебала беззубым ртом, смотреть на это было противно, о чем учительница и сообщила бомжихе. Дурочка доела всё с подноса, вытерла кусочком хлеба тарелку и вдруг со всей силы швырнула её в сторону Нины, проорав при этом:

Поступила в институт
Имени Мичурина.
Так и знала — отъ...т,
Просто сердцем чуяла!

Больше Нина Петровна не пыталась делать попыток воспитывать бездомную. Приходившая навестить коллега была в ужасе от этого соседства и просила у сестер спирта, чтобы продезинфицировать Нинину кровать и тумбочку. Словоохотливая медсестра спирту не дала, но сообщила, чтоб они не дёргались — через пару дней отойдет бомжиха, не жилец. Нина удивилась — Дурочка была, конечно, человеком совсем не здоровым, но и не выглядела умирающей. Пожилая преподавательница биологии, уходя, сказала Дурочке: «До свиданья, поправляйтесь...», на что та буркнула в своей манере: «Целую в плечи — до скорой встречи».

Эта же коллега принесла по Нининой просьбе книгу Жюльетты Бенцони

«Марианна», очередной том о приключениях юной Марианны д'Ассельна де Вилленев — Нина Петровна считала, что в больничных условиях даже образованному интеллигентному человеку не стыдно развлечь себя легким чтивом. Устроившись на банкетке возле окна, она погрузилась в наполеоновскую эпоху, отмечая профессиональным глазом досадные опечатки в дешёвом издании, и вдруг обнаружила рядом с собой Дурочку, на лице которой внезапно цвела не идиотская и не глумливая улыбка — улыбалась робко и тянула пальцы к томику в зелёной обложке:

— Гля... Марианна... это ж я!

— В каком смысле — «я»? — строго спросила Нина Петровна, убирая книгу за спину.

— Ну это... Марианна я. Ну. Ну имя такое... моё имя это. Слы, очки, дай поддержать-то, ну дай... книжка-то — как про меня называется...

Нина протянула внезапно обретшей человеческое имя Дурочке книгу. Та приняла её бережно, провела пальцем по корешку, вдруг прижала к лицу и, прикрыв безбровые опухшие веки, с силой вдохнула запах, посидела так с полминуты и положила раскрытый роман вверх страницами Нине на колени. Потом быстрым движением поймала пролетающую муху, поднесла кулак к носу, потрясла и радостно завопила:

— Муха — наложит в ухо!...

Накануне выписки Нина попросила подругу съездить к ней домой и привезти кое-какие вещи.

— Вот, — сказала она, садясь на край Дурочкиной кровати, — я завтра ухожу, а это тебе — ты уж больше недели в одном исподнем, грязное всё, фу! Держи вот — костюм спортивный, бельё, носки, майка, кеды мои — у тебя нога-то небольшая, точно влезешь, они разношенные. Слушай-ка, королевишна, помогу тебе одеться, снимай эту гадость...

Бездомная внимательно смотрела Нине Петровне в лицо, пока та, пыхтя, натягивала на неё штаны и пыталась застегнуть олимпийку. Нина же в очередной раз про себя ужаснулась яркой желтизне тела Дурочки, её кривым торчащим рёбрышкам и выпирающим тазовым костям, большому следу от ожога на плече, синякам всех цветов радуги. «И ни одной наколки! Не сидела, значит», — успела подумать, шнуруя на бомжихе свои любимые старые кеды.

— Обедать, девочки! — явилась раздатчица со своим столом на колёсиках, уставленным гигантскими алюминиевыми кастрюлями, глубокими подносами со слипшимися биточками и чайниками с отваром шиповника, на которых широкими мазками коричневой краски были написаны какие-то аббревиатуры и цифры. — Давайте живее, ползёте мне тут!

Нина села к Дурочке спиной, чтобы поесть спокойно и не видеть, как та в очередной раз сольет всю еду в одну тарелку. Обернулась на громкое восклицание несущей грязную посуду в столовую женщины — и увидела то, что увидела. Голова Дурочки лежала на правой щеке на подносе, в одной руке она сжимала белую горбушку, а другую тянула в сторону Нины.

— Отмучилась бомжара-то наша, — с сердечной интонацией сказала дежурная нянечка, накрывая простынёй тело, — и откуда ж у ней шмотьё-то взялось?..

Уходя на следующий день домой, Нина получила на руки выписку, уже у лифта её нагнала сестричка и сунула в руки тоненькую пачку сколотых степлером листов:

— Пожалуйста, занесите в морг, мимо всё равно ж пойдёте, — и убежала.

Нина смотрела в историю болезни Дурочки: «Неизвестная, 40-55 лет, без определенного места жительства, документы отсутствуют».

Маленькое здание морга было завалено снегом. Нина толкнула тяжеленную дверь и вошла внутрь, в нос ей шибанул густой уютный запах свежей хвои. «Откуда тут ёлки?.. Синяя ёлка, малиновый ствол... А-а, это, наверное, венки! И Новый год уже скоро, — вспомнила Нина, — первый запах нового года...» Безмолвный медбрат поднял на неё глаза, увидел протянутые бумаги, кивнул и взял их. Нина направилась к выходу и вдруг быстрыми шагами вернулась:

— Молодой человек! Можно вас... дайте, пожалуйста... У вас есть ручка?

Получив ручку, Нина зачеркнула слово «Неизвестная» и сверху большими печатными буквами написала: МАРИАННА.

Мастерская «Перевод с английского: от сериала до комикса»

Стипендии CWS

Летом 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий в мастерскую Светланы Арестовой и Михаила Визеля «Перевод с английского: от сериала до комикса». Представляем работы победителя и финалистов конкурса.

Конкурсное задание

Прочитайте сцену из пьесы Ноэла Кауарда *Present Laughter* и переведите указанный фрагмент.

Present Laughter by Noël Coward

Act One

The scene is Garry Essendine's studio in London.

On stage right there is a door leading into the spare bedroom. Above this is an alcove and hall leading to the front door. Just below and on the left of this is a staircase leading to Garry's bedroom. Under the stairs is a service door, below it a large window, and below that another door leading into the office. Down stage right is a fireplace. The furnishing is comfortable, if a trifle eccentric.

When the curtain rises it is about 10.30 a.m. The studio is rather dim as the curtains are drawn. Daphne Stillington comes out of the spare room. She is a pretty girl of about twenty-three or four. She is wearing a man's dressing-gown and pyjamas. She

wanders about until she finds the telephone and then, almost furtively, dials a number.

Daphne (*at telephone*) Hallo — hallo! Is that you Saunders? Can I speak to Miss Cynthia? ... all right I'll hold on ... hallo ... Cynthia darling it's Daphne ... yes ... are you alone? Listen I'm you know where.... Yes I did.... No he isn't awake yet.... There's nobody about at all.... No, in the spare room, I've only just got up, I'm not dressed or anything.... I can't go on about it now, someone might come in.... If anybody rings up from home will you swear to say that I stayed with you.... Darling you promised.... In that case say I'm in the bath or something.... Yes, as soon as I'm dressed, in about an hour, I should think.... Of course ... I can't wait to tell you.... All right.

She puts down the telephone and goes over towards the service door. She has nearly reached it when Miss Erikson comes through it. Miss Erikson is a thin, vague-looking Swedish housekeeper. She is wearing a chintz smock, gloves and very tattered bedroom slippers. She is smoking a cigarette.

Начало фрагмента на перевод:

Daphne (*a trifle nervously*) Good morning.

Miss E. (*betraying no surprise*) Good morning.

She goes over to the windows and draws the curtains.

Daphne (*following her*) What time is Mr Essendine going to be called?

Miss E. He will ring.

Daphne What time does he usually ring?

Miss E. That depends what time he went to bed.

She goes over to the fireplace. Daphne follows her.

Daphne (*in a rush*) I'm afraid we were rather late last night. You see, we were at a party and Mr Essendine very kindly said he'd drive me home, and then I found I'd forgotten my latch-key and I knew I shouldn't be able to make any of the servants hear because they sleep at the top of the house, so Mr Essendine said I could stay the night here and — and so I did.

Miss E. If you were very late he will probably sleep until the afternoon.

Daphne Oh dear! Couldn't you call him?

Miss E. Alas, no, we can never call him.

Daphne Well, do you think I could have some coffee or orange juice or something?

Miss E. I will see.

She goes out through the service door. Daphne left alone sits down rather gloomily on the edge of the sofa. After a few moments Fred enters. Fred is Garry's valet. He is smartly dressed and wears a black alpaca coat. Daphne gets up from the sofa.

Daphne Good morning.

Fred Good morning.

Daphne Have you any idea what time Mr Essendine will wake up?

Fred Might be any time, he didn't leave no note.

Daphne Couldn't you call him? It's nearly eleven o'clock.

Fred The whole place goes up in smoke if we wake him by accident, let alone call 'im.

Daphne Well, do you think I could have some breakfast?

Fred What would you fancy?

Daphne Coffee, please, and some orange juice.

Fred Rightyo.

Fred goes off again. Daphne wanders about, finally ending up once more on the sofa. Monica Reed, Garry's secretary comes in from the hall. She is in her hat and coat and carries a bundle of letters. Monica is a pleasant, rather austere woman in the early forties.

Daphne Good morning.

Monica Good morning. I am Mr Essendine's secretary. Is there anything I can do for you?

Daphne Well, I'm afraid it's rather awkward — you see, Mr Essendine drove me home last night from a party and I idiotically forgot my latch-key and so he very sweetly said I could stay here — in the spare room.

Monica I hope you were warm enough.

Daphne Oh yes, quite, thank you.

Monica It's liable to be a bit nippy in the spare room.

Daphne I kept the heater on.

Monica Very sensible.

Daphne And now I was wondering if somebody could tell Mr Essendine that I'm — well — here.

Monica I expect he'll remember when he wakes up.

Daphne Have you any idea when that will be?

Monica I'm afraid not. If he didn't leave any special time to be called he might sleep on indefinitely.

Daphne I don't want to go away without saying goodbye and thanking him.

Monica If I were you I should have some breakfast and dress and if he isn't awake by then you can leave a message for him. Have you asked for any breakfast?

Екатерина Ветлужских

Дафна *(слегка волнуясь)*. Доброе утро.

Мисс Э. *(невозмутимо)*. Доброе утро.

Она подходит к окну и раздвигает шторы.

Дафна *(следуя за ней)*. В каком часу разбудят мистера Эссендайна?

Мисс Э. Он позвонит.

Дафна. А когда он обычно звонит?

Мисс Э. Зависит от того, во сколько он лёг.

Она подходит к камину. Дафна идёт за ней.

Дафна *(торопливо)*. Боюсь, мы вчера с ним припозднились. Дело в том, что мы были на вечеринке, и мистер Эссендайн очень любезно предложил отвезти меня домой, но потом я обнаружила, что забыла свои ключи и никто из слуг меня не услышит, потому что они спят на верхнем этаже, поэтому мистер Эссендайн предложил мне переночевать здесь, и я согласилась.

Мисс Э. Если вы вернулись очень поздно, он может проспять до обеда.

Дафна. Господи! А нельзя его разбудить?

Мисс Э. Увы, нет. Его никогда нельзя будить.

Дафна. Что ж, а можно мне чашку кофе, или апельсинового сока, или чего-то ещё?

Мисс Э. Узнаю.

Она выходит через служебную дверь. Оставшись одна, Дафна с мрачным видом садится на краю дивана. Вскоре заходит Фред. Фред – камердинер Гарри. Он элегантно одет и носит чёрное пальто из шерсти альпака. Дафна встаёт с дивана.

Дафна. Доброе утро.

Фред. Доброе утро.

Дафна: А вы не знаете, когда проснётся мистер Эссендайн?

Фред. Когда угодно, он не оставил записки.

Дафна. А вы не можете его разбудить? Уже почти одиннадцать.

Фред. Здесь всё взлетит на воздух, даже если мы разбудим его случайно, и уж тем более, если специально.

Дафна. А можно мне тогда позавтракать?

Фред. Чего бы вам хотелось?

Дафна. Кофе, пожалуйста, и апельсинового сока.

Фред. Ладненько.

Фред снова уходит. Дафна бродит по комнате, пока в итоге снова не садится на диван. Моника Рид, секретарь Гарри, заходит из коридора. Она одета в пальто и шляпку и несет стопку писем. Моника – приятная, довольно строгая женщина лет сорока.

Дафна. Доброе утро.

Моника. Доброе утро. Я секретарь мистера Эссендайна. Могу я вам чем-то помочь?

Дафна. Боюсь, вышло весьма неловко: понимаете, мистер Эссендайн отвёз меня домой вчера с вечеринки, а я, как идиотка, забыла ключи, поэтому он так радушно предложил мне переночевать здесь, в гостевой комнате.

Моника. Надеюсь, вам было тепло.

Дафна. О да, вполне, благодарю вас.

Моника. В гостевой комнате бывает немного прохладно.

Дафна. Я включила радиатор.

Моника. Очень благоразумно.

Дафна. А теперь хотелось бы узнать, может ли кто-то передать мистеру Эссендайну, что я... ну... здесь.

Моника. Думаю, он вспомнит, когда проснётся.

Дафна. А вы имеете представление, когда это случится?

Моника. Боюсь, что нет. Если он не попросил разбудить его в какое-то конкретное время, он может проспать сколько угодно.

Дафна. Мне бы не хотелось уходить, не попрощавшись и не поблагодарив его.

Моника. На вашем месте я бы оделась и позавтракала, а если к тому времени он не проснётся, вы можете оставить ему сообщение. Вы уже попросили завтрак?

Татьяна Ильина

Дафна (*чуть нервно*). Доброе утро.

Мисс Э. (*без тени удивления*). Доброе утро.

Подходит к окну, раздвигает шторы.

Дафна (*следуя за ней*). В котором часу вы разбудите мистера Эссендайна?

Мисс Э. Он сам позвонит.

Дафна. А когда он обычно звонит?

Мисс Э. Смотря когда он лёг спать.

Идет к камину. Дафна следует за ней.

Дафна (*спешно*). Боюсь, прошлой ночью мы пришли довольно поздно. Видите ли, мы возвращались с вечеринки, и мистер Эссендайн любезно предложил подвезти меня до дома. А потом я обнаружила, что забыла ключ от входной двери. Совершенно точно, я бы не смогла достучаться до кого-нибудь из слуг, так как все они спят на самом верхнем этаже. Мистер Эссендайн сказал, что можно остаться у него на ночь, и вот я осталась.

Мисс Э. Если вы пришли поздно, то, скорее всего, он проснётся уже после полудня.

Дафна. Ах, что же делать? Не могли бы вы позвать его?

Мисс Э. Увы, нет! Нам нельзя его будить.

Дафна. Что ж, в таком случае могу ли я попросить завтрак? Может быть, кофе или апельсинового соку?

Мисс Э. Я посмотрю.

Уходит через дверь для прислуги. Дафна остаётся одна, угрюмо садится на край дивана. Через несколько минут заходит Фред, лакей Гарри. Фред одет с иголочки, на нём чёрное шерстяное пальто из альпака. Дафна встаёт с дивана.

Дафна. Доброе утро.

Фред. Доброе утро.

Дафна. А вы не знаете, когда мистер Эссендайн проснётся?

Фред. Может в любое время. Он распоряжений не оставлял.

Дафна. Не могли бы вы позвать его? Почти одиннадцать часов.

Фред. Тут всё полетит к чертям, разбуди мы его случайно, что уж говорить, если специально потревожить!

Дафна. Что ж, не могли бы вы тогда принести мне завтрак?

Фред. Чего изволите?

Дафна. Кофе, будьте добры, и апельсинового соку.

Фред. Так точно-с.

Фред уходит. Дафна бродит по комнате, наконец опять садится на диван. Моника Рид, секретарша Гарри, входит через холл. На ней шляпка и пальто, в руках пачка писем. Моника — приятная, строгая на вид женщина. Ей немного за сорок.

Дафна. Доброе утро.

Моника. Доброе утро. Я секретарша мистера Эссендайна. Могу ли я вам чем-то помочь?

Дафна. Ах, всё так ужасно неловко вышло. Видите ли, прошлой ночью мистер Эссендайн подвозил меня после вечеринки до дома, и я по совершеннейшей глупости забыла ключ от входной двери. Мистер Эссендайн был так добр, что предложил мне остаться у него, в комнате для гостей.

Моника. Надеюсь, вам было тепло.

Дафна. О да, вполне, благодарю.

Моника. В гостевой довольно часто бывает зябко.

Дафна. Я оставила калорифер на ночь.

Моника. Очень благоразумно.

Дафна. Хотелось бы узнать, кто-то может передать мистеру Эссендаину, что я всё ещё... эмм... здесь?

Моника. Я полагаю, он вспомнит об этом, как только проснётся.

Дафна. Не знаете ли вы, когда это может произойти?

Моника. Боюсь, что нет. Если он не оставил никаких указаний, он может проспать хоть до завтрашнего дня.

Дафна. Ах, не хотелось бы уходить, не попрощавшись и не поблагодарив его.

Моника. На вашем месте я бы позавтракала и переделась. Если мистер Эссендаин не проснётся к тому времени, можете оставить ему записку. Вы уже попросили принести вам завтрак?

Татьяна Трофимова

Дафна *(слегка нервно)*. Доброе утро.

Мисс Э. *(не показывая удивления)*. Доброе утро.

Она подходит к окнам и отодвигает шторы.

Дафна *(следуя за ней)*. Во сколько разбудят мистера Эссендаина? _____

Мисс Э. Он позвонит, когда проснётся.

Дафна. Во сколько он обычно звонит?

Мисс Э. Это зависит от того, во сколько он лёг спать.

Она подходит к камину, Дафна следует за ней.

Дафна *(торопливо)*. Боюсь, вчера мы приехали довольно поздно. Видите ли, мы были на вечеринке, и мистер Эссендаин любезно предложил отвезти меня домой, а потом я обнаружила, что забыла ключ от входной двери, и поняла, что не смогу достучаться до слуг, потому что они спят на верхнем этаже, и поэтому мистер Эссендаин предложил мне остаться на ночь здесь, у него... Вот я и осталась.

Мисс Э. Если вы приехали очень поздно, вероятно, он проспит до полудня.

Дафна. Ох, не могли бы вы разбудить его?

Мисс Э. Увы, нет. Мы не можем будить его ни при каких обстоятельствах.

Дафна. Что ж, как вы думаете, могу ли я рассчитывать на кофе, или апельсиновый сок, или что-нибудь в этом духе?

Мисс Э. Сейчас я выясню.

Она выходит через дверь для прислуги. Дафна, оставшись одна, садится с довольно мрачным видом на край дивана. Через пару секунд входит Фред, камердинер мистера Эссендаина. Он элегантно одет, на нём чёрное пальто из альпака. Дафна встаёт с дивана.

Дафна. Доброе утро.

Фред. Доброе утро. _____

Дафна. Может быть, вы знаете, во сколько встанет мистер Эссендайн?

Фред. Во сколько угодно, он не оставил записки.

Дафна. Не могли бы вы разбудить его? Уже почти одиннадцать часов.

Фред. Мистер Эссендайн испепеляет всё вокруг, если случайно потревожить его сон. Что ж будет, если пойти и разбудить его.

Дафна. М-м. Как вы думаете, могу ли я рассчитывать на завтрак?

Фред. Что бы вы хотели?

Дафна. Кофе, пожалуйста, и апельсиновый сок.

Фред. Сию минуту.

Фред уходит. Дафна бродит по комнате, затем вновь садится на диван. Моника Рид, секретарша мистера Эссендайна, появляется из прихожей. На ней шляпа и пальто, она несет связку писем. Моника приятная, немного строгая на вид дама сорока с небольшим лет.

Дафна. Добрый день.

Моника. Добрый день. Я секретарь мистера Эссендайна. Чем могу быть вам полезна?

Дафна. Что ж, как-то неловко говорить об этом... Видите ли, мистер Эссендайн повёз

меня домой после вечеринки, и я идиотским образом забыла ключ от входной двери, и он очень любезно предложил остаться здесь, в комнате для гостей.

Моника. Надеюсь, вы не замерзли.

Дафна. Ничуть, благодарю вас.

Моника. В гостевой может быть довольно прохладно.

Дафна. Обогреватель работал всю ночь.

Моника. И это правильно.

Дафна. И я тут подумала, может, кто-то мог бы сообщить мистеру Эссендайну о том, что... В общем, о том, что я здесь.

Моника. Вероятно, он вспомнит об этом, когда проснётся.

Дафна. Как вы думаете, во сколько это произойдёт?

Моника. Боюсь, я не знаю. Если он не сообщил, во сколько его разбудить, то может проспять хоть весь день.

Дафна. Я бы не хотела уехать, не попрощавшись и не поблагодарив его.

Моника. Будь я на вашем месте, я бы сперва позавтракала и переделалась, и если он всё ещё не проснётся, вы сможете оставить для него сообщение. Вы уже попросили подать вам завтрак?

Писательский марафон «CWS-Отражения»

В сентябре 2022 года мы провели писательский марафон «CWS-Отражения», в котором которого мы занимались самоисследованием, тренировали писательскую оптику, искали собственный угол зрения, уникальные стиль и интонацию. Представляем избранные тексты, написанные участниками марафона.

Екатерина Климовская. Без названия

Прошло десять секунд — ровно столько нужно опытному шаману для вхождения в транс. Но он-то пока ещё кууш¹ — салага, юнец, щенок. Без рух-тя ему не обойтись. Юноша принял настой из рук старшего шамана и отпил. Терпкий, пряный, с горчинкой вкус, словно он попробовал сам лес.

— Теперь смотри и слушай, кууш. И молчи, — велел старший и подкинул дров в костёр.

Где-то за горами уходило на покой солнце, на прощанье окрашивая вершины пастелью. В долине же было сложно разглядеть хоть что-то сквозь густой частокол, окружающий поляну. Кучка куушей жалась к костру, тихо ожидая Испытания. Ученики, так же молча, сидели поодаль. Одни держали бубны, другие — варганы, а у кого-то в руках были таинственные полотняные мешочки. Старшие же ушли к юту² Верховного.

И вот, когда уже и горы окутал мрак, из ютута вышел один из старших — Хар-Мага. Он

махнул рукой, и первый удар бубна отдался в груди молодого кууша. На поляну одна за другой в такт бубнам вышли звериные фигуры старших, окружая юнцов плотным кольцом. Они медленно раскачивались, подняв руки, словно подражая деревьям. Постепенно темп становился всё быстрее, а кольцо всё размытей. Куушу казалось, что и его сердце обратилось в бубен — оно стучало так же громко и быстро.

Вдруг и звуки, и танец оборвались. Старшие замерли. Несколько учеников бросили что-то в костёр. Тот громко треснул, выпуская разноцветный дым, и в круг с воем ворвались двое: Верховный и Хар-Мага, бывший некогда его учеником. Снова застучали бубны, кольцо оживило, а две олени фигуры заскакали-завертелись в ритуальном танце.

Кууша колотило. Едкий дым щипал глаза, в горле пересохло, а бубен в груди заглушал все прочие звуки. Золотисто-коричневые силуэты двух шаманов то сливались, то рассыпались, то затем опять становились единым целым. Старшие рычали, фыркали, гоготали, скакали и мелькали. Кууш заметил, как к этой какофонии примешались звуки варганов и горлового пения. Он прислушался, стараясь зацепиться за них, словно утопающий за ветку. Но тщетно. Пение затягивало в свой водоворот гортанных звуков, пыталось поглотить. А варганы плетью избивали мозг.

— Дыши!

Что? Он повернул было голову, чтобы найти нарушителя ритуала, но тело не слушалось — оно стало тяжёлым, вялым, почти бессильным.

— Смотри!

Да кто же это?!

— Будь смиренен!

Что ж, хорошо...

Кууш уставился на танцующих и сделал череду медленных, глубоких вдохов и выдохов. Теперь сердце больше не рвалось на свободу, будто загнанный зверь, а билось в темпе дикой музыки. Юноша почувствовал, как звуки быстрой рекой текут сквозь него. Силуэты, дым и свет складывались в причудливые узоры. Вот он видит дивный цветок. А вот морду дикого зверя. Мотылёк. Дерево. Женщины. Цапли. Листья. Барс. Волк. Олень!

Золотой олень прыгал вокруг кууша то отдаляясь, то приближаясь. Юноша протянул руку. Тот отскочил и обернулся. Иди за мной. Кууш встал и ступил на серебристую тропу, расстелившуюся под ногами. В траве мерцали звёзды. С небес глядели боги.

Он шёл и шёл, пока не оказался на самой вершине горы Атау-Шакла. Там его уже ждали. Мать, отец, братья... и та, что предназначалась другому. Олень ударил копытом, и они преобразились. Теперь пред куушем стояли духи. Один из них — зелёный старик — выступил вперёд. Долго смотрел он на юнца.

— Что, не признал старого Шангу? А ведь мы встречались! — насмешливо пророкотал он. — Ну, бывай, уутан!

Лесной хозяин отвесил парню щелбан. Мир опрокинулся. Олень подхватил юношу и понёс вниз, туда, где у костра плясали звери.

***

Чьё-то касание вывело его из транс. Верховный! Из-под оленьей маски смотрели чёрные глаза.

— Встань, уутан Шанг-Дуу, и ступай за мной.

Он встал и последовал за Верховным в его уют. Теперь он больше не безымянный кууш. Теперь он ученик шамана. Да не простого, а самого Верховного!

Татьяна Костакова. Дюже хороша

Варвара Никифоровна вальяжно разместила волны своего тела на небольшой табуретке — расправила образовавшиеся замины. Провела руками по байковому, темно-синему в бордовый цветок, халату.

Сегодня утром, проходя по переходу в метро, она удачно заметила халат на развалах и схватила, даже не примерив, лишь на глаз оценила размер и вырвала из рук у замешкавшейся — достававшей деньги — Ангелины Владиславовны из первого подъезда. *Эти вечно печальные — чернильные волосы. А халатик-то — 750 рублей. С запахом. Добротная материя — не чета нынешней синтетике.*

Торговцев давно искоренили — выгнали из центра города. А эти как тараканы набежали, расставили лотки — всё для тепла и уюта сметанного тела дородной Варвары Никифоровны.

Алые войлочные тапочки и алые шерстяные чулки были куплены там же — на лотке в переходе метро, и теперь красовались на тяжелых ногах-столбах; чуть приспущенные, гармошкой обхватывающие, они смешно покалывали круглые пятки.

ЖЭК уже неделю не включал отопление, в квартире царил каменящий воздух — он

прокрадывался всё глубже к костям женщины, приходилось каждый день звонить на горячую линию управляющей компании, жаловаться — требовать. Войдя в квартиру с покупками — чуть раздраженная — с бумажными пакетами в руках, Варвара Никифоровна бурлила себе под нос. *Тоже мне модные экологи. С лотка да в крафт. Лучше бы по старинке в цветастый пластиковый завернули — хоть мусор в него сложить. А с этим что прикажете делать?*

И вот теперь, сидя на внучкиной табуретке, утепленная в обновки, она всматривалась в своё отражение в зеркале платяного шкафа. Волосы башней возвышались над высоким широким лбом. *Не зря зашла в парикмахерскую!* Густые брови то и дело коршуном взлетали вверх — грозовой тучей спускались вниз. Полные губы капризно надувались и кокетливо растягивались в игривой улыбке. Варвара Никифоровна поворачивалась то одной, то другой щекой, изучая себя, чуть покачивая плечами. Руками гладила своё отражение.

— Ба, да ты класная, как цветок имбиля! Класная-класная! — Раздался щелчок открываемого замка входной двери, в комнату вихрем, не снимая алого комбинезона, влетела малышка лет четырех. Плюхнулась к бабушке на колени, достала из кармана халата уже припасенный для нее леденец. — Класная-класная! Вот так волосы у тебя! Тепель ты не снежинка!

Черт возьми, хороша! Дюже хороши! Огонь!

Варвара Никифоровна улыбнулась отражению. Заветное тепло наконец-то проникло в её дом. *Очень кстати зажурчали батареи — можно и комбинезон снять с Викули.*

Наталья Санина. Тапочки

Я заглушаю пустоту в комнате голосами из фильмов, похожих друг на друга и таких же одинаково бессмысленных. По вечерам открываю бар с десятком запечатанных

бутылок, состаренных пылью, но ничего не пью: это для гостей. Для когда-нибудь гостей.

На кухне выключается чайник. Две ложки кофе. Просто кофе без сахара. Я делаю глоток и оставляю его стоять на столе. Потом.

В ванной бьет в глаза прошлое: белый потолок, белый пол, белые стены. Слишком светло. Так слишком, что холодно.

Я зажмуриваюсь — кожа комкается под глазами.

— Мамочка, мы пойдем сегодня на батуты? — Лерка обвивает меня своими тоненькими ручонками и пыхтит мне в живот.

— Милая, я не могу, ты же знаешь. — Я глажу ее по голове: у нее такие мягкие волосы, какие бывают только у детей. — Сегодня мне на операцию привезут одного дедушку... Если я не сделаю ему операцию, он умрет.

— Если ты не пойдешь со мной на батуты, — она разжимает объятия, с вызовом задирает голову вверх, всматриваясь в меня внезапно колючим взглядом, — я... я... я тоже умру!

— Не говори глупостей. — Я отвожу глаза. — Папа сводит тебя на твои батуты! Правда, пап?

— Конечно, свожу! — Муж подмигивает мне, присаживается перед Леркой на корточки, обнимает ее маленькие ладошки своими большими. Она не смотрит на него — елозит взглядом по полу: все еще дуется.

— Сильно не хулиганьте! — кричу я уже из коридора, пытаюсь одновременно надеть туфли и плащ. — Все, я ушла. — Дверь за мной захлопывается.

В кухне звонит телефон, как скальпель, вспарывая тишину настойчивой трелью. Она раззванивается по всей голове. Так стремительно, так нагло, что мне хочется стать глухой. Пожалуйста, не сейчас. Не сейчас. Пытаюсь заткнуть телефон и задеваю чашку. Коричнево-черное пятно расползается по полу. Я не останавливаю — пусть. И кофе рисует две фигуры: им весело — они прыгают, держась за руки.

Привычными движениями снимаю перчатки, маску, шапочку, костюм и выхожу в коридор. Сирены голосов, топот ног, повизгивание колес несущихся куда-то каталок.

— Мария Николаевна, вы уже знаете? — Кто-то останавливает меня в коридоре. —

Пожар в торговом центре. С обрушением. Тяжелых везут к нам — готовьтесь!

Слова пульей врываются внутрь меня, пробивают ткани и застревают в сердце.

— В каком торговом центре? — тихо спрашиваю я. Но уже знаю, в каком. В том самом, где... Меня подхватывают чьи-то руки — и я отключаюсь.

В безжизненном, уныло-бежевом коридоре — две пары тапочек. Маленькие розовые и большие синие. Они ждут. Всегда будут ждать.

1. Низшая ступень в шаманской иерархии[↑]

2. Дом, шалаш.[↑]

Амбигекстер

Татьяна Лапшина

Оглушенная февралем Москва оживала. Праздновала Масленицу и готовилась к Восьмому марта. Вечером тещиной пятницы центр наполнился людьми в суетливом порыве заговенья. Кто-то лакомился блинами на ярмарке с видом на памятник Карлу Марксу. Кто-то спешил закупиться подарками заморских брендов будто в последний раз.

Долговязый мужчина в спортивной шапке и сером пуховике вышел из метро «Охотный ряд». Он ступал неверно, простукивая дорогу перед собой длинной телескопической тростью. Лицо было скрыто спортивными очками с бензиновым отливом и черной медицинской маской, что усиливало его сходство с богомолем. Стараясь избежать толпы, он двинулся в сторону Театральной площади.

Тем же вечером после долгого рабочего дня, толкнув тяжелую деревянную дверь, на улицу вышел Милорад Мстиславович Ладов. Он блаженно вздохнул и залюбовался праздничной иллюминацией над проезжей частью. Непокрытая рыжая голова его была занята думами государственной важности, а еще больше — мечтами о холодной стопочке водки с черным хлебушком и строганиной из муксуна. Пока можно себе позволить до начала Великого поста. Он улыбнулся собственным мыслям, запахнул тонкое полупальто с каракулевым воротником и не заметил, как двинулся наперез мужчине, похожему на богомола.

Левая нога зацепилась за трость, когда правая уже торопилась вперед и не собиралась менять траекторию. Руки неловко вскинулись вверх, будто готовясь к молитвенному поклону. В это время добродушного вида

широкоплечий шофер тайком курил в казённом мерседесе. Он увидел, как хозяин заваливается на тротуар, и думал уже кинуться на подмогу, но не успел. Голова Милорада Мстиславовича прочертила в воздухе дугу, словно грифель циркуля в руках неумелого школьника, и легла щекой на дорожную плитку, жирную от реагента. Милорад Мстиславович услышал, как звякнул о землю депутатский значок, и собственный гулкий выдох, когда сверху на него приземлился слепой. В правой руке что-то хрустнуло.

— Простите меня, пожалуйста. Так неловко вышло. — Человек, похожий на богомола, чрезвычайно легко поднялся и уже помогал Милораду Мстиславовичу встать. Тот попытался отряхнуться, но правая рука двигалась непривычно и сильно болела.

— Глаза разуй! Куда прешь!

Мужчина, похожий на богомола, не нашелся что сказать, — стоял рядом, смущённо горбясь и прижимая к груди сломанную трость.

— Семён, ты глянь! Что с пальто! Что с рукой! В клинику, срочно! С этим потом разберемся...

Шофер уже подхватил Милорада Мстиславовича под левый локоть и вёл к машине, спасая прохожего от депутатского гнева.

— Надо наблюдать, как будет срастаться, — сказал доктор в светло-зеленой форме. — Пару

месяцев придется носить гипс и как-то обходиться без правой руки. Вы правша?

— Правша, правша. Во втором классе переучили.

— Вот и ладненько. Подпишите здесь и здесь. Это информированное согласие и договор на оказание медицинских услуг.

Милорад Мстиславович ухватил ручку левой рукой и расписался округлыми буквами первоклашки «ММЛадов». Он сам удивился тому, с какой легкостью это ему удалось.

От больничного листа отказался. Время тревожное требовало самоотверженного служения государственным нуждам. «Ничего, управимся с божьей помощью», — подумал депутат, когда в гардеробной Семён укутал его в пальто.

Поначалу жизнь с правой рукой в косынке показалась Милораду Мстиславовичу не слишком обременительной. В гардеробной нашлось несколько рубашек с коротким рукавом. Жена Лилечка вместе с дочкой в четыре руки застегнули пуговицы. Помогли справиться с плотным вязаным кардиганом. Оглядев себя в зеркале, Милорад Мстиславович выпрямил спину и подал подбородок вперед. Он показался себе похожим на гусара с портрета 19 века, если бы офицерам того времени разрешили носить бороду. Кардиган превратился в ментик, а рука в косынке — в перевязку боевого ранения. Этот небрежно мужественный образ пришелся ему по нраву.

Лилечка повязала на скромное домашнее платье фартук, собрала наращённые кудри в пучок и посвятила себя заботам о муже. Кормила его четыре раза в день с ложек и вилок. Утирала полотенцем усы и бороду. Приносила в кабинет орехи и сухофрукты на перекус. Порывалась помогать пить чай с медом и лимоном — чтобы не обжёгся. Когда такое внимание становилось слишком навязчивым, Милорад Мстиславович благородно отмахивался и показывал, как хорошо управляется левой рукой.

А вот на работе всё пошло наперекосяк, как только Семён оставил его у здания Государственной думы. Часть гусарской удали Милорад Мстиславович растерял в сражении с дверьми, которые, как ни тяни и ни толкни с левой руки, норовят преградить проход. Рукопожатия с сослуживцами превратились в неловкую пантомиму. Сначала он протягивает левую руку, ему — правую. Потом оба удивленно отдергиваются, будто обожглись или испачкались. И всё это с улыбкой перед тем как высказать сожаление по поводу сложившихся обстоятельств.

Когда Милорад Мстиславович добрался до своего кресла, на столе его ждала папка документов, готовых к рассмотрению, несколько бутылок воды и хрустальный стакан. Зажав бутылку коленями, он не без усилия открутил крышку и, налив себе воды, немного восстановил самоуважение. Гул голосов затих. Вячеслав Викторович Володин начал заседание. Пришло время отметить своё присутствие. Ладов уставился на электронную карточку в левой руке. Задумался. Терминал, куда следовало её вставить, как нарочно, был справа. Пришлось тянуться через весь стол, сминая животом документы. А когда он подался назад, возвращаясь в кресло, услышал звон упавшего стакана. Краска залила лицо быстрее, чем вода — утопленный в стол микрофон. Блеснула искра. Из колонок на весь зал раздался тот оглушительный бип, который так ненавидят все живые существа, способные слышать. Зал тревожно загудел. Люди на своих местах оглядывались, прикрывая уши руками. Милорад Мстиславович зажмурился всем лицом сразу, втянул голову в плечи, стараясь быть незамеченным. Техники разводили руками под суровым взглядом председателя, не понимая причины поломки. Заседание было приостановлено до прибытия старшего инженера.

— Ну как так?! — возмущался Милорад Мстиславович, обсуждая ситуацию в столовой. — Почему всё неудобно устроено?левой рукой совсем невозможно работать!

— Не кипишуй ты, — отвечали депутаты, обрадовавшиеся внезапному перерыву и возможности перекусить ватрушкой, по слухам, самой вкусной и дешёвой в центре Москвы. — Сколько тебе носить этот гипс?

Можно ж больничный взять, и отдыхай себе дома с Соней и Лилечкой. Кто бы отказался?

— До лета минимум! Какой больничный! Да вы послушайте, есть же левши среди нас! Сколько их, интересно. Ладно, среди депутатов. А сколько в службе? Они все бьются о двери и стаканы роняют? Неправильно это. — Милорад Мстиславович фыркнул и толкнул от себя блюдо со скромной выпечкой.

— Да кого это вообще волнует? Тебе будто не руку сломали, а голову! — И шёпотом: «Война же!»

В голове Милорада Мстиславовича и правда что-то разладилось. Оказываясь среди людей, он стал замечать прежде других тех, кто был стеснён в движениях или страдал каким-то недугом. Если кто-то за столом рядом с ним кашлял, он больше не стремился отстраниться, чтобы избежать заразы, а наоборот, левой свободной рукой наливал бедняге стакан воды. Если с ним в лифт заходила соседская няня, он помогал ей приподнять детскую коляску, чтобы та не цепляла колесами пазы дверей. Заметьте, это очень непросто сделать одной рукой. Он завел привычку носить в левом кармане несколько банкнот и монет, которые подавал нищим на выходе из церкви, хотя раньше считал их преступными тунеядцами.

Обострившуюся чувствительность к чужому страданию Милорад Мстиславович объяснял себе то ноющей болью в правой руке, то особой страстностью проповеди человеколюбия своего духовника. И хотя помогать людям ему нравилось и в глубине души казалось правильным, Ладова смущала некоторая вынужденность этих действий. Если помогать не удавалось, руки его опускались. Левая повисала тяжелой кеглей, а правая расслаблялась в уютном гамаке косынки. В груди холодило предчувствием боли. Поначалу он пытался избегать этого ощущения, а потом научился мысленно приговаривать для успокоения: «Эх, рука моя левая, сердобольная. Сколько всего мы с тобой ещё сделаем, скольким поможем». И боль утихала. Чем больше он так поступал, тем больше верил, что на самом деле говорит с левой рукой, а иногда

ему казалось, что она отвечает: «Народный избранник — заступник народный. Кто, если не мы, о них позаботится? Спасай обижаемого от руки обижающего и не будь малодушен, когда судишь. Не устранийся от плачущих и с сетующими сетуй».

Вспоминая о мужчине, похожем на богомола, Милорад Мстиславович больше не злился, а испытывал сожаление и благодарность. Он часто представлял себе, как находит его, приносит извинения, покупает новую трость и помогает справиться собаку-поводыря. Но даже используя все депутатские связи, разыскать мужчину не удалось — будто и не было его никогда. Пришлось ограничиться солидным пожертвованием всероссийскому обществу слепых.

В начале апреля Милорад Мстиславович гулял в Александровском саду. Молодой человек в инвалидной коляске тщетно тянулся к стаканчику кофе — прилавок для выдачи модного ларька оказался слишком высоким, а бариста был занят следующим клиентом. Милорад Мстиславович передал юноше напиток и тем же вечером написал в Управу гневное письмо о недоступности в центре города доступной среды. В результате к Великой Пасхе у кофеен появились удобные пандусы, а в газетах — заметки о том, как депутат Государственной думы помог инвалиду.

С этого момента изменения в поведении Милорада Мстиславовича стал замечать не только он сам, но и окружающие. Служивцы обращали внимание не только на его внезапную заботливость и попытки добиться равных удобств для левшей на рабочем месте — в Думе их оказалось около 13 %, чуть меньше, чем среди простых людей. Но и на то, как резко он высказывался в отношении специальной операции. Как был недоволен отменой карантинных мер в угоду популярности за счет здоровья населения. Те, кого Милорад Мстиславович раньше считал друзьями и единомышленниками, сторонились его. Больше не звали в баню, не приглашали на веселые кутежи в подмосковных отелях и на семейные праздники.

«Что же делать! — размышлял Милорад Мстиславович на заднем сиденье служебного мерседеса по дороге на работу. — Лиля говорит: “Ладов! На тебя косо смотрят! Засмеют. Или ещё что похуже”. Они и смеются. В столовую вхожу — ржут, а меня видят — тут же замолкают. На днях друг отозвал в сторону и шипит: “Какие левши? Какие инвалиды? Ты еще за пидорасов вступишь!” Страшно, аж мурашки по спине. Правая рука зудит, левое плечо покалывает, и сердце сжимается.

Да не о том речь. Сонька говорит: “Всем классом пацана травят, а я вступилась, вот и огребла”. “За что травят-то? За дело небось?” — спрашиваю, а рука левая уже за сердце хватается. Шепчет: “Не дело это, не дело — всем классом на одного. Молодец, девчонка!” “Две мамы у него”, — говорит и стыдливо глаза опускает. И правильно, что стыдится. “Две мамы — не по-божески это”, — говорю, а рука в колено впивается: “Не дело это, не дело — всем классом на одного. Молодец, девчонка!”

А слушать кого? Дочку с её детской совестью? Так саму ж затравят. Директора школы? Драться в стенах школы запрещено уставом. Бла-бла-бла... Нэ-нэ-нэ?.. Так если не драться, как Сонька себя защитит, если уже подставилась? Зря мы ее, что ли, на самбо с пяти лет водим! Хорошо хоть каникулы скоро.

Вот что тебе от меня надо? — Милорад Мстиславович вопросительно посмотрел на левую руку. — Ты нас под монастырь подведешь. Вон и отец Владимир говорит, что через тебя меня дьявол искушает, вводит в грех гордыни. Нельзя, нельзя сейчас это всё. Милосердное. Вот снимут гипс — поставлю тебя на место! Заживу! Снова нормальным буду!

Как же тоскливо от этой мысли. Вдруг всё наоборот? Что, если голос этот наивный, как Сонькина совесть, — откровение? Или хуже того — это мой голос и есть? Когда я перестал его слышать? Когда во втором классе учитель переложил перо мне в правую руку, а родителям велел левую фиксировать, чтобы я отучился быстрее? Когда одноклассники дразнили за эту руку на привязи? Я отбивался как мог, бил правой не хуже бесполезной левой. Или когда пожмал руку не тем, кого

уважал, а кому нужно было? Руки мои, руки, что ж вы меня так растарасили? Совсем разорвёте на части!»

— Мил Славич, руки ж тут ни при чём! — вдруг произнес Семён. Депутат вздрогнул и внимательно посмотрел на широкий бритый затылок водителя. — Жалеть это нормально. Хорошо, что вы за левшей и инвалидов вписались. По-пацански это. А Соню воспитывать надо, без базара. Своих-то надо ещё больше беречь.

— Что ж я, всё это вслух?

— Бормотали всякое. Простите. Подслушал не специально.

«Совсем с ума схожу. Голоса в голове, вот и вслух уже разговариваю — хоть к доктору иди! Никого слушать не буду! Директору в Сонькиной школе скажу, чтобы программу заказал новую. Как она называется? Антибуллинг. А в Думе пускай переоборудуют места, кому нужно. Мне и левшам. Не так уж много труда! А там и до метро с турникетами доберёмся. Левшество — русский дух, как у Николая нашего у Лескова. Славненько-православненько».

К доктору Милорад Мстиславович не решился — что за депутат с психической справкой? Зато стал сильно аккуратнее в высказываниях. Порывы сострадания старался держать подальше от рабочих вопросов. Он обвыкался с бессилием, которое каждый раз настигало его, когда приходилось сдерживаться. Завел себе кистевой эспандер, чтобы левая рука в такие моменты была при деле. А мысли переключал на то, что его жизнь и благополучие Лилечки и Сони гораздо важнее, чем страдания раненых и права инвалидов. «Жалеть других — это нормально, а своих беречь — ещё больше надо».

Правая рука заживала на удивление быстро для мужчины его лет, но гипс сняли только к концу мая. До Петрова Поста велели носить ортез, напомнивший Милораду Мстиславовичу рыцарский наруч. Какое-то время пришлось заново учиться делать всё

правой рукой. Шёпот левой о страждущих, как он и ожидал, затих. Доверие сослуживцев стало возвращаться. В день последнего заседания перед летними каникулами тот же приятель, что шипел на него пидором в начале мая, уже возвещал: «Я ж всегда говорил, что ты нормальный мужик!» Лето Милорада Мстиславович провел с семьей в загородном доме. Принимал гостей. Сам оказывал важные визиты. Жизнь налаживалась, будто в ней никогда не случались ни человек, похожий на богомола, ни перелом, ни душевное помрачение.

Первое думское заседание после каникул было вялым и сумбурными. В зале было пусто, но кворум все-таки собрался. Пульт и планшет на столе Милорада Мстиславовича стояли слева, напоминая о его бесполезной теперь победе. Рассматривали законопроект о внесении изменений в гражданский кодекс, чтобы ужесточить контроль за пропагандой нетрадиционных отношений. Милораду Мстиславовичу и всем присутствующим было ясно, как нужно правильно голосовать. «Геев, конечно, жалко, но это всего лишь про кино и рекламу», — подумал он. На планшете загорелись кнопки: «за», «воздержался» и «против». Зеленая, синяя и красная. Правой рукой пришлось бы тянуться через весь стол, а он ещё помнил, к каким последствиям ведёт такая удаль. Поэтому голосовал левой. Уверенно направил палец к кнопке «за». И тут почувствовал, что рука его не слушается. Кисть застыла в указательном жесте. Плечо повело вправо, будто тело уворачивалось от невидимой угрозы. Депутат перехватил левую руку десницей, поднатянулся и подался корпусом назад, пытаясь оттащить её от планшета, но не успел. Палец скользнул по красной кнопке, оставив на стекле жирный отпечаток. В ушах стало слышно сердечный бой, а в голове прозвучал голос: «Народный избранник — заступник народный. Кто, если не мы, о них позаботится?»

Рецензия критика Валерии Пустовой:

«Получился яркий и острый рассказ с убедительной фантастической условностью. Я по-новому оценила тот странный съезд в старину, который поначалу меня отталкивал.

Оказалось, что он очень уместен. Он задаёт ту ироническую дистанцию, ироническую условность, которая позволяет рассказывать эту историю не как строго реалистичную, а словно бы анекдот, быличку, сказочку. Мы вроде бы в наших реалиях, нашем времени — но вроде и нет. Чиновника Ладова то чувствуем нашим современником, вполне достоверным образом — то ощущаем героем истории. Границы реальности мерцают. Это особенно удачно ввиду содержания истории. Без иронической этой дистанции и сказочной условности она бы выглядела прямолинейно. А так — автор оставил читателю возможность выбирать, как относиться к герою и верить ли в историю вообще. В общем, интонация и эта дистанция найдены очень удачно и точно!

Мне нравятся яркие детализированные описания ключевых сцен. Автор подсвечивает именно то, что надо для истории. Скажем, мне очень понравилось, как автор описывает мелкие мучения героя, вышедшего на работу с другой рабочей рукой. Реальность на каждом жесте ставит подножку. Герой с удивлением обнаруживает, что мир не так дружелюбен и хорошо устроен, как ему казалось во властном и сытом самомнении. Очень хорошо, что телесный недуг изначально подан и психологически. Герой справляется с миром другой рукой, наращивая или теряя самоуважение. Перемены в герое тоже показаны убедительно. Потому что тоже с иронией, без волшебного всемогущества. Скажем, слепого он так и не нашел, пожертвовал обществу.

И ещё автор отлично ввел внешний конфликт. По мере того, как герой решает конфликт внутренний, внешнее давление нарастает. Героя вынуждают снова перейти на «правую» сторону, стать таким как все. Удачное название, интригующее редким, сложным словом. И финал, который показывает, что история не прошла для героя бесследно.

Что мне не очень близко в рассказе — это моменты, когда ирония пропадает. Мне кажется, тут в рассказе есть противоречие. Сентиментальные моменты и пафосные срывают условность иронии, прорывают сказку. Автор верно, на мой взгляд, выбрал интонацию для образа левой руки: тоже в

старинном стиле, она словно не говорит — поет. И все же слишком явно это разделение: герой не прав, а права его левая рука. И этой левой руке дано огласить истину. Ход прямолинейный. Был бы более сильным ход такой: герой подозревает, что рука подсказывает, что у нее своя воля, но внешне автор не позволяет читателю в этом убедиться. Герой как бы сходит с ума — или действительно слышит некий глас правды. Читателю лучше самому решить. В другой раз стоит построить условность более тонко, чтобы у читателя оставался этот выбор.

Ещё отмечу, что образ слепого получился слишком уж ярким. А между тем в рассказе он играет роль камушка под ногами, винтика судьбы. Автор слишком притянул к нему внимание. На мой вкус, такой герой должен быть наделён более сильной ролью. А если нет, изобразить его стоит более скромно, наделив не яркими деталями, а стертыми, едва отличимыми на фоне города.»

Рецензия писателя Романа Сенчина:

«Хороший рассказ. Сейчас вообще нехватка сатиры (не юмора, а именно сатиры), и способности автора к ней меня обрадовали. Стоит продолжать. Написано грамотно, остроумно, местами колкое. Именно — сатирически. Правда, не понравилось мне имя главного героя — Милорад. Намек понятен, фамилия Милорадович есть, значит, возможен и Милорад, но это прямолинейное приглашение хохотнуть, и в этом минус. Давать персонажам смешные имена или фамилии давно моветон...

Замечаний по тексту у меня практически нет. Хорошо придумана мысль героя, что творить добрые дела левую руку заставляет нечистая сила, что герой стал замечать неудобства левшей и инвалидов, когда сам стал не таким, как большинство. В общем, поздравляю автора с рассказом и желаю развивать свои способности.»

Братья Жигаловы

Екатерина Павлова

Чуть наискосок от нашего коттеджа стоял потемневший от времени дом с резными наличниками, нарисованными на дверях петушками, с мезонином, украшенным резьбой. Сзади зиял провалами развалившийся крытый двор, за ним виднелось то, что осталось от бани. Дом пустовал, и я, очарованный обаянием старины, даже хотел купить его для старшей дочери Тани. Стал искать наследников, но найти не смог. Никого я в округе не знал, и никто из местных не подсказал мне, к кому обращаться. В своих поисках я особенно не усердствовал.

Однажды «хозяева» появились — из тюрьмы вышли два брата. На мой вопрос, не хотят ли они продать дом, старший — на вид лет сорока пяти, худощавый, с цепким внимательным взглядом, — охотно ответил, что продадут. Вскоре оказалось, что помимо двух братьев, которые регулярно сидели в тюрьме, а в промежутках между посадками жили в «маткином доме», есть еще куча родственников в поселке. Наследства никто не оформлял, и продавать они ничего не собирались. С кем же я вступил в переговоры — с рецидивистами! А ведь я — профессор, ученый!

С этих пор наша жизнь в деревне существенно изменилась. Как-то ночью в коттедже раздалися шаги. Мы спали на втором этаже, и до появления братьев никогда на ночь дверей не запирали. Я решил, что звуки мне послышались, и встать с постели не стал. Жена крепко спала. Утром обнаружилось, что к нам действительно приходили воры, они унесли мой швейцарский нож и выгребли из холодильника все продукты!

Кто это был — сомнений не возникало, конечно же, Жигаловы. Решили, что к ним пойдет жена. Я, знаете ли, человек вспыльчивый, взрывной, моя встреча с ворами могла закончиться плохо. А Римма отлично ладит с местными.

Вернулась она довольно быстро, стала рассказывать:

«Я приоткрываю дверь и вхожу. Сеней нет, и я сразу попадаю в большую кухню с русской печью и газовой баллонной плитой. Полумрак. Младший — Ленька — прислонившись к печке, целуется взасос с какой-то девкой, за столом сидит пьяный в дупель Серега, на плите в ковшике булькает что-то черное — наверное, чифирь.

— Мужики, отдайте нож, — начинаю я. Про продукты уж и речи нет.

— Мы не брали.

Некоторое время продолжается вялый обмен репликами. Ну, дальше я перехожу на нецензурную лексику и угрожаю написать заявление в милицию. Наконец, Серега не выдерживает:

— Давай пятьдесят рублей, ножи просто так не отдают.

— А полы тебе помыть не требуется? А то я вымою, — отвечаю я цитатой из фильма «Осенний марафон». После недолгих препирательств нож возвращен с условием,

что в милицию мы обращаться не будем. Условие принято».

Вокруг же все отторгало эту темную сторону жизни, никак не совмещалось с ней. Стояли прозрачные, особенно ясные и жаркие дни. На Шитово накатывали волны хвойного духа от мшистых сосновых боров. Вечерние туманы накрывали пойму и ближайšie к реке дома, плыли матовыми молочными слоями. Над их завесой видны были лишь скворечники на высоких шестах. Вечерами с реки наносило прохладой и медовым запахом цветущей таволги. Кричали коростели, будто кто-то бесконечно пилил бревно, и было только «звездное небо над головой и моральный закон внутри нас».

Ленька где-то подолгу пропадал, а вечно нетрезвый Серега жил дома. То кому-нибудь траву скосит, то участок убрать поможет... Я ему сигареты давал и деньги на пиво. Римма пыталась заключить джентльменское соглашение — историю с ножом мы забываем, а вы у нас больше не воруете (все та же, в сущности говоря, интеллигентская наивность!).

— Если чего надо — мы и так дадим, ты только скажи, — увещевала она.

— Если у тебя машина застрянет — я тебя на руках до деревни донесу, — как-то странно и невпопад отвечал ей Серега.

Довольно долго мы жили спокойно. Серега занимался другими делами. Успел выкопать картошку в чужом огороде, а всю ботву старательно натыкал обратно. Хозяева, бывавшие в деревне наездами, обнаружили подвох в первый же свой визит, но предпринимать что-либо было уже поздно. Тогда же Жигаловы угнали у охотников машину с оружием и приехали на ней в поселок. Родственники подняли шум, машину быстро вернули владельцам. У одного из охотников случился сердечный приступ, и на этом история завершилась. И снова братьям выходка сошла с рук.

В мой день рождения старший брат встретил меня у колодца и стал просить отвезти его в Козловку к жене и дочери, уверяя, что решил бросить пить и устроиться на работу. Сам я машину не вожу, меня всюду жена возит. Римма не хотела никуда ехать, готовилась к приему гостей, а я ее стыдил:

— Как ты можешь отказывать, вдруг у человека судьба решается!

Конечно, мы поехали. Римма за рулем, Жигалов — на переднем сиденье штурманом, а я, как второстепенный персонаж, сзади. В Козловке подъехали к избе — темный сруб, выцветшие голубые наличники на окнах, лавочка и высокая береза перед старым деревянным забором. Серега вдруг указал пальцем на девчушку лет десяти, которая играла во что-то в компании других детей.

— Вон моя!

Хлопнул дверцей и зашагал к калитке.

На следующий день он был уже дома в своем обычном состоянии, а мы-то понадеялись...

Прошло несколько дней, и я увидел из окна кабинета Серегу, который вальяжно развалился на нашем крыльце. Это был плохой знак, Жигалов что-то задумал. Когда Римма вышла его прогонять, он неожиданно аккуратно взял ее за щиколотку и стал приговаривать:

— Ах, дурак я, дурак...

Главное — жена не сопротивлялась! Застыла и стоит, будто в оцепенении, как кролик перед удавом. В этот момент мне даже показалось, что у них завязываются какие-то свои отношения... Ну, тут уж я выскочил и заорал:

— Вон с моего участка! Немедленно вон!

Уходить он не хотел, поднялся, не торопясь, и медленно пошел к калитке.

Мы по-прежнему не запирали дверей, мне важно было доказать жене, что воров я не боюсь и готов дать им отпор. И, наконец, гром грянул. Я работал у себя в кабинете, а Римма разбирала какое-то барахло на втором этаже, когда услышала внизу странный шум. Я, как назло, ничего не заметил. Римма спустилась на первый этаж и застала Серегу на террасе, уже выходящим из дома.

— Ты зачем приходил?

— Сигарет стрелнуть.

— Стрельнул?

— Да, — быстро ответил он и так же быстро направился домой. Жена бросилась к сумке — кошелек с пятью тысячами рублей исчез. Дальше события развивались стремительно. Сначала Римма побежала к братьям, а я все наблюдал из-за калитки. Ленька торчал на улице, смотрел вдаль, будто кого-то ждал.

— Леня, Серега у меня украл деньги, я еду в полицию, — предупредила Римма.

— Не надо, разберемся, — ответил Ленька, но как-то вяло.

— Пусть отдаст кошелек.

— А его дома нет.

Ясно было, что Ленька врет.

Тут уже Римма пришла в ярость, бросилась к машине, завела мотор и рванула в поселок. Она, как ковбой на лошади, буквально перелетела прорытую вдоль забора канаву и мгновенно скрылась за полем.

Полиция приехала быстро. Серега был дома, деньги при нем, хотя уже в меньшем количестве — за водкой успели послать Ленькину девицу. Содеянного он не отрицал. Полицейские вывели его на улицу и посадили на лавочку перед домом.

— Ты куда кошелек дел? — спросил участковый.

— Куда-то выбросил, не помню, — довольно высокомерно отвечал Серега и неопределенно махал рукой в сторону речки. Младший чин уныло шарил по кустам в поисках кошелька. Между тем участковый с вором беседовали совершенно по-родственному.

— Ты в этом году за грибами-то ходил?

— Ходил, да что-то их мало...

Кошелек так и не нашли, Жигалова увезли в КПЗ.

Вскоре нам позвонили из районного суда, что назначена очная ставка. Приехав туда, мы довольно долго ждали, пока не появился Серега, а с ним знакомая нам уже Ленькина девица. Или теперь уже Серегина? Их не разберешь.

Римму с Серегой посадили спинами друг другу и каждому дали прочитать записанные с наших слов показания. Возражений никто не высказал, бумаги были подписаны, после чего Серегу временно отпустили. На улицу мы вышли все вместе, подошли к машине. Девица попросила:

— Довезите до деревни?

Римма отказалась.

Серега продолжал жить в маткином доме, а я испытал странное чувство, что мы все «повязаны». Хотя, встречаясь у колодца, я с

ним теперь не здоровался и вообще не разговаривал, мне казалось, что этот эпизод нас как-то сблизил, что мы уже «свои», чуть ли не часть этого воровского мира.

Римма же, напротив, продолжала о чем-то беседовать с Сергеем при встрече. Я чувствовал, что от него исходит сильное мужское обаяние, и жена ему поддается. Все это было совершенно невероятно, но факт. Они смотрели в глаза друг другу, и буквально физически ощущалось исходящее от них эмоциональное напряжение. Я намного старше жены, мы всегда жили мирно и спокойно. Римма во всем мне помогала, обеспечивала возможность заниматься только своей работой и больше ничем. И вдруг я вижу, что она откликается на ухаживания вора, который ее же обворовал! Обида и ревность кольнули меня своими иглами.

Прошло время, и Жигалова забрали, чтобы «закрыть» до суда. Дата была точно неизвестна, но однажды раздался телефонный звонок. Римма поставила телефон на громкую связь.

— Это вас из районного суда судья беспокоит. Отдыхаете?

Мы с Риммой недоуменно переглянулись.

— А мы вот тут с прокурором над вашим делом мучаемся. Кошелек представлял для вас ценность? Нет? Вы что предпочитаете: наказание по всей строгости, простить или по решению суда?

Жене нужно было сделать выбор. Совсем простить вора казалось невозможным, это означало обречь себя на новые кражи. Римма выбрала «по решению суда», и вскоре мы уехали в Москву.

В октябре из суда пришел толстый конверт, адресованный «потерпевшей Жаровой», то есть Римме. Внутри оказалось подробное и довольно эффектное описание кражи железной трубы, лежащей в доступности около забора в деревне

Слободка, неким гражданином, находящимся в нетрезвом состоянии. Сначала было очень смешно. Но потом жена, раздосадованная нелепым недоразумением, порвала и выбросила это произведение судейского искусства. А через некоторое время пришел второй конверт. В нем содержалось дело Сергея Владимировича Жигалова, приговоренного к полутора годам тюремного заключения.

Ленька все это время жил незаметно. В отличие от старшего брата, он был тихий и меланхоличный. Подолгу сидел на корточках возле дома, курил и смотрел в одну точку. Если Серега мог вытворить что-нибудь в открытую, среди бела дня, то младший брат действовал втихаря и посерьезней старшего. Как только Серегу «закрыли», он куда-то исчез. Однако поздней осенью, когда все дачники уже разъехались и осталось лишь человек пять местных жителей, появился снова. Весной московские художники, жившие через дом от нас, обнаружили, что исчез телевизор и дорогие наушники. Замки были нетронуты, вероятно, вору удалось проникнуть в дом через окно. Доказать что-либо было невозможно, хотя все понимали, что это Ленька. Серега в это время уже сидел, а других воров в наших окрестностях не было.

После всего случившегося коттедж в деревне мы продали, купили дом в поселке и перебрались туда. Прошло почти два года с тех пор, как Жигалов-старший вышел из тюрьмы. Как показало время, нам предстояло встретиться снова. Жене захотелось посадить в саду бересклет — красивый лесной кустарник. Она вычитала, что пересаживать его лучше всего ранней весной. Мы приехали в поселок в конце марта и отправились выкапывать саженец на наше любимое место, в лес за Шитовым. На поле перед лесом чернели протаявшие объездные дороги, мокрые, в глинистой жиже вперемешку с сухой прошлогодней травой. Мы поехали прямо. Двигались медленно, на первой пониженной передаче, и я успел заметить, что колеи впереди становятся все глубже, и вал между ними все выше. Наконец, жена стала выворачивать на поле, но уже не успела: мы сели на брюхо, а колеса ушли глубоко в глину, перемешанную со льдом.

Вокруг ни души, идти за трактором — история на целый день... Пришлось подстелить на ледяную глину целлофан, я лег и начал откапывать днище машины. Временами мне казалось, что вот так я и умру, скрючившись на холодной земле. Потом мы приспособились: я держал лопату, Римма была по черенку топором, разбивая лед, а я руками выгребал из-под брюха нашей Нивы ледяную кашу. Часа через полтора мы уже почти откопались, во всяком случае, под машиной появился хороший просвет, и тут вдалеке замаячила фигура. По заснеженному полю к нам шел Серега Жигалов.

Это была уже не первая наша встреча после его выхода из тюрьмы. А первый раз, когда мы как-то летом заехали в деревню за садовой тележкой, забытой в проданном уже коттедже, дело чуть не дошло до смертоубийства. Абсолютно невменяемый, недавно освободившийся Жигалов (страшный, опухший — видно, пил уже давно), схватился за топор, вызывая меня на бой. Жену он совершенно игнорировал, хотя она отважно пыталась его удержать (с женщинами не воюем?). Он матерился, замахивался топором, орал, обращаясь ко мне: «Ну, иди сюда, иди!» В общем, был совсем не в себе. Однако сам находился на значительном от меня расстоянии и с места не сходил. Я тоже на всякий случай приготовился к драке, отступить я был не намерен. Я решил драться за Римму. Выскочил новый хозяин нашего коттеджа, крепко обхватил Серегу сзади и держал, а Римма заслоняла меня от него спереди. Так все и обошлось.

Сейчас же Серега был трезв и сама любезность.

— Ну что, ребята, сидим? — сказал он, взял лопату и ловко откопал все колеса. Вообще, Жигалов был когда-то профессиональным шофером.

— Римка, садись, заводи мотор и раскачивай машину потихоньку вперед-назад. Первая — задняя, а теперь — газу, газу!

Под его руководством мы довольно быстро выехали. Он не преминул заметить,

что не надо было его сажать. Поблагодарил за то, что жена не предъявила на суде (на котором, кстати сказать, не была) никаких претензий, а «дураков учить надо», — смотрите, как заговорил! И неожиданно жена его поцеловала!

Мне его помощь была неприятна, он как будто свел на нет все мои усилия, и я опять оказался перед женой слабаком.

— Мы бы и сами прекрасно выехали бы, — сказал я, ни к кому не обращаясь. Никакой реакции не последовало, меня просто не замечали!

— Отойдем на пару слов, — вдруг обратился Серега к Римме. Они отступили на несколько шагов, а я из-за машины прислушивался к их разговору.

— Ты почему из деревни уехала?

— Да из-за тебя, дорогого!

— А я ведь хотел тебя на руках до деревни донести, если ты застрянешь. И вообще думал, что мы поладим.

— Серез, ты в своем уме?!

Римма дала ему денег, хотя он не просил. Серега быстро повернулся и ушел. Он приходил за деньгами или поговорить с Риммой? Скорее всего, все вместе. В результате мне стало плохо с сердцем, а нитроглицерина, как всегда, не оказалось (сколько жена мне его в карман ни кладет, он где-то теряет), слава богу, нормально доехали до дома.

— Как ты могла, как могла заводить с ним какие бы то ни было отношения?! — допытывался я у жены по дороге.

— «А ты не стой на льду, а лед провалится, а не люби вора, а вор завалится», — Римма

только отшучивалась, ни в чем не признаваясь.

Больше мы Серегу не видели. И я был этому очень рад. Не хотел я общаться с ворами, не хотел участвовать во всех наших баталиях. Возможно, я трус. Может быть, мне так и не хватило душевных сил, чтобы оградить Римму от лишних приключений. С тех пор в наших с женой отношениях и наметилась трещина. Как-то охладели мы друг к другу... А потом она от меня ушла. Насовсем.

Знакомые рассказывали, что этой весной Серега заболел — начал кашлять и задыхаться. Односельчане возили его в районную больницу на обследования, он лечился, но ничего не помогло. Однажды Сергея Владимировича Жигалова нашли мертвым на полу в маткином доме.

Леонид Владимирович Жигалов в деревне не прижился. Да и на что ему было жить? В отличие от Сереги, деревенскими подработками он брезговал, и никто его не подкармливал, как старшего брата. Когда Сереги не стало, Ленка быстро нашел себе компанию. Недалеко от Шитова в лесах спрятался полуразрушенный мужской монастырь, где батюшка принимал под свое крыло вышедших из тюрьмы уголовников. Он был суров лицом, могучего телосложения, ряса подпоясана армейским ремнем — надзирал строго. Бывшие зеки образовали в монастыре небольшое поселение и занимались ремонтными работами в храме за еду и жилье. Вот там и сделал остановку младший брат.

Вся деревня, наконец, вздохнула с облегчением.

Комментарий писателя Романа Сенчина:

«Хороший рассказ получился. Герой — Серега Жигалов — этакий шукшинский персонаж, а Шукшин их брал в основном из жизни (поэтому в родной деревне его не очень-то любили). Органичный язык у

повествователя — интеллигента, «не знающего жизни». Сюжет выстроен.»

Рецензия критика Валерии Пустовой:

«Рассказ интересно задуман: столкновение интеллигентного или по крайней мере добропорядочного человека с людьми опасными, готовыми на крайность. Автору удалось показать развитие отношения героя к этим персонажам. Есть тут и наивное доверие — и презрение, и полное отторжение — и внезапное сочувствие. Заметно и то, что героя не отпускает образ этих людей: у автора получилось показать, что для героя эти люди — напоминание о его собственном малодушии или бессилии. Мне это больше всего понравилось в рассказе: как автор соединил внешний конфликт и внутренний. Ведь ясно, что герой не стал бы так пристально наблюдать братьев, если бы не стремился через них что-то доказать самому себе. Поведение героев, образы природы, бытовые мотивировки, психологические черты. Все это схвачено вполне убедительно.

Есть и то, над чем в рассказе стоит еще подумать. На мой взгляд, сейчас он получился все же немного искусственный. И не случилось в нем какого-то неожиданного, решительного поворота.

Стоит подумать над началом, в нем противоречия. Герой хотел купить дом — и не нашел наследников. Однако потом оказалось, что наследников полное село. Непонятно, почему в дом героев зайти так легко. Это какая-то совсем условная ситуация. И зачем братья воруют у соседей всякую мелочь? Они только из тюрьмы, легко попасться — что и случилось.

В рассказе есть намек на особенное отношение вора к жене героя. Эту линию стоило бы развить. Вот он обещает вынести ее на руках, если она застрянет. Но когда это происходит, мы видим нравоучительную сцену: вор помогает тем, кто его посадил. Я не против самого хода — рассказы добрые очень важны. Но сцену стоит сделать убедительной

благодаря конфликту. Вор слишком готов помогать. А герои, конечно, волнуются на словах — но на деле спокойно принимают его помощь. Получается, линия отношений вора и жены не развилась. Вор легко подчинился нравственному закону. Герои спокойно приняли его преобразование. Этой ключевой сцене не хватает напряжения. Мне кажется, дело в заглаживании — автор торопится закончить миром, а стоит пойти на обострение. Вор мог вытащить только жену — заставив героя что-то в ответ предпринять. А мог на полпути начать угрожать. Или можно показать, как героям неловко перед воров и как им неприятна его помощь. Тогда в сцене будет какое-то напряжение, преодоление. Сейчас она выглядит несколько надуманной, нарочно вставленной в повествование.

Так же наставительно и навязчиво и завершение линии второго брата. Ушел в монастырь, под присмотр могучего и сурового священника. Мне кажется, и этот герой на прощание мог что-то учудить. Получается, автор показал гладкое преобразование братьев — и их безболезненное исчезновение из жизни

героев. Но тогда где конфликт? Конфликт перестает развиваться, едва наметившись.

Ну и главное — стоит продумать линию героя. Ему-то что от этой истории? Как на него повлиял этот опыт? Автор показывает преобразование братьев — но герой остается прежним. Он словно не затронут этой историей. Да, ему стало плохо — но за этим стрессом не видно душевной работы, какого-то открытия, перемены самоощущения. Мне кажется, дело в том, что героя история не зацепила по-настоящему. Ему ничего не надо было от братьев. А раз так — неоткуда взяться и конфликту. Потому и внутренний конфликт его тоже замирает. Линия вора и жены могла бы сообщить напряжение рассказу. Герой мог хотеть доказать жене, что он круче вора. Или мог доказать вору, что способен защитить от него жену. То есть по сути доказать себе — что он сильный, что он может справиться с угрозой. Однако герой словно не принял этот вызов и скорее спрятался, спокойно переждав, пока угроза уйдет из его жизни сама. Поэтому из рассказа постепенно ушло и напряжение.»

Ваза с апельсиновыми деревьями

Дарья Фомина

Катя проснулась и медленно, осторожно села на кровати, стараясь не опираться на локоть и плечо, поморщилась от неловкого движения — болели суставы. В комнате пахло дряхлым немытым телом, корвалолом и вьетнамским бальзамом «Звездочка». Среди кусочков серебристой фольги с разноцветными таблетками она нащупала на прикроватной тумбочке застиранную детскую панамку, бережно разгладила дрожащими, скрюченными артритом пальцами, и надела себе на голову. Видела она с каждым годом все хуже, но очков не признавала — ей казалось, они ее уродуют, да и читать ничего не хотелось. Катя взглянула в окно: голые деревья тянут ветви в набухшее от влаги, как хлебный мякиш, серое небо. День еще только начался, но было темно, как будто с утра уже вечер. Словно ругаясь, покаркивала ворона. Катя не знала, какой сегодня день недели — все ее дни давно уже слились в один бесконечный, но по этой серости за окном и унылому покаркиванию она безошибочно узнавала приход ноября.

Катя прожила на Верхней Масловке почти век. В последние годы квартира съезжилась для нее до размеров комнаты, в которой давно не было ремонта, зато много старых вещей — память о дорогих ей людях. Их уже нет в живых, а вещи остались. На окнах занавески цвета крем-брюле. На подоконнике за туманом белого тюля декабрист, алоэ и несколько традесканций, рассевшихся, как барыни, в керамических горшках со славянским орнаментом. На стене коричневые часы с кукушкой и тяжелыми гирями-шишками. Дубовые стол и стулья, сделанные на века. Шкаф с сервизом из звящего богемского хрусталя. Полки с покрытыми пылью книгами — в основном русская и зарубежная классика.

На стене в рамке из красного дерева самая любимая фотография, где маленькая Катя с родителями и сестрой на даче: у девочек одинаковые белые панамки и полные горсти спелой жимолости. Мама сидит на скамейке, нога на ногу. Она в широкополой шляпе, а папа обнимает ее сзади и улыбается, показывая крупные передние зубы.

В кресле самодельная плюшевая собака с глазами-пуговицами, на столе у окна — стеклянный Пушкин с гусиным пером в руках и по соседству деревянный медведь с Машей, выглядывающей из короба. Рядом фарфоровая ваза с изображенными на ней деревьями. Эту вазу привезла Катина мама из Кисловодска. Катя ее берегла, каждый день сама протирала влажной губкой, и только теперь, когда руки перестали слушаться и тряслись, доверила это сиделке. В детстве мама читала им с сестрой сказку о волшебной стране с райским садом и разноцветными бабочками, где царят любовь и счастье. Засыпая, Катя смотрела на эту вазу и думала, что это и есть тот самый сад из волшебной страны.

Катя часто видела во сне бабушку, маму, папу, сестру. Только этими снами она в последние годы и жила — они были настоящей реальностью, отрадой. Что в этом мире у нее осталось? Лишь одиночество и дряхлеющее с каждым днем тело. Уже много лет Катя наблюдала за изменениями, произошедшими с внешней оболочкой: у кожи появился отвратительный старческий запах, она была теперь похожа на сухую, растрескавшуюся глину, покрылась грязно-желтыми пятнами. Когда-то мелодичный голос сделался хриплым и дребезжащим, а ярко-голубые глаза выцвели, словно их сильно разбавили водой. Походка стала шаркающая, медлительная, и каждый шаг причинял такую боль, какая не

снилась даже Русалочке. Залезть в ванну и помыться стало целым приключением. В этом причиняющем страдания теле, как в тюрьме, жила пленница-душа, которой хотелось вырваться, улететь туда, где давно ждут те, кто ее любил.

Катя заметила, какой странной стала ее память: она часто не помнила, что было вчера, пила ли сегодня лекарство, но зато помнила и могла пересказать во всех подробностях события шестидесятилетней давности. В детстве Катя каждый день просыпалась от счастья, просто потому что наступило утро. Были долгие прогулки по парку, кормление лебедей в пруду. Вечером семья собиралась на кухне. Папа ласково улыбался, смотрел на маму и курил, мама брала в руки гитару и исполняла русские романсы. Затем началась школа. Поползли нудные будни. Потом отучилась пять лет на филологическом. После получения диплома мать похлопотала, и Катю взяли в Ленинскую библиотеку. Работа тихая, непьющая. Замужем Катя никогда не была. В ее жизни случилось несколько недолгих любовных связей с женатыми мужчинами, которых пленили и заморозили каштановые кудряшки и пышные булочки-груды молодой библиотекарши. Плодом одной такой связи стала дочка Верочка, улыбочивый тихий ангелок. Но Бог вскоре забрал ее на небеса. Больше детей у Кати не было.

Незаметно, по капельке, как вода из протекающего ржавого крана, почти вся ее жизнь утекла, а вместе с ней ушли силы. И теперь за Катей ухаживала дальняя родственница Татьяна, пятая вода на киселе, равнодушная и неласковая. Чужая.

От окна потянуло холодом и сыростью. Катя накинула поверх халата плед. Да, нынче не май месяц. В соседней комнате выл пылесос — Татьяна делала уборку.

Катя погладила нежный и мягкий краешек старенькой подушки с бахромой. Эта вещь до сих пор хранила ароматы детства. Кате казалось, что подушка до сих пор пахла так, как пахло в родительском доме: кухонными полотенцами после кипячения, горчичниками, чайным грибом в банке, горькой редькой с

медом, которой мама лечила их с сестрой от простуды; тяжелым ковром и пылью, скопившейся в нем.

С одной стороны подушки кусочек шерстяного цветастого платка — такой раньше повязывали на голову зимой, а с другой — на черном бархате сказочной красоты бутоны и лепестки алых роз с нежно-зелеными листочками, жар-птица и павлин с золотистым крылом и хвостом-веером. Эту картину вышивала мама.

В детстве, стоило Кате заболеть, мама заботливо укладывала ее пылающую от высокой температуры голову на прохладный черный бархат с розами и павлином, ласково поглаживала лоб и приговаривала: «Кто на подушечке волшебной ночью поспит — быстро выздоравливает». Она верила маме, и действительно — к утру всегда становилось лучше, температура снижалась. Да и сейчас Катя ложилась спать на эту подушку и верила, что она поможет. Ведь самое главное — верить.

Озноб пробивал сквозь плед. Пальцы рук и ног онемели. Катя прислушалась. Татьяна закончила пылесосить и принялась протирать полы — из соседней комнаты доносился стук швабры, то и дело бьющейся об углы, многоголосье работающего телевизора и треск подпрыгивавшей во время работы стиральной машины.

Катя перевела взгляд с подушки на полку с книгами. Там стояла ее любимая — «Дядя Степа», подаренная отцом. Огромная, по сравнению с другими детскими книгами, в бежевой обложке, обкусанной с лицевой стороны домашними хомяками Хомкой и Фомкой. Эта книжка спасала ее от страха и одиночества. В детстве Катя боялась оставаться дома одна. Однажды сестра заболела, и мама ушла с ней к врачу, а Катю закрыла в пустой квартире, в которой, благодаря буйной детской фантазии, сразу же ожил Синяя Борода под кроватью, слышалось шуршание домового за занавеской и шепот злой колдуньи в платяном шкафу. Стуча зубами и пытаясь унять дрожь в коленках, она побежала к полке с книгами, поскорее открыла «Дядю Степу» и начала читать, рассматривать цветные картинки. Вот дядя Степа

ремонтирует светофор, воспитывает хулигана, а вот он спасает старушку с бельем. Книга была ее оберегом, заветным кругом Хомы Брута, защищающим от Вия. Ей казалось, что если она не будет смотреть на домового и колдунью, то и они не увидят ее. Так прошел час, и в тот момент, когда она открыла любимую картинку, на которой очередь из молодцев в форме Балтийского флота несет кому-то в подарок огромного надувного дельфина, услышала долгожданное шуршание маминого ключа в замочной скважине. Катя в слезах побежала в коридор, чтобы обнять маму, холодную, пахнущую свежестью и морозом, чтобы уткнуться носом в ее колючее зимнее пальто и почувствовать: спасена!

Катя сидела с закрытыми глазами, чуть раскачиваясь назад-вперед, погруженная в свои мысли. На телефоне прожужжало напоминание выпить лекарство. Катя взяла с тумбочки несколько белых и желтых, круглых и продолговатых таблеток, привычным жестом закинула их в рот и, чувствуя на языке все нарастающую горечь, поскорее запила их водой. В желудке стало неприятно. Надо перетерпеть. Захотелось есть. Катя взглянула на часы — ровно девять. Обычно в это время Татьяна приносила ей еду. Через дверную щель проник запах овсянки и только что сваренного кофе. Значит, скоро будет завтрак.

Катя вспомнила, как в детстве по утрам мама разливала по стеклянным стаканам горячий, пахнущий мятой и чабрецом чай, который невозможно было пить — он обжигал руки и губы. Но мама как-то умудрялась пить и не обжигаться. От пшенной каши, наложенной в алюминиевую миску, шел пар, и у Кати запотевали очки, и долго потом ничего не было видно.

Катя помнит себя — маленькую, худую, коротко стриженную, — за деревянным столом. Она зачерпывает кашу на кончик ложки и старательно дует. Долго рассматривает узор на алюминиевой ложке. Сестра уже успела съесть свою порцию и просит добавки. Каша в Катиной тарелке давно остыла, стала холодной и невкусной. Сестра уже доедает добавку. А Катя все сидит, размазывает ненавистную пшенку по краям тарелки. «За что мне такое наказание — кормить этого ребенка, — выходит из себя

мама. — Сладкого не получишь, пока кашу не съешь». Сестра уже уплетает вторую шоколадную конфету, с Катей не делится. Ну и что, подумаешь? Не в конфетах счастье.

Как ни странно, мужчины, которых Катя когда-то любила, ей никогда не снятся. Она и раньше нечасто их вспоминала, а теперь и вовсе забыла их черты лица. Дочка отснилась, как будто ее никогда и не было. Снятся ей один за другим лишь моменты из детства.

Часто она видит один и тот же сон. Или никакой это не сон, а воспоминание? Теперь не понять, где сон, а где реальность — все смешалось...

Такой же, как и теперь, с размытой серостью ветвей, ноябрьский день, та же квартира, и они с сестрой играют в прятки. Катя считает до десяти, уткнувшись лбом в засаленные оливковые обои, а сестра прячется. Катя идет искать. Смотрит сначала на кухне за шторами, потом на пыльном полу под диваном — сестры нет. Заглядывает во все углы и под стол — сестры нет. Катя обходит все комнаты, ищет в кладовке, среди банок яблочного варенья и огурцов, и в пахнущем нафталином платяном шкафу, но сестры нигде нет. Она размазывает ладонями слезы по покрасневшим щекам и, рыдая, кричит: «Ну, выходи, я сдаюсь». Но сестра все не выходит из своего укрытия...

Катя долго сидела и вспоминала, глядя в одну точку на вспученных обоях. Вдруг в вазе, стоявшей на столе, она услышала тихий шорох листьев, и из-за апельсинового дерева вышла знакомая фигурка — семилетняя девочка в белом платье, с двумя косичками. Она весело помахала ей рукой.

— Так вот, где ты была все это время, — обрадовалась Катя.

Девочка хитро улыбнулась и ответила:

— Сначала я спряталась за дерево и радовалась, что ты меня не нашла. Потом я очень веселилась, потому что все меня искали:

мама, папа и даже соседи. А потом все затихло, и мне стало грустно.

— Я скучала по тебе,— прошептала Катя, и ее глаза заблестели.

— И я по тебе! Очень-очень! Пойдем, поиграем в прятки?

Катя кивнула и улыбнулась, свободно и радостно.

Девочка вложила свою детскую ладошку в Катину шершавую, сморщенную руку, и они вместе зашагали в тень апельсиновых деревьев. Над их головами летали разноцветные, небесной красоты бабочки, а в траве под ногами лежали крупные оранжевые плоды. Радуюсь своей проделке, сестры из-за ствола дерева наблюдали, как в комнату вошла с чашкой кофе и тарелкой овсянки Татьяна, как остановилась возле кровати, как поднос с овсянкой и кофе чуть дрогнул в ее руках и опустился на стол. Лицо Татьяны было сосредоточенным. Она зачем-то тормозила, расталкивала что-то, лежавшее на кровати — грузное, мешковатое, застывшее и уже ненужное. Неживое.

Рецензия критика Валерии Пустовой:

«Рассказ получился печальный, но нежный. В нем привлекательно сочетание немощи героини с яркими деталями, напоминающими о детстве. Подушечка, ваза, каша, игра. Очень удачно оставлена за сценой помощница Татьяна: она принадлежит той реальности, в которой героиня все меньше присутствует. Ее реальность — воспоминания, сны. Образ подушечки крайне обаятелен. Ее видно, ее чувствуешь. И понимаешь, как героиня через нее подключается к детству. И что ей очень не хватило в жизни любви, заботы. Ведь она тоскует по времени, когда все это было.

Замечателен ход со сном и игрой в финале. Рассказ двигался неспешно, бытово. Сон помещен в ряд воспоминаний и поначалу не обещает ничего особенного. Но вдруг нас пронзает ужас и сопереживание: оказывается, сон раскрывает семейную тайну, горе утраты. Эта боль сообщает глубину всему рассказу, всем воспоминаниям героини. Ведь она вспоминает время, когда они были вместе с сестрой. Фантастический финал очень обаятелен. Мы не просто видим уход героини — мы словно глазами провожаем ее в то пространство, где ей давно хотелось быть. Уходя к девочке, она словно уходит к себе прежней, в жизнь до всех утрат.

Однако слишком много старость описывать ни к чему. Старость, увы, банальное состояние. Все его представляют. Причем представляют именно так, как вы описываете. Если вводить детали старости, то только для нужд сюжета, по мере движения героини.»

Рецензия писателя Романа Сенчина:

«Рассказ вполне достоин публикации. Сильное, достоверное описание старости, немощи, смерти. Даже маститым писателям подобные вещи часто не поддаются. А у автора получилось на пять. Хорошо, что старушку автор назвал «Катя», а не «Екатерина», не по имени-отчеству. Да, она для себя именно Катя, почти столетняя девочка...

Просто замечательно: «День еще только начался, но было темно, как будто с утра уже вечер»; «ярко-голубые глаза выцвели, словно их сильно разбавили водой»... Цитировать могу много. Только название плохое. Ведь в рассказе на равных с вазой действуют подушка, обои, книга. Ваза важна, но она один из предметов. Может быть, назвать рассказ «Прятки»? В финале ведь Катя с сестрой спрятались от Татьяны, овсянки, старого тела, самой смерти...

Поздравляю автора с рассказом и советую не бросать писать — у него очевидные и большие способности.»

Голубая кровь

Сергей Афонин

Субстрат (философия) — (от лат. substratum — основа, фундамент) — в широком смысле основа всего существующего.

— Это мой сын, Ракиффа. — Наружный динамик скафандра предательски чирикнул, искажая голос Александра Танталова.

Он потянул руку стоящего рядом Сергея по направлению к Матери. Та выступила вперед и взяла кисть тонкими серыми пальцами, возникшими из длинного золотистого рукава. Корона заиграла блеском разноцветных драгоценных камней, когда она склонила голову и очень медленно приложила тыльную сторону ладони в перчатке к своей серой щеке. Александр видел через прозрачную маску, как мальчик напрягся. Хотя какой он мальчик? В свои девятнадцать чуть не на полголовы выше Танталова и на голову — самых высоких из воинов Атай. Сотни подобострастных глаз следили за ними, море полуобнаженных тел застыло в тишине, разлившись среди напряженных клинков, щитов и деревянных «гондол» музыкальных инструментов.

Серёжа, не понимая, смотрел на отца. Тот по внутренней связи успокоил его:

— Я сказал, что ты мой сын. Все хорошо.

Лампы на стенах неровно освещали гладкое лицо, так похожее на его собственное, голубоватые блики колыхали воздух, будто толщу воды. Вся многочисленная свита Матери благоговела перед ним.

Властительница отпустила руку Сергея и громко произнесла, отправив окончания слов в полет к гулким сводам пещеры:

— Твой сын — наш сын, Алекс. Мы запомнили его.

Серёжа снова с неуверенной улыбкой обернулся к отцу, но тот не стал переводить.

***

Прожекторы вездехода заливали белым расчищенный грейдером путь, зажатый со всех сторон густой тьмой. Скоро взойдет солнце, и температура поползет до невыносимых девяноста градусов. Но на базе уютно и безопасно.

Все прошло хорошо, народ Атай принял Серёжу.

В лобовом стекле из-за покатога плеча Фреда, сосредоточенно управляющего машиной, размеренно покачивался предрассветный пейзаж Глиз.

Сергея потрянуло на яме, он наконец покосился на Александра.

— Я и не знал, что ты говоришь на языке Атай.

Александр кивнул, сдерживая улыбку. Сергей не представлял, как многого он еще не знал.

— Ты тоже научисься.

Сын усмехнулся. Белые зубы блеснули в свете приборной панели.

— За месяц? Ты меня переоцениваешь.

Позади остались огни полевого контактерского лагеря на краю бездонной и все разрастающейся пропасти Эбисс, которая со временем поглотит и это плато. Далеко, слева по курсу, у самого горизонта, разгоралось лиловое зарево.

— У тебя будет время. Я нашел тему для твоей работы в проекте, но тебе придется остаться на Глиз.

Сергей вскинулся:

— Здесь? И на какой срок?

— Думаю, года на два.

— Два года? Но... — У него даже как будто выше поднялся хохол на макушке.

— Не торопись. Тема такая, что тебе откроются двери в любые Страты. Прайм-статус совсем рядом.

Если немного помочь талантам сына, которые так их роднят, то он имеет все шансы расправить крылья не хуже него самого — создателя проекта спасения человечества «Древо жизни».

Серёжа недоверчиво приподнял брови. За пару дней, прошедших с прилета, ему совсем не понравилась неприветливая Глиз с малопривлекательной пока для людей атмосферой,

загонявшей их в скорлупу баз и укрытий. Ничего, все будет хорошо. За два года привыкнет, а там... Главное, Агай приняли его.

— Что за тема?

— Сейчас доедем до лаборатории и все покажу. А пока у меня для тебя подарок. — Танталов достал из кармана темно-синюю коробочку. — Сними перчатку, левую.

— Что это? — Серёжа стянул перчатку, с любопытством глядя, как Танталов вынул небольшой перстень ультрамаринового цвета и надел ему на мизинец.

— Это досталось мне от матери. Все не было возможности подарить тебе. Нравится?

— Ух ты! — Сын снял и вторую перчатку и ощупал новый предмет. — То самое наследие твоего рода?

— Мама рассказывала?

— В двух словах. Что еще в Эрду Корпораций твой род по линии матери имел Корпоративный Титул и управлял на территориях биофармацевтического кластера в Южной Африке до самой Пандемии, а потом их свергли. Так?

Танталов покосился на каменное лицо Фреда в зеркале заднего вида.

— Да, как-нибудь я расскажу тебе эту историю еще не гибнущей Земли.

Перстень поблескивал в полутьме кабины напоминанием утраченного величия, времени безоблачной жизни и процветания. Времени до Рубежа, пройдя который человечество уже не смогло совладать с последствиями своей многолетней разрушительной деятельности на Земле. После которого планетарные Корпорации, по сути, утратили свои глобальные регуляторные функции. После

серии опустошительных пандемий и природных катастроф уже ни одна Корпорация не смогла вернуться на территорию рода его матери и восстановить контроль. Как и на многие другие. И люди впервые за много лет объединились не по принадлежности к Корпорации, а как давным-давно, по территориальному признаку — в государства. Чтобы просто выжить.

— Так какое у тебя первое впечатление от Атай? Мало кому доводилось видеть их вот так, у них дома.

— Интересно... Такие серокожие. Это из-за избытка меди? — Сережа наконец оторвался от печатки, но продолжал ощупывать ее.

— Да, голубая кровь. Помнишь, в древности голубая кровь считалась признаком королевского рода?

— Ага, только эти скорее еще более древние варвары. Скорее они к тебе относятся как к королю.

Александр отвернулся от сощуренного взгляда Сергея.

— Обычное уважение к представителю более развитой цивилизации. — Перед глазами Танталова снова возникли ставшие ниц ряды Атай в зале — всех, кроме Матери.

— Считаешь? Мне так не показалось. К Фреду они явно не испытывали трепета; вообще не пустили в пещеру.

Лицо Фреда в зеркале исказила злая ухмылка. Александр так и не дождался, пока она исчезнет.

— Ладно, не придумывай.

В «питомнике» бактерий главной лаборатории, кроме них с сыном, был еще его помощник, Вито, который работал за своим виртуальным столом. Под его слабо скрываемую усмешку Танталов взял в холодильнике термос и подошел к горшкам с белыми лилиями. Сын тоже уже посмеялся над ним, сказал, что он и тут все заставил «королевскими горшками».

Сергей пригляделся к льющейся из термоса розовой жидкости. Субстрат в горшках впитывал ее жадно, почти мгновенно.

— Чем это ты поливаешь?

— Старый дедовский способ подкормки. Добавляешь в воду обычную кровь, например с кухни после готовки мяса, и все начинает расти как на дрожжах.

— Кровь? А просто железо добавлять не пробовал? — хмыкнул Сергей.

— Я же говорю — дедовский способ...

— Подожди, так ты кровь местных льешь?!

— Сюда — нет, — усмехнулся Александр. — У «местных» кровь синяя. Это с кухни. — Он переместился к стеллажам во всю стену с чашками Петри. — А вот для приготовления субстрата для некоторых образцов — да. В частности, для бактерий экспериментальной группы. — Александр достал из холодильника колбу с темно-синим содержимым и вернулся к длинным рядам ванночек с питательной средой. — Мы используем материалы, отобранные у контактной группы Атай. Знаешь ли, наши медики их регулярно обследуют.

На лице Сергея промелькнула тень брезгливости, и Александр продолжил после паузы:

— И как ни странно, мы мало чем отличаемся, кроме смещенного у них баланса

***

меди по отношению к железу в крови. Кстати, именно о крови «местных», как ты их назвал, я и хотел с тобой поговорить.

— Тема в проекте?

Танталов заправил дозиметр и начал добавлять жидкость в чашки Петри.

— Да. Пару недель назад я сделал анализ последнего поколения бактерий на экспериментальном субстрате и обнаружил совершенно удивительные свойства. И как ты понимаешь, причина могла быть только одна.

— Что за свойства?

Танталов равномерно наполнял голубой жидкостью емкости:

— Вот и я очень заинтересовался тем, что этому способствовало.

— Ладно. — Сергей сложил на груди руки. — И что этому способствовало? Образцы крови?

— Молодец. — Александр убрал пустой дозиметр и поднял указательный палец. — Катализаторы.

— В крови?

— Да. Катализаторы в крови Атай стали причиной мутаций бактерий.

Танталов пошел на второй круг к холодильнику.

Сын нетерпеливо выдохнул:

— Ладно, катализаторы, кровь — что за свойства? Из-за чего такая прелюдия?

— Ты помнишь, какие цели у нашего проекта на Глиз? — Александр показал на эмблему Древа жизни, выложенную мозаикой на полу.

Сергей закивал:

— Ага, выращивание лилий.

Вито услышал даже в своей гарнитуре и прыснул от смеха.

Александр натянуто улыбнулся:

— Ну ладно тебе. Короче, один из вариантов уменьшить в атмосфере содержание углекислого газа — это создание анаэробных бактерий, которые должны питаться углекислотой. Вот они. — Танталов махнул на стеллажи. — Вито, будьте любезны, принесите, пожалуйста, раствор для субстрата. Он мне понадобится через полчаса.

Ухмылка увяла на лице помощника, он снял Вирт-гарнитуру.

— Ну. — Серёжа развалился на кресле Танталова, стилизованного под трон, и выжидательно смотрел на отца.

— Так вот, в результате мутаций ДНК бактерий изменяется таким образом, что их способность и скорость к поглощению углекислого газа увеличивается невероятно.

— Насколько «невероятно»?

— В сто раз! Ну, разве не отличная тема для проекта? Да тебе сразу Прайм-статус дадут, на Первом Ковчеге полетите.

Сергей замер. Александр знал этот взгляд с хищным прищуром. Кажется, сын почувствовал вкус. Вкус, который затем пробуждает ту самую извечную неутолимую

жажду. Словно кора планеты слабо завибрировала из глубин пропасти Эбисс.

Серёжа облизнул губы.

— Я правильно понял, что что-то в крови местных способствует образованию бактерий, которые в сто раз эффективнее для терраформирования?

Так же точно смотрела на Танталова мать Сергея, когда он показал ей свой проект сохранения генофонда человечества на Земле. Когда она вцепилась в него мертвой хваткой, понимая, что это редкий шанс.

— На самом деле, даже чуть больше, но в целом, да, их кровь — это уникальный, невоспроизводимый субстрат. Что думаешь? Достаточно веская причина, чтобы остаться на два года? Кто знает, что еще можно вырастить на таком субстрате? — Александр подмигнул. Надежды и амбиции тоже отлично растут на такой почве. Он знал это по себе, а в сыне ведь текла *его* кровь.

Сергей пригладил свой восстающий вихор.

— У тебя есть отчеты, статистика?

— Полный комплект.

Мальчик не мог не понимать, что это шанс реализовать потенциал, выстрелить, а уж отец чего не сделает ради сына, ради такого же близкого по духу, ради того, кто поймет.

Сергей встал, сжимая и разжимая пальцы.

— Ты понимаешь, что это значит?!

Теперь точно никуда не денется. И два, а если надо, то и три года не проблема. Александр не смог сдержать улыбку:

— Да, теперь у нас будет чем заняться.

— Да ты понимаешь значение этого открытия?!

Сергей начал широко мерить шагами пространство вдоль стеллажей.

Танталов насторожился:

— Очевидно, что это очень любопытный факт.

Слишком чрезмерным выглядело возбуждение.

— «Любопытный факт»?! Это сократит сроки терраформирования! Теперь бóльшая часть населения Земли успеет спастись! Это же прорыв! — Щеки Сергея вдруг покраснели, голос набрал дребезжащие децибелы.

— Не торопись. — Танталов автоматически добавил мощности климат-контролю, ему вдруг стало жарко. — Это, конечно, важное теоретическое открытие, но для практического применения потребуются тонны вещества. К сожалению, мы не можем синтезировать его в промышленных объемах.

В глазах сына на секунду появился загнанный зверь, как у Алины, когда она узнала, что на месте строительства банка генофонда в резервации проживает более миллиона человек... Но почти сразу же хищный блеск разгорелся с новой силой.

— А зачем синтезировать?

Это была уже жажда, и она была знакома Танталову. И выглядела она так же, как у Алины, когда та нашла решение...

Танталов выдавил сквозь зубы:

— А как же?

Сергей молча взял с полки колбу с синей кровью Атай, покачал ею перед лицом Александра и медленно вылил в горшок с лилиями, забрызгав белые лепестки. Когда он, не сводя глаз с отца, нес колбу в раковину, последние капли упали на пол, на изображение Древа жизни. На ветвях Древа, как на метастазах человечества, устремленных в космос, заблестела синяя кровь.

Перед глазами встала картина из детства, когда на охоте Александр убежал от своего родителя и лежал, закрыв уши руками, чтобы не слышать предсмертный рев и агонию тысяч сайгаков вокруг. Чтобы забыть разочарованное, презрительное лицо отца, а перед глазами блестела кровь. Только красная.

Еще на что-то надеясь, он попытался сыронизировать:

— Ты предлагаешь, брать у них каждый день анализы?

— Нет, брать их самих.

Рассудительный, убежденный тон сына резал, как скальпель.

— Для начала внедрить меры профилактики, оздоровления. Создать им условия для размножения.

С таким же видом перед охотой отец раскладывал патроны и ножи, поясняя, чем стрелять, чем добывать, главное, чтобы не ушли подранки.

— Серёж, ты ведь это не серьезно?

В этот момент у сына под кожей внешних черт Танталова проступила волчья сущность матери. Алина так же убеждала Александра, что даже миллион пропавших без вести дервишей ничто по сравнению с лучшим

генофондом планеты. Перед тем как у него отобрали проект вместе с какими бы то ни было перспективами...

— Ты подумай, твой проект реализуется уже через тридцать лет — с Земли запустят первые Ковчеги, отец!

Слово будто драгоценный камень, что выпал из мешка с мусором, который несли на помойку. А может, там есть еще? А может, там и не мусор вовсе?

— Серёжа, послушай, о чем ты говоришь. Ты же предлагаешь строить... фермы для выращивания Атай? Чтобы потом пускать их в переработку?!

Он сейчас одумается. Он не всерьез, его сын просто не может говорить такое.

— Сотням тысяч на Земле больше не придется разыгрывать лайф-карт, чтобы получить шанс выжить!

Таким тоном говорят фанатики. Те, кто не будет, не способен думать, для кого все давно решено.

Из мешка сыпался обычный мусор. Он неотвратимо заваливал еще поблескивающий камень на земле. Собственный голос показался Танталову мольбой:

— Ты предлагаешь пустить под нож миллионы живых существ!

Глаза Сергея пылали. Их свет был чужим, враждебным.

— Дома умирают миллиарды землян! Людей!

Ах «людей»...

«Людей», которые исторгли Александра из своего общества, лишили титула его род, украли и оттерли его от собственного проекта еще в Школе и позже отказывались признавать его несомненные заслуги в проекте сохранения человеческой расы и, в конце концов, заставили улететь на Богом забытую планету! И даже тут те немногие представители кровной расы, носители потребительских ценностей, только что в лицо не выказывали свое презрение к нему. Завистливые, не способные ни на что ничтожества! И это этих «людей» надо спасти, принося в жертву другую расу?

Сергей уперся сзади в спинку кресла-трона и жег взглядом:

— Я не понимаю. Ты вроде как их защищаешь. — На секунду Танталову привиделась снисходительная улыбка. — Но ведь вся твоя терраформация меняет их мир под нас! Ты своими руками создаёшь механизм их уничтожения.

Неужели он его жалеет? Или эти вздернутые крылья носа — другое? Презрение?!

Александр мотнул головой, пробормотал, поджимая губы:

— Они адаптируются. Если будет время.

Сергей вскинул голову.

— Что? Так вот почему ты не хочешь ускорять терраформирование... А как же мы? — Он вытянул руку, показывая на эмблему на полу. — У нас ведь нет времени! Максимум через пятьдесят лет Земля станет совершенно непригодна для жизни! Миллиарды умрут уже через сорок, миллионы умирают сегодня каждый месяц!

Синяя кровь теперь была не видна на ветвях, будто мозаика на полу впитала ее. И жаждала еще.

— Серёжа, я создал этот проект, чтобы спасти людей! Но задолго до этого люди сами решили и свою судьбу и судьбу Земли и сами выбрали, как потратить отпущенное им время.

Его хохол стоял вздыбившейся шерстью. Голос почти рычал в горле:

— Да ты же против всех нас!

Лицо сына стало сначала незнакомым, а потом звериным, с оскалом, опасным, чужеродным.

Он вскочил.

— Иди ты со своим проектом! И со статусом своим тоже! Пусть не с первой волной, но мы признаны полезными членами общества и попадаем на Второй Ковчег без твоей милости!

Он устремился к двери.

— Мать права, я не такой, как ты. Ты... Ты не отец мне!

Он захлопнул дверь лаборатории.

***

Танталов вошел в каюту и замер, уставившись на фото сына в обрамлении декоративного скипетра и шпаги на обшарпанном металле переборки. Сергей был одет в черную тогу и держал Диплом Школы с отличием.

Его ли это сын? Есть ли в нем что-то его, кроме внешности?

Рывком распахнул ворот комбинезона и прилег на жесткую койку. Под потолком

качнулся подвешенный горшок с лилиями. От их запаха вдруг подкатила тошнота.

Значит, его талант к науке, как у него самого, лишь насмешка судьбы, а не связь. Он с ними, он такой же, как они, он не нуждается в Танталове, у него есть другой отец...

Гладкость аромата от горшка под потолком вдруг приобрела горечь.

Значит, у него никогда и не было шанса что-то изменить? Не сын, а чужой человек? Как остальные? Он им всем чужой!

О чем он думал, когда хотел ввести Серёжу в проект!

Танталов активировал канал связи, в воздухе появился прямоугольник с обеспокоенным лицом Алины. Спала. Разбудил.

Она прищурилась.

— Привет. Что-то случилось?

— Я не смогу помочь Серёже с темой в проекте.

— Что? — Она нахмурилась, запахнула халат и, оглянувшись на спящего рядом, вышла в дорожно обставленную гостиную, зажгла свет. — Что случилось? Объясни толком!

— Я честно хотел. Я думал, что в нем... больше моего. Но каким-то образом ты превратила его в себя. Ты сделала из него... Прости. Он вылетает первым шаттлом.

— Да что на тебя нашло?! Опять истерики! Немедленно соберись и давай поговорим как взрослые люди!..

Танталов отключил связь и заблокировал ее номер. Проверил еще раз, что заблокировал.

Прилетел, но не срослось, не сблизилось, не судьба. Всё.

Александр вытер вспотевшие ладони о брюки.

Что ему? Как и ей... Завтра улетит, и хоть трава не расти.

Подошел к фото на стене.

Это всего лишь внешнее сходство. Он чудовище. Они там все чудовища...

Танталов снял рамку и бросил на кучу вещей в углу каюты.

Завтра он улетит к ним, к своим. Завтра улетит и...

Александр вдруг окаменел. Затем резко присел на корточки, потянулся к фото и замер. Наконец поднял легкий пластик, будто свинцовый груз, и тяжело осел на пол.

Где-то через час он вышел из каюты и направился к шлюзам гаража.

***

Танталов подошел к неразобранному контейнеру с вещами в углу каюты и среди хлама откопал бутылку виски.

До отлета шаттла оставалось полчаса. Вездеход уже час как вышел с базы к космодрому.

В дверь постучали.

Александр вздрогнул и, расплескав, быстро налил полный стакан.

Первый глоток неожиданно и непривычно обжег горло, но Танталов заставил себя пить.

Снова стук, громче.

— Да! — Оторвался и медленно повернулся в сторону вошедшего с округлившимися глазами ассистента.

Протянул стакан:

— Будешь?

— Александр Денисович...

Вито пришел, чтобы сказать. Вот он открывает рот, медленно. Александр перебил:

— Не хочешь? А ведь все пьют, Вито. Вот и экспериментальная группа бактерий пьет. Только не виски, а субстрат на крови Атай...

— Александр Денисович...

Танталов понял, что он все равно скажет, и быстро поднес стакан с остатками ко рту.

— Вездеход попал под обвал. Фред погиб, Серёжа без сознания... Атай привезли их на базу.

В горле булькнуло, терпко пахнущий виски потек по шее. Танталов опустил стакан, провел рукой по губам, всматриваясь в выпученные глаза ассистента.

Похож на жабу. Ну натуральная жаба.

Чем так пахнет? Лилиями? Нет. Нашатырным спиртом?..

Вокруг мокрых ботинок, как зубы, лежали какие-то осколки. В руке была только бутылка.

Он пихнул ее в руки Вито и тяжело затопал на ватных ногах в медотсек.

***

Танталов сидел в палате.

Приглушенный свет, трубки во рту Сергея, мигающие лампочки.

Живое свидетельство того, что все надежды Танталова на гармоничное сосуществование людей и природы были несбыточной мечтой. Нет, они сосуществуют, но в этом не может быть одновременного блага для всех. Люди не могут взять часть и оставить лишнее, ненужное им сейчас, чтобы и оно продолжало жить рядом с ними. Нет. Они выпьют все без остатка, вырастут и распухнут кровавым комариным брюхом. А потом придет время, роли поменяются, и выпьют уже их. Но никогда вместе, никогда одновременно.

Время пить и время становиться питьем — вот она, истинная гармония природы. Жажда правит миром, лишь она субстрат всего сущего. Все живое жаждет чего-то. В каждом своя ненастная черная дыра, своя всепоглощающая пропасть. Это и есть жизнь.

Сегодня он увидел, что у него тоже есть жажда. Как у отца на охоте, неспособного отпустить нажатый курок. Как у Алины и у Сергея, не вольных остановиться и стремящихся к цели любой ценой. Как у Древа жизни, которое вырастает на крови Атай. Как у Эбисс, которая однажды поглотит в себя саму планету.

И вот его черная сущность тоже высунула уродливую голову с ненасытной пастью. Пастью, которая уж если вцепилась во что-то, то не ради кусочка, нет. Даже если ей слишком, если подавится и не проглотит, все равно будет

тянуть и всасывать до последней капли.
Потому что не умеет и не способна
остановиться.

Последней надеждой был сын. К
сожалению, не сбылось. Сын не смог утолить
его жажду.

Танталов снял с его пальца перстень и
провел пальцем по едва заметной гравировке
короны, стилизованной под лилию. Сергей
даже не заметил.

— Атай, — прошептал Танталов и с
горечью растянул губы в улыбке. Давно
известный перевод только сейчас раскрыл всю
горькую иронию судьбы: он остается с Атай —
с «утоляющими жажду».

Сергей вдруг открыл глаза. Александр
отпрянул, потом приблизился и судорожно
вцепился в кровать, смяв простынь. Он минуту
всматривался в бледное лицо, в слезящиеся
глаза сына. Но там не было ничего, кроме
отвращения и страха. А в голове грохотала
последняя фраза: «Ты... Ты не отец мне!»

Вдруг он оказался очень слабым и
практически не сопротивлялся, когда Танталов
положил руку ему на лицо.

***

— Приветствую тебя, Мать. — Александр
откинул пурпурный полог и вошел.

Она поднялась и изучила его лицо.

— Я вижу много печали. — В глазах
заблестела влага. — Стоило ли это того?

Танталов приоткрыл маску, придерживая
у рта кислородную трубку. Лицо сразу взмокло
от жары, но он выпрямился перед ее ликом и
сказал не через динамики:

— Ты признаешь меня, Ракаша?
Признаешь?!

Мать взяла с золотого столика лежавшую
на пурпурной подушке корону, чуть больше,
чем ее, и медленно надела Александру на
голову. Затем присела на ложе, увлекая его за
собой:

— Не печалься, мой король, у тебя еще
будет сын. И не один.

Танталов закрыл глаза и припал к ее
груди, прошептав:

— Значит, мы все сделали правильно, моя
Атай.

А в жилах их детей будет течь голубая
кровь.

По крайней мере, до тех пор, пока роли в
круге мироздания не поменяются и не
наступит время чужой жажды.

Избы

Наталя Нерастенко

Половину зарплаты она тратила на квартиру в центре города. Ей претила жизнь на окраине, в панельке рядом с лесопарком, где во дворе умиротворенными рядами бродят собачники. Она любила выходить на работу и наслаждаться гулом несущихся мимо машин, стеклянными витринами, густой многоголосой толпой.

Если кто-то обращался к ней «милая», она тут же хмурилась. А говорили часто, потому что любая улыбка превращала ее круглое лицо в иллюстрацию из детской книжки. Усугублялось все тем, что звали ее Машей, и каждый — начальник, подчиненный, уборщица, — хоть раз, да назвал ее Машенькой. Но она сопротивлялась: красила губы красным, носила тесные юбки, золотые кольца, тяжёлый сладкий парфюм.

Однажды в ноябре она так надоела начальнику предложениями по улучшению рабочего процесса, что тот поручил ей командировку в далекий пригород, известный алкоголиками и пустырями. Маша отнекивалась, но в назначенный день начальник просто заказал ей такси и назвал нужный адрес. Всю поездку она с трудом сдерживала презрение к провинциальному говору клиентов и серьезно напоминала им про сроки, поставки, бланки и отгрузки. Таксист, который повез ее обратно, сообщил, что задние двери сломаны, и усадил Машу рядом. Когда они неслись по темному шоссе, Маша осознала, что где-то здесь затерялась ее родная деревня Мотыльки. Мелькнула в свете фонаря расписанная неприличными словами остановка, пронеслось мимо заколоченное здание автовокзала. «Как похожи все деревни», — думала Маша, но вдруг осознала, что таксист действительно везет ее в Мотыльки, и задохнулась от ужаса.

В деревне она не появлялась несколько лет и номер телефона меняла много раз, но все равно каким-то жутким образом Маша находила контакты и звонила, писала, плакалась. Почтовый ящик ломился от конвертов, регулярно приходили посылки. Успокаивала только уверенность, что бабка никогда не покинет отчего дома. Машу надежно охранял городской бетон.

Но вот, стоило только на денек забыть о месте, из которого тянулась ее пуповина, родина напомнила о себе.

Маша кричала, дёргала ручку двери, но таксист только повторял «мы едем правильно». Когда она кинулась, чтобы выхватить руль, он резко затормозил, оттолкнул ее на сиденье и вытащил сверкнувший нож. Такси с притихшей Машей тронулось, негромко заиграло радио. Маша судорожно думала, но какой бы план ни пришел ей в голову, все сводилось к тому, что таксист полоснет ей лезвием по лицу, а потом воткнет его в глаз. Когда они проехали Мотыльки и повернули в соседнее село, Маша поняла, что направляются они точно не к ее бабке, и чуть успокоилась, хотя таксист все так же сжимал нож.

Они остановились на отшибе у избы, очертания которой проступали сквозь черноту ночи. Таксист вышел, открыл дверь, Маша рванула на улицу, но не успела проскочить — он схватил ее за воротник офисной рубашки и кинул рядом с калиткой. Маша закричала, прижалась лицом к земле и накрыла голову руками. Остро запахло грибами и мокрыми листьями.

— Знакомьтесь. Это бабушка моя, Алевтина Петровна, — раздался над Машиной головой голос таксиста.

— А ее как звать? — ответили ему.

— Ой, ну сама как-нибудь разберешься, мне пора уже.

Зашуршали колеса, такси уехало.

Маша осторожно подняла глаза. В темноте над ней склонилась старуха в белом как снег пуховом платке. Наверно, это ее таксист назвал Алевтиной Петровной. В руках она держала ружье, дуло которого смотрело на Машу.

Под прицелом Маша прошла в избу, села за кухонный стол, накрытый липкой клеенкой. У потолка качалась одинокая лампочка, на плите булькала эмалированная кастрюля.

— Пей, — сказала Алевтина Петровна.

Перед Машей стояла фарфоровая кружка, до краев наполненная бледным отваром. Как только она допила и поставила чашку на стол, в голову ударил густой туман, мысли отяжелели, язык почти онемел, руки налились усталостью. На языке горчила полынь. Маша пыталась стиснуть пальцы в кулак, но словно забыла, как это делается. Попыталась встать, но колени подогнулись, и она бы упала, если бы ее не подхватила Алевтина Петровна.

Началась странная Машина жизнь в сумрачной пелене, дни катились внахлест один за другим, поглощая друг друга. Она ходила по двору, по избушке, выполняла поручения Алевтины Петровны и каждое утро под прицелом ружья пила сонный отвар. От платья с мелкими черно-красными цветочками, в которое ее нарядили, несло табаком и тройным одеколоном. Алевтина Петровна злобно щурилась выцветшими глазами, если видела гостью простоволосой, так что Маша, несмотря на онемение рук, долго-долго заплетала косички, завязывала их полосками

ситца вместо ленточек. Глядя в зеркало, Маша узнавала черты своей бабки, но не той, которую помнила, а той, которую видела на фотографиях в домашнем серванте.

Из всех работ по хозяйству, как и в детстве, ей больше всего нравилось кормить кур. Рассыпаешь зерно по земле и тут же, как по команде, сбегаются пятнистые птицы, забавно треплют хвостами, тыкаются в траву. И так много раз, пока не надоест или не закричит с веранды хозяйка, дескать нечего перекармливать животных. Еще ей нравилось следить за тем, как хрустальная вода из колонки — такая ледяная, что от одного взгляда ломит зубы, — переливается на солнце и гулко бьет в ведро. Нравилось слушать, как фыркает корова, когда хозяйка гладит ее по тёплому боку, приговаривает ласковые слова.

Но сонный отвар нагонял марево днем, не исправляя сны. В них бабка будила Машу и заставляла скрести пол, потому что накануне она его вымыла недостаточно хорошо. Или встречала со школы, усаживала рядом и выспрашивала про одноклассников, учителей, нервно дергалась, если Маша упоминала о чем-то неприятном, говорила: «Голоду не натерпелась молодежь! Все-то вам сахар не сладкий». Еще снилось, как бабка исходит на крик, потому что уже два месяца у Маши нет месячных, и значит, девка нагуляла позор на семью. А на следующий день, все в том же сне, Маша бежит к бабке с простыней, показывает кровь. Так что утром она шла пить сонный отвар почти с радостью.

Алевтина Петровна сказала, что отрубит Маше руки, если она выключит радио, бормотавшее в избе с утра до ночи. А если решит бежать — ноги. Но даже когда во мглу, заполонившую Машины мысли, закрадывалась идея о побеге, она не могла придумать, как проскочить мимо стаи бродячих собак, которые ошивались у забора. Алевтина Петровна мучительно скучала, смотрела повторы сериалов и без конца рассказывала про дискотеки своей молодости, про бандитов девяностых, про немого пастуха, с которым крутила любовь, но больше всего про своего внука. Всем-то он вышел: и внешностью, и умом, ещё бы не забирал у нее всю пенсию — цены б ему не было.

— Жаль только, доченьки или внуки я не нажила, — вздохнула Алевтина Петровна однажды, глядя, как Маша чистит картошку, — помощник-то у меня есть, а настоящей наследницы нема.

Уже выпал первый снег, когда Алевтина Петровна выкупала Машу в бане. Она хлестала ее венниками, терла хозяйственным мылом, а в конце ухнула на голову ведро ледяной воды. Маша блаженно улыбалась, вдыхала запах березовых листьев, тянувшийся от кожи вместе с паром. После бани Алевтина Петровна укутала ее в белое махровое полотенце и усадила на кухне, а сама стала топить печь. Она почему-то плакала и утирала слезы перепачканными в саже пальцами.

— На вот, кровь разогнать надо — сказал Алевтина Петровна, наливая Маше чай.

Это был настоящий чай с живым терпким вкусом. Первый же глоток чуть рассеял мысленный туман, в нос ударил сочный запах жареного лука. «А что сегодня на ужин? — внезапно подумалось Маше. — Лук жарится, а мяса нет». Взгляд скользнул сначала к тусклому дулу ружья рядом с печкой, потом к деревянной полке: крынка с шербатым краем, отряд алюминиевых солдатских кружек и странная зеленая шкатулка. Шкатулка, сделанная словно из бутылочного стекла, переливалась запутанными узорами, мерцала среди пыльной посуды, как светлячок на болоте.

Маша хотела рассказать, как в детстве, классе в шестом, нашла точно такую же шкатулку у своей бабки под матрасом, открыла и увидела, что она до краев заполнена зубами. Желтыми, белыми, маленькими, с длинными корнями и совсем без них, один был с черной пломбой, у другого отломался краешек. Завороженная Маша высыпала их на пол, перебирала, как драгоценности, пока в комнату не зашла бабка и в ужасе не выхватила шкатулку. Она стегала по Машиной спине полотенцем, кричала до хрипоты и всю ночь то кидалась вещами, то плакала, а Маша сидела в углу и боялась поднять руку, чтобы вытереть текущие сопли. Утром бабка пришла извиняться, даже принесла из магазина стаканчик мороженого, который пах старым

холодильником. Сказала, что в шкатулке она хранит свои вставные зубы, что скоро все в этом доме будет Машиным — и цветной телевизор, и каменная печка, и чудесная шкатулка, но пока не время. «Подожди чуточку, милая!» — сказала бабка. Маша дождалась совершеннолетия и сбежала в город.

Она хотела рассказать все это Алевтине Петровне, но язык ещё ворочался тяжело, так что она пролепетала:

— У бабки моей такая же шкатулка.

— Да ну, — хмыкнула Алевтина Петровна.

Маша кивнула.

— Как звать-то бабку твою?

— Мотылькова Василиса. Из Мотыльков.

Алевтина Петровна выронила кочергу и прижала ладони к лицу.

— Ох, я дура бестолковая! А еще гляжу, рожа твоя знакомой мерещится! Ты почто молчала-то, девка? Поди ж, Василиса Мотылькова! Ох, со свету меня сживет твоя бабка!

Она бросилась к телефону, и уже через полчаса таксист вез Машу в Мотыльки. Руки, ноги снова шевелились, Маша одергивала юбку, которая стала вдруг страшно неудобной. Изящная кожаная сумочка и лакированные туфли выглядели неуместно, она уже забыла, что когда-то надевала подобное.

Таксист рассказывал бабке, что случилось, пока Маша стояла в прихожей между валенками и галошами. К ее удивлению, бабка не бросилась с радостными криками на шею и ругаться не стала, а сдержанно выпроводила таксиста из избы и усадила внучку за стол.

На окнах висели знакомые занавески в белых ромашках, которые Маша давным-давно сшила из найденных на чердаке обрезков. Бабка как всегда положила в чашку кусок рафинада (сахарный песок она не признавала) и пять раз помешала. Серая кошка, наверное, потомство от той, что была у Маши в школе, терялась о бабкины ноги. В курятнике наверняка спали птички, которых надо покормить, а где-то в хлеву точно вздыхал теплый теленок.

— В шкатулке зубы тех, кто приходил к тебе? — спросила Маша.

Бабка продолжала задумчиво мешать чай.

— По одному от каждого.

Маша подумала, что командировки, утренние пробки, отчеты ей, похоже, приснились. Она всматривалась в морщинистое лицо бабки и ясно видела, что бабка такая же курносая и круглолицая, как она сама, как давно погибшая мама. В этом доме не нужно напоминать свое имя, ждать очереди к начальнику на прием и рисовать красным по верх губ, потому что никого не обмануть, всем уже всё известно. И отсюда, только отсюда ее точно не заберёт сумасшедший таксист.

— Останешься? — спросила бабка, прихлёбывая из чашки.

Маша кивнула. В конце концов, зелёную шкатулку можно просто не открывать.

Рецензия писателя Романа Сенчина:

«Получился замечательный рассказ. Мне тем более радостно, что первые этюды не внушали уверенности в хорошем итоге. Но за эти недели автор прошел большой путь; автор может работать над текстом, исправлять, прислушивается к замечаниям, а это не такие уж частые качества у литераторов.

«Остро запахло грибами и мокрыми листьями». Очень хорошо. Название я бы предложил «Бабки»? Они и суровые, и одинокие, и страдающие, вот таким образом притягивающие выросших внучат. У первой бабки ведь внук где-то... Повторяю, рассказ замечательный. Поздравляю автора. Да, еще! Шкатулка и зубы — потрясающий символ. Молочные, коренные, с пломбой (отлично!). Героиня должна понять, что это сокровище их семьи. Я правильно догадался?»

Рецензия критика Валерии Пустовой:

«Мне очень понравилось начало рассказа. Первые три абзаца, когда идет экспозиция, текст впечатляет крепким стилем, без избыточностей и с точными деталями, четким образом героини, приятной резкостью тона. Первая фраза очень удачна: она показывает разом успех героини и ее уязвимость. Героиня хочет оторваться от корней, жить по-городски — но она зависима от этого своего желания. Выяснится ниже, что тут источник внутреннего конфликта: героине есть что скрывать — и в прятки она играет не столько с бабушкой, сколько с самой собой. Замечательно обрывается экспозиция, на взлете эмоции: «задохнулась от ужаса». Читатель заинтригован.

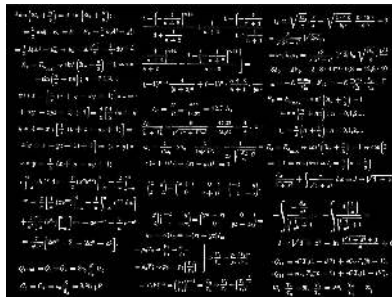
Однако то, как разворачивается рассказ дальше, на мой взгляд, не вполне убедительно. Ни житейски, ни художественно. Рассказ задуман и начат очень удачно, сильно — предложила бы поэтому автору еще раз его обдумать после, не спеша, поискать к сюжету ключи. Почему житейски, логически рассказ не убеждает? Потому что из рассказа непонятно упорство шофера, который угрожает ножом, лишь бы до места довезти клиентку. Да выкинул бы он ее на дороге — и пусть сама дойдет до ближайшего пристанища. А там, например, эта злая бабка с сонным зельем. Далее — он привозит клиентку к бабке, обрекая на рабство, — это что, договор такой? Он соучастник преступлений сельской ведьмы? Непонятно. То есть обстоятельства попадания героини в плен вызывают недоверие.

Далее появляется ружье в руках ведьмы. Это очень странно. Почему ей нужно так рисковать, грозить оружием, если она ведьма? Зачем вообще ей посторонняя в доме? Почему она не берет в работники кого-нибудь из местных? Откуда она знает бабушку героини, почему у нее такая же шкатулка? Историю с пленом я могла бы воспринять как метафору, но на это в тексте нет указаний. Нет признаков, что героиня попала в пространство подсознания, мир возможного и там встретилась, скажем, с призраком своего ума — грозным образом бабушки. Рассказ мог и так развиваться. И тогда житейские вопросы потеряли бы значимость. Но пространство выстроено поосторонне. К примеру, при том, что бабка явно опасная, угрожает и околдовывает, в рассказе даны вполне позитивные, теплые образы сельского быта героини в плену: хрустальная вода, куры, фырканье коровы. Художественно рассказ не убеждает потому, что в нем не выбрана именно эта идея пространства. Автор показывает, что героиня в плену видит страшные сны. И в то же время описывает ее плен как пребывание во сне. Но и дает эти реалистичные позитивные образы быта. Так наяву это все или в ее подсознании? Рассказ не сделал выбор. Бабка то ведьма, то сумасшедшая преступница с ружьем.

Есть лишние детали. Например, бродячие собаки — откуда они берутся и зачем введены в рассказ? Лишним мне кажется и ружье, и воспевание сельского быта через образы воды и коровы. Почему бабка дает героине проясняющее ум питье — если до этого долго поила сонной отравой? Шкатулка тоже не самый удачный ключ к сюжету. Чем оригинальнее ключевой образ, тем менее серьезным, убедительным выглядит повествование: особенная шкатулка создает ощущение выдуманности.

Предложила бы обдумать сюжет еще раз. Выбрать пространство: сон или быт. Если быт — то нужно убедительно, логично все мотивировать контекстом, деталями. Если сон — то стоит работать над атмосферой, не нарушая ее бытовыми позитивными описаниями сельских трудов, обыденного общения с бабкой. Стоит уйти от экстравагантных деталей: ружье, шкатулка запоминающегося дизайнера, даже нож у таксиста. Лучше приглушить, заземлить — на таком фоне эффектнее проступит ужас.

Впервые прочитав о конфликте героини с бабушкой, мы начинаем ждать примирения. Так работает инерция сюжета. Ожидания читателя стоит нарушать. Финал рассказа в идеале должен выводить к неожиданному итогу, проливать новый свет на рассказанное. Например, в данном рассказе было бы интересно в финале разгадать какую-то тайну отношений героини с бабушкой. Ведь нам так и не понятно, почему героиня так опасалась контакта с ней. Да, мы поняли, что бабушка была иногда раздражительной, а история со шкатулкой героине запомнилась неприятно. Но этого мало для того ужаса перед контактом, который автор описал. Финал можно решить мистически или психологически. Главное — уйти от того, чего мы ждем: что героиня будет показательно наказана за свое увлечение городом и нежелание общаться с бабушкой и в итоге добровольно осядет в родных местах, которых избегала. Именно потому, что такой финал просится, его хорошо бы избежать. Повторюсь, стилистически рассказ кажется убедительным и сильным. Но стоит, на мой взгляд, еще раз продумать идею и ее воплощение в сюжете.»

Кроссворг с продолжением

Катя Суханова

— Смотри, как интересно написали, Катюша. Четыре буквы, бывает светлое, тёмное и такое же холодное, как сердце бывшей. Смешно, да?

Катя сидит на крохотной кухне. Из всех мест на земле это последнее, где ей хочется находиться. Только она про это ещё не знает. В раковине — эверест грязной посуды, на столе — газета, которую муж выудил из почтового ящика. Бесплатная, на тонкой бумаге, с нестойкой краской, остающейся на руках. Лежит на столе, который чуть больше газеты. Кате это не нравится — но что ты заводишься, ведь краску можно отмыть. И делов-то!

Рядом — муж. Дома можно быть непричёсанным и одетым как попало. Можно чавкать и говорить с набитым сардельками ртом. Потому что домашние всё поймут — и примут таким, какой есть. А производить впечатление — это вы на работе упражняйтесь. А дома все свои.

Муж ругал власть, соседа в пятого этажа, что поставил дверь с бронебойным засовом. Что-то скрывает, чтобы налоги не платить. Ругал мужчину из соседнего подъезда — что часто меняет машины. Эпатажную мадам, что выбирает костюмы для собачки в тон своей сумочки:

— Как рядом с ней мужик живёт? Рехнуться можно, столько расходов. Да и времени у неё — завались.

Муж никогда не говорил «вон как люди умеют», чтобы не добавлять в конце «вон как я не могу»:

— Я Виктор, победитель по жизни. Мне некогда распылаться на мелочи.

Виктор не хотел заниматься незначимыми — по его мнению — вещами. То есть он их как бы не замечал, довольствуясь рассуждениями о политике, других людях и том, как мир несправедливо устроен: Виктор закончил университет, который готовит безработных с изящным образованием. И, перебиваясь фрагментарными заработками, муж сидел дома, иногда прерываясь на уроки с теми, кто хотел поступать в тот же изящный университет.

Катя посмотрела на свои руки — без маникюра, с коротко остриженными ногтями — и быстро спрятала их под стол. Стало стыдно, что не нашлось времени на себя. И впервые ей захотелось оказаться на месте эпатажной мадам с собачкой. И не отвечать ни на какие вопросы.

Скоро должны были показывать хоккей, и муж ушёл в спальню. Оставил на столе скрученную газету, уже приспособленную под мухобойку.

«Холодное, как сердце бывшей...» — от фразы из кроссворда ныло и зудело внутри. Кто-то произнёс то, о чём Катя не могла даже подумать. Стать чей-то бывшей.

***

У того математика было всегда отрешённое выражение лица. Будто он что-то в уме отрешал — или находится в состоянии решения. Это было особенно заметно в столовой — там, где он не мог скрыться за формулами и расчётами. И где нужно было с кем-то общаться.

— У вас комплекс? — спросила как-то у него девушка на раздаче.

А он — то ли решая очередную задачку, то ли просто в беспамятстве — механически переспросил:

— В смысле?

— Ну, комплексный обед брать будете?

Как в фильмах с меняющейся реальностью, математик будто отряхнулся и быстро ответил:

— Да, вегетарианский, пожалуйста. За сто восемьдесят рублей.

Этот чудик настолько стал частью НИИ, что когда заболел или уходил в отпуск, то по столовой металась взгляды: что с ним? когда вернётся? Его отсутствие ощущалось так же сильно, как если бы отбросить все знаки после запятой в числе π . Этого НИИ не мог себе позволить.

Кате нравился математик. В нём было что-то незлобное, по жизни простое, но увлечённое.

— У вас свободно? — поинтересовался математик, балансируя с подносом — и вегетарианским обедом на нём.

— Да, пожалуйста.

Математик вспоминал уже после, что больше всего благодарен в жизни двум

обстоятельствам: числу π — за бесконечность и таинственность. И столовой НИИ — за ограниченность и простоту. Ведь потому, что в тот день математику не хватило места, он подсел к Кате. И с этого дня началась последовательность дней, без которых так страшно и глупо жить.

— Вы тоже вегетарианский комплекс берёте. Не едите мясо, или тут его готовят невкусно? — поинтересовался математик. И тут же прервался: не бестактно ли он себя ведёт?

И Катя рассказала, что дома — одни сардельки. И что на работе она отдыхает. От запаха сарделек, тоскливых вечеров и мужа. Впрочем, про мужа она ничего не сказала — ограничилась только скудным меню, которое так любят у неё дома.

Математик хоть и ходил в роговых очках, но многое тогда понял. Что нельзя есть только сардельки. Особенно если не все хотят их есть. Вроде это любовь называется — делать то, что другого радует. И не делать того, что наоборот.

Оказалось, что у математика есть имя. Николай Иванович. Но для Кати он стал просто Колей. Уже потом, даже если мест в столовой хватало, Коля всё равно садился с Катей. Потому что именно она могла слушать его. И понимать.

— В числе π , Катя, есть загадка. Для меня π — похоже на длинную змею, пытающуюся догнать трамвай. Фантастика, а не число.

Прошёл месяц, и однажды вечером математик заметил, что задумывается о Кате чаще. А число π — интересуется его меньше, чем до их совместных обедов. Ему вдруг захотелось знать мнение Кати обо всех вещах на земле. Обо всей бесконечности, что есть в мире. Как в числе π .

И в этом Коля стал похож одновременно на школьника, поэта и члена-корреспондента РАН: математик влюбился.

***

Если и бывают холодные дни в году, так это те, которые мы проводим рядом с разлюбленными людьми. С холодом — снаружи и внутри.

В тот вечер всё началось с кроссворда. Им же и закончилось.

Катя стояла возле раковины и отмывала кастрюлю. Утренняя каша пристала к ней, как гудрон. Муж забыл замочить её, когда уходил. Хотя Катя просила. И не один раз. И не только об этом.

— Смотри, Катюша, вроде простое слово должно быть, а догадаться не могу. Чувство неприязни, отвращения. Восемь букв.

— Нелюбовь, — спокойно произнесла Катя, тысячу раз проговаривая это про себя и ни одного раза вслух. — Знаешь, я тебя больше не люблю.

Повернуться к мужу было страшно. Ведь вроде как в браке, а на самом деле в квартире живут два совершенно чужих человека. Катя пересилила себя и повернулась.

Лицо мужа замерло в эмоции ещё не ушедшего счастья.

— То есть как, не любишь? Как это понимать? Я твой муж!

Везувий, наверно, выделял меньше лавы, чем муж в тот вечер — выдавал слова. Ничего не запомнилось, кроме патетического: «Где бы ты сейчас была, если бы не я?» Катя беззвучно усмехнулась. Вот это самомнение у мужа. Оказывается, он все эти годы Катю спасал!

— Катюша, давай поговорим. Давай начнём всё сначала. Что ты хочешь? Съездить

куда-нибудь? Шубу? Что там обычно женщины хотят?

За три года муж так и не смог узнать, что нравится Кате. Когда они перестали быть друзьями? Катя искала тех, с кем можно просто поговорить по душам. Сидя на кухне. Без запретных тем. Без стыда или наигранности. За простым ужином. Без вонючих сарделек и засаленной газеты на столе.

В параллельном мире был Коля, который хотел знать мнение Кати о каждом нюансе жизни, о каждой вещи на земле. О бесконечности, похожей на змею в отъезжающем трамвае. Коля впервые заговорил с Катей о ней самой. Много ли таких людей на свете?

Виктор начал предпринимать механические, никому не нужные действия. Комкал газету, задавал бесполезные вопросы. Требовал объяснений. Пинал разбросанные везде носки. Швырял газету в мусорку, затем доставал её и пытался разгладить. Затем хотел так же разгладить отношения с Катей.

Муж ушёл в спальню. Ему захотелось как-то обнулить этот вечер. А утром оно само должно рассосаться.

— Моё от меня не уйдёт, — пробормотал Виктор, погружаясь в сон. — Завтра она сама будет просить прощения. Посмотрим на неё.

А Катя долго сидела на кухне. Уходящее солнце скрывалось за крышами домов. Сумрак наступающей ночи шептал об одном: завтра будет новый день. И холод будет только снаружи — когда Катя выйдет из дома. И больше никогда туда не вернётся. Катя пойдёт к подруге, а от неё — позвонит математику. В субботу и воскресенье НИИ не работает — значит, они увидятся только в понедельник. Или раньше.

И это будет миллион солнечных дней — как в числе пи — знаков после запятой.

***

Потом были скитания Кати по разным квартирам, развод, долгие обсуждения на кухне с подругами и прочие атрибуты нового статуса разведённой женщины. Стихийно возникшие знакомые пытались отговорить от опрометчивого шага, мать Кати — выла по телефону из глубинки. Остальные либо прятали глаза, либо отгораживались дежурными фразами: мол, молодая ещё — у тебя обязательно всё будет. И тут же отворачивались, словно не веря собственным словам.

Через полгода Катя уже жила у математика. Расписались. Без периода — давай поживём вместе, посмотрим — подходим или нет. Без брачного договора. Без вопросов о прошлом, на которые трудно ответить.

Математик и Катя решили писать совместную жизнь сразу на чистовик. Иначе провозятся с черновиком и ничего не успеют. В жизни хоть и миллион дней, но важен каждый. Особенно когда рядом любимый человек. Это Катя давно поняла, а Коля — из наблюдений за числом пи.

В ЗАГСе математик на радостях не запомнил номер свидетельства о браке. Хотя числа сразу входили в его жизнь, если на них хоть раз посмотрит. Выпил немного шампанского — цифры исчезли из головы, змеи и трамвая не было. Были какие-то цветы, улыбка Кати и фата, от ветерка уходящая то в синус, то в косинус.

Раньше Коля думал, что жена — это что-то объёмное, облачённое в полинявший от времени халат, пропахший жареным салом и котлетами. Вечно недовольное существо: мало денег принёс, устаю, кошки опять подрали диван, надо ехать на дачу забирать маму. И это всю жизнь — в человекочасах, помноженных на два. Математик как-то посчитал, сколько это, и решил не связываться.

А через несколько лет встретил Катю.

— Коля, ты увлечённый. А за таким человеком стоит весь мир.

И выглядела Катя просто. И в этой простоте математик нашёл то же, что и в формулах. Бесконечность какую-то, продолженность. Как в числе пи. И миллион знаков после запятой...

***

Дверь в квартиру была приоткрыта, и Катя нырнула внутрь. На кухне горел свет. На столе — начатая бутылка водки, колбаса. И газетка под ними.

Математик смотрел в окно. Катя подкралась и обняла его сзади. Её не смутила необычная обстановка и Коля, растерянный, разглядывающий двор, осень и крыши домов. Если так происходит, значит так надо.

— Что делаешь?

— Ищу.

— Что именно?

— Число пи. Оно должно быть где-то рядом. Должно быть на что-то похоже в этом дворе.

— У тебя были гости?

— Да... Приходил он.

— Кто он?

— А от кого ты ушла ко мне?

Катя заметила, что математик злится. И Катя с интересом смотрела на это изменение.

Коле что-то не нравилось, и он не мог это решить.

— Пили вместе? — спросила Катя и, отстранившись от тёплого плеча супруга, тут же добавила: — Ты же не пьёшь...

— Не пью, но когда другому человеку плохо, не могу не помочь.

Катины глаза стали размером с блюдца, и она стала рядом и тоже смотрела в окно.

— То есть как — плохо? Что он тебе сказал?

— Много чего. Спрашивал ещё — что есть во мне такого, что ты ушла ко мне?

— А ты что?

— А я просто сказал, что у меня есть ты. Потому что я не знаю ответ, Катюша...

Коля говорил это с дерзостью. С напором, непривычным для математика НИИ, зависающего на полуслове в столовой. Коля выдавал слова, как пули. И каждая — должна был попасть в цель. И ни на сантиметр мимо.

Наверное, самое главная мужская сила — показать женщине, что она защищена. Не всегда от чего-то внешнего. Чаще — от собственного прошлого и ошибок.

И — не давая Кате опомниться, Коля продолжил — уже про будущее:

— Вчера купил тур в Диснейленд. Там аттракционы так похожи на змей, ещё они могут резко повернуться и быстро помчаться ввысь. По телевизору видел.

А про себя математик подумал: ведь если Катю посадить в такую змею, это ведь

получится Катя и число пи в одном целом! И миллион знаков после запятой...

***

Кате нужно было закрыть то, что закрываться не хотело. Её ждал разговор с бывшим мужем.

Каждый раз, когда Катя садилась ему писать, к ней подходил Коля и о чём-то спрашивал. Будто чувствовал, что на эти пятнадцать минут Катя будет опять в браке с Виктором. И будет несчастна эти пятнадцать минут.

Катя не представляла, как встретится с Виктором после работы где-то в кафе. Не было речи о возвращении в его квартиру — якобы в гости. Что это за гости такие, где один будет предъявлять претензии, а другая — молчать и смотреть онемевшего в ярости Виктора?

Помогла электронная почта. И командировка Коли в Новосибирск, на конференцию математиков со всей России.

И, выбрав время и внутренний настрой для письма, Катя создала новое сообщение:

Здравствуй, Витя!

Знаю, ты приходишь к нам. И задавал вопросы, на которые ни ты, ни Коля не знает ответа.

Наш брак с тобой исчерпал себя.

Ты изящно ухаживал, изящно читал стихи и всё делал изящно. Мне очень хотелось впустить эту изящность в свою жизнь. В мир, где всё серо и сыро, так нужно что-то блестящее. И ты прекрасно с этим справлялся, разбавляя моё студенчество надеждой, что впереди — яркое

будущее. Но оказалось, что уверенность в завтрашнем дне — это не про день, а про дно.

Твой университет готовил безработных с блестящим образованием. Нет ничего сложного, чтобы читать стихи и быть заводилой на вечеринках. Гораздо труднее — быть человеком, с которым не страшно жить.

Мне казалось, что если я приложу больше усилий, то мы обязательно будем счастливы. Но я ошибалась.

За годы нашего брака ты не предпринимал попыток жить лучше. Не прошёл ни одних курсов. Не искал связей, возможностей, скрытых талантов. Хотя знал, что я много работаю, чтобы нас содержать.

Знаешь, что сделал Коля, когда мы решили пожениться? Он посчитал, сколько денег нам будет нужно. Да, он математик, и цифры ему в радость. Нет, он не читает стихов, но и дома

не сидит. Сейчас он в Новосибирске на конференции. Взял новый проект. А ещё — мы скоро поедem в Диснейленд.

Не приходи к нам больше. Бесполезно гнаться за счастьем, которого не было. Или влезать в семью, которая счастлива. Надеюсь, однажды ты нас поймёшь.

К.

Катя пробежалась глазами по сообщению, и — убрав лишние запятые — нажала на кнопку «Отправить».

«Вы можете отменить отправку сообщения в течение 20 секунд», — говорила система. Обратный отсчёт тянул время брака с Виктором. И приближал бесконечность — без точек, ограниченности и с миллионом знаков после запятой...

Кроткий

Владислав Гранг

Как понять, когда начинается история? Вот мы сидим за столом, а вот ты лежишь на нем, думает Петр, пока вытирает уже третий раз пол на кухне, разбавляя красную палитру холодной водой и запахом хвои.

— Ты у меня такая глупышка, — говорит он своей жене и хмыкает носом. Затем бросает тряпку и присаживается за стол. — Столько проблем из-за тебя, а ты даже спасибо не скажешь.

Жена смотрит на него молча через плечо, боясь сказать чего лишнего, чтобы он не рассердился. За пятнадцать лет она его выучила, каждую его повадку.

— Инес, ну вот зачем ты порезала вены? Кому ты сделала лучше? — произнес Петр, пододвигаясь к жене. — Ты всегда думаешь только о себе. Ведь так? Можешь не отвечать, я это и без тебя знаю... Ладно, давай поедим. Ты голодна?

Петр замолкает и ждет ответа, но жена его упорно молчит, лежа на столе. Проходит минута, затем ещё одна. Его начинает раздражать её безучастность, и он помогает Инес подняться и сесть напротив него.

Свет попадает в комнату сквозь слегка раздвинутые портьерные шторы с тяжелой фактурой и придает Инес красок: её кожа зарумянилась, а волосы стали переливаться янтарем.

— Уже другое дело! — улыбается Петр. — Тебе только венка из черных роз не хватает.

В это мгновение лицо Инес немного наклонилось на левое плечо, будто бы в знак согласия.

Загремело радио.

И вот они снова сидят за столом. Молодые и глупые, одним словом, влюбленные. На кухне пахнет свежесваренным кофе и круассанами. Петру пришлось проснуться пораньше, чтобы сходить за ними в кафе. Он взял несколько на всякий случай. Ему хотелось сделать все правильно. Так, чтобы этот день запомнился навсегда. Как-никак первый совместный завтрак.

Петр ест медленно, все время поглядывая на Инес. На ней только его серая футболка. Ему льстит, как она улыбается, и он отвечает ей взаимностью.

— Мы ведь всегда будем вместе? — спрашивает он.

Инес сидит ровно, скрестив руки. С её лица исчезает улыбка. Она не спеша поднимается со стула, подходит к Петру и слегка приобнимает его.

— Конечно, — говорит она ему на ухо томным голосом, и холодный воздух, который сочится из её уст, пронзает Петра, заполняя его душу тревогой. Его глаза в этот момент напоминают глаза животного, на которого направлено дуло. Только вот перед ним любимая девушка, а не охотник или браконьер. И он отгоняет от себя эти мысли.

Петр целует Инес, запуская руки под блузку, и зажмуривается. А когда открывает глаза, перед ним сидит Инес и её копия, так разительно похожая на неё. Разделяет их только расстояние в пятнадцать лет.

Он подается вперед и разглядывает то одну, то другую: начиная от родинок на лице и заканчивая щиколотками, задерживая при этом взгляд дольше нужного на самых фактурных местах. Фантазии опережают его мысли. Петр легонько облизывается.

— У нас ведь сразу не задалось, да?

Они обе перешептываются между собой и кривят губы.

— Ладно уж, не скрывайте. Или не скрывай. Не знаю, как правильно. Говори, что думаешь. Молчишь? Тогда я скажу. С самого первого дня у меня был страх все испортить и потерять тебя. Каждый вечер я желал тебе спокойной ночи, а потом молился, чтобы следующий день прошел хорошо. На работе я стал шутком. Конечно, сам виноват, что растрепался про наши отношения, но хотелось кому-то выговориться.

Петр замолкает и допивает кофе. Потом продолжает:

— Я вот все думаю, почему ты так себя вела? Я ведь все делал для тебя. Чуть ли не пушинки сдувал. И все равно этого оказалось мало. Инес, ты всегда находила повод, чтобы обидеться. А самое главное — тебе постоянно хотелось сделать меня виноватым. Я молчал, копил в себе желчь. А это был только первый год наших отношений.

Он нервно гладит руками джинсы и смотрит вниз.

— Хотя нужно отдать тебе должное. Идея с психологом заслуживает уважения. Особенно когда он постоянно занимает твою сторону. Это было так унижительно. Раз за разом слушать, что я не прав и ставлю под угрозу

наши отношения. Хотя толика иронии в этом есть, ведь я этого боялся больше всего. Что еще забавнее, когда я пытался отстоять свое мнение, вы мне говорили, что попытка защититься — это способ проявить пассивную агрессию. С каждым сеансом мне становилось хуже, я начал сомневаться в себе и все больше думал о том, что любое мое слово может обидеть тебя и ранить. А раз так, то проще соглашаться с тобой во всем и молчать — и тогда в нашей семье будет счастье.

Инес и её копия переглядываются и синхронно отвечают:

— Ты нам нужен. Особенно сейчас.

— Может и так, но в какой-то момент все смешалось в кучу и оказалось вторичным. Твои прихоти и моя покорность. Алкоголь стал моим утешением. То, что начиналось с бутылочки нефильтрованного в неделю, быстро переросло до двух в день. И только тогда, когда на моих щеках поросла черная плесень, ты заметила неладное. Поздно спохватилась... Твои истерики — отдельное искусство, а кодирование — верх наслаждения. Ты добилась своего, но этого снова оказалось мало. Я вернулся на работу, появились новые проекты. Только вот потакать тебе во всем я уже не стал.

— Ты стал неблагодарным.

— А может быть, наконец-то обрел свой голос, — с ухмылкой произнес Петр. — Мы ведь уже близки к финалу, верно? Вы думаете, я не понимаю, что всё это нереально. Вас тут нет. Точнее, одной из вас. Но я все равно хочу пройти этот путь ещё раз. Пройти его вместе.

— Тогда чего ты ждешь? Произнеси это вслух.

— Ты во всем виновата. А не я. Ты все испортила!

— А сейчас ты снова убежишь и хлопнешь дверью?

Петр растерянно хватается ртом воздух и замечает, что осталась одна Инес. Копия исчезла также неожиданно, как и появилась. Его жена сидит за столом неподвижно: голова наклонена, а тело застыло.

Он вспоминает, как несколько часов назад обнаружил её в ванной. Инес была уже мертва, когда Петр перенес её на кухню.

В испуге он отшатывается и падает со стула. Вздрагивает. Потом окидывает жену взглядом и кротко произносит:

— Тебя надо похоронить по-человечески, любимая.

Рецензия критика Валерии Пустовой:

Мне очень понравился рассказ. Он яркий и притом немногословный, что делает его ещё более ярким, эффективным в восприятии читателя. Интересно, что автор описывает статичные сцены, вводит разговоры, воспоминания. Но ощущение — будто сюжет насыщен и несётся на большой скорости. Это благодаря тому, что автор часто меняет смысл того, что мы видим. И едва мы успеваем привыкнуть к одной трактовке, как возникает новая.

Например, герой говорит с женой — но она на столе и молчит, детали подсвечивают сцену мрачно, в молчании жены проступает что-то жуткое. Или завтрак, объятие — но герой встревожен, а слова жены пахнут холодом, и она в сцене завтрака выглядит не более живой, чем в сцене первой. И снова перемена: автор вводит фантастическую условность, героиня словно раздваивается, это её «тогда» и «сейчас». Но двоение выглядит не метафоричным, а жутко буквальным: обе говорят вместе, герой обращается к ним как к двум.

Я беспокоилась, что воспоминания в речи героя сделают рассказ затянутым, скучным. Но нет. Автор создал образ отношений довольно

мало конкретный — но герой описывает отношения в самых болезненных точках, упирая на то, что его уязвило, и это сочетание болезненности и общности описания сильно действует на воображение читателя. В речи героя есть свои сюрпризы. Мне понравилось про психолога: герой ради любимой согласился на терапию у психолога, но попал в ловушку манипуляции.

Финал мне кажется очень удачным. Тем, что в нем нет победы одной из сторон. Герой разоблачает призрака в своем сознании, говоря, что два образа перед ним — фантом. Но призрак и сам разоблачает героя, с иронией предугадывая его привычную эмоциональную реакцию на ссору. Ещё очень интересно, что автор ушел от идеи сделать героя убийцей. Получилось, что страдал, выпивал и лечился герой. Но покончила с собой — героиня. Это крайне интересный и резкий поворот, и финал получается очень сильным за счёт этой неожиданности.

Небольшие замечания. Автор удачно убрал прямой намек на смерть героини в первой сцене. Но я предложила бы убрать и имитацию ее живости: «боясь сказать чего лишнего, чтобы он не рассердился». Это нарушает иллюзию. И последняя фраза рассказа — реплика героя про «надо похоронить» — очень лишняя. Делает рассказ более однозначным и плоским. А ведь он получился очень интересным! Лучше убрать эту фразу, на мой взгляд.»

Комментарий писателя Романа Сенчина:

«Не буду лукавить, ободрять автора — рассказ слабый. И тема многократно поднималась и в литературе, и в кинематографе, и прием — разговор с мертвым человеком, и написано плохо. Герой явный штамп. Эдакий обиженный психопат из американских фильмов. Лексикон соответствующий — «толика иронии», «свою идентичность»... Не буду приводить примеры стилистических ошибок и огрехов. Почти весь текст из них состоит. Могу дать автору единственный совет — больше читать. Лучше

сейчас рассказы русских писателей. Чехов,
Бунин, Паустовский, Шукшин, Юрий Казаков.
Волей-неволей автор будет им подражать, а

потом наверняка найдет свой голос, свои
темы, сюжеты.»

Кхмерская осень

Алексей Жихаревич

*Пустая ледяная бездна,
Лишь только звёзд холодных огоньки.
Где гуманоиды?
Пока что неизвестно.
Они, надеюсь, от России далеки.*

К. Лапицкий, из юношеской лирики

Осенний лес облепляет тебя, как вода — выныривая на дорогу, отряхиваешь, словно капли, паутинки, иголки, веточки. Отвлёкшись на это неторопливое занятие, я вздрогнул, заметив краем глаза движение — сразу вспомнились рассказы о том, что в окрестностях бродит медведь. Но выплывшая из матовой дымки за поворотом фигура была вполне гуманоидных очертаний и звуки издавала членораздельные:

— Здорово. Это ж на Горюшку дорога? А то я тут это. Заблудивши маленько. Не был давно.

Я начал было отвечать, что дальше не проедешь, разворачиваться надо, но тут он, всматриваясь в меня, перебил:

— Это ты, что ль?

— Это — я! — уверенно отвечал я, ибо в чем же ещё можно быть уверенным.

— Ну, привет! Узнал? — Присмотревшись, я действительно узнал его. Пашка Потов из Осташей. Или Петька — они были близнецы. В детстве, когда я приезжал на лето к бабушке,

мы болтались по деревне в одной компании. Маленький, иззелена-бледный, лысый, скулы торчат, глаза огромные, чёрные. И усы. Раньше на месте этих усов, под носом, где проходит складочка, у них с братом была красная корка, похожая на жвала какого-то насекомого, нередко украшенная ярко-зелёной соплёй.

Пашку с Петькой в деревне звали Братики, в честь того, что они близнецы, или Инопланетянчики, в честь отца, Юры-Инопланетяна, который однажды заснул за рулём своего «Кировца» и нарезал в совхозном поле несколько загадочных кругов. Одинаково стриженные, одинаково сопливые, одинаково одетые, Братики всюду были вместе, во всех играх на одной стороне, и в школе сидели за одной партой. К новым знаниям, впрочем, большой тяги они не испытывали; как-то раз — они были, наверное, классе в четвёртом, а я чуть постарше, мы сидели на холме, ожидая, когда пригонят стадо, чтобы развести коров и овец по домам, — я упомянул о том, что Земля вертится вокруг Солнца. Этот факт оказался совершенно им неизвестен. В чёрных спортивных костюмчиках, сопя носами, словно пара маленьких Дарт Вейдеров, они стояли по пояс в зелёной траве, исподлобья глядя на меня — городского, чужака, — и, казалось, угрожающе шевелили своими жвалами. Но тут подошёл дядя Толя и ляпнул в своей манере: «Ну что надулись, красные кхмеры? Брат-один, брат-два», а потом и коровы пришли, и все разбрелись по сторонам, заполошно крича свои «Роза!», «Астра!», «Долли-долли», «Чернушк!».

— Ты чего тут? В грибы? Давай подвезу. Развернись только. Поехали? — Он махнул рукой с брелоком, за деревьями замигала огоньками какая-то приплюснутая посуда, и послышалась приглушённая космическая

музыка. Но, пока он шёл туда, заводился и искал место для разворота, я отчего-то решил, что не буду с ним связываться, свернул обратно в лес и побрёл по зелёному мху, усеянному, точно небо звёздами, жёлтыми листочками берёз, размышляя о том, что, может, Братики и правда инопланетяне, и пока я учился, женился и работал в городе, они улетали на свою планету Эпсилон. Отчего бы инопланетянам не быть похожими на людей, по крайней мере, внешне? Что до разума — тут ведь мы и сами все друг другу инопланетяне, невозможно же сказать, видим ли мы то же самое, думаем ли об одном, когда произносим одни и те же слова. В сущности, нет никакого способа это проверить — так что все мы неявно принимаем мысль о том, что если кто-то, похожий на нас, ведёт себя так же, как мы, то он — разумный, он — человек.

Вернувшись домой, я рассказал об этой встрече и узнал, что Инопланетянки как-то осенью пили с одним мужичком у него в бане и не сошлись во мнениях — о политике, о религии, о чём еще спорят в бане осенней ночью, когда деревню окутывает космическая тьма? В общем, не поняли друг друга и вышли на контакт иной степени — забили хозяина до смерти. Били, потом водой отливали и снова били — пострашней, чем в дантовском аду. Десять лет назад это было, по десятке им и дали.

Вот только что странно: в деревне с тех пор никто, кроме меня, Братиков не видел. А я всё пытаюсь вспомнить — когда я вышел на дорогу, были там следы от машины? Или не было?

Письма из рая

Анна Шабес

Наша первая встреча произошла в декабре 1971-го, в последнюю неделю года. Я ютился вместе с остальными на террасе аэропорта. Терраса, она же зал ожидания, она же хижина без стен с двумя рядами монолитных бетонных лавок, укрывала нас от проливного тяжёлого дождя. Капли, огромные настолько, что их можно было бы сосчитать, с громким шелестом летели с крыши на бетонное основание террасы. Народу, как и каждый понедельник, было битком. При любой возможности люди спешили посмотреть на взлёт или посадку — одно из немногих развлечений нашей деревни. В тот день большей частью зрителей были школьники, которые так же, как и я, приехали домой на новогодние каникулы. Они галдели, задирали друг друга, а некоторые даже умудрялись носиться вокруг лавок, оставаясь при этом под крышей так, что капли чиркали лишь по коротким рукавам их рубашек. Я же стоял, будто ещё один брус для подпорки крыши, не хотел испортить свой внешний вид и сладостно предвкушал момент, когда их лица вытянутся от зависти и недоумения. К нам в год приезжало еле-еле до ста иностранцев, а таких, как этот, которые не были ни репортёрами, ни работниками для обмена опытом, ни исследователями, а были обыкновенными туристами, и вовсе набиралось не больше пяти. Я подставил под дождь собранную лодочкой ладонь и почувствовал приятную прохладу капель. Меня разбирало любопытство. Почему он выбрал нас? Мы жили в одном из немногих домов на противоположном конце острова, у нас не было ни автомобиля, ни лодки, ни даже мотоцикла. Ему предстояло спать с нами в одной комнате, опять-таки без стен, которая днём являлась чем-то вроде гостиной, а ночью, когда мы расстилали на плетёном полу матрасы, превращалась в спальню. Он мог позволить себе нанять любой транспорт и спать по меньшей мере в одиночку, но он

выбрал нас. Ладонь наполнилась, и вода начала просачиваться сквозь пальцы. Я быстро поднёс руку ко рту и со свистом втянул воду.

Я взгляделся в серую дымку, туда, откуда должен был появиться самолёт, и в сотый раз представил, каким он будет, мой личный турист. Я знал только, что он американец. Чаще всего он виделся мне в костюме-тройке, желательно белом, в белой шляпе и с тростью, лучше, конечно, с секретом, которую я в самых смелых своих фантазиях получал в качестве подарка. Такой причудливый образ был навеян книгой «Приключения Шерлока Холмса», которую мне прислал Таламони, мой старший брат, в честь своего выпуска из полицейской академии Фиджи. Я хранил книгу в школе, подальше от отца. У нас дома, как и у большинства семей на островах, была только одна книга — Библия. Отец считал, что всё остальное только забивает головы детям белибердой и отвлекает от учёбы. Вечерами под шёпот океана, от которого меня отделяло два-три ряда кокосовых пальм, я читал в опасной близости от свечи про ловких, сильных, смелых джентльменов и мечтал встретиться с кем-нибудь, подобным им. Кем бы ни оказался мой личный турист, я уже был счастлив. В его присутствии, целую неделю, включая Новый год, отец не станет меня бить.

Мистер Скай вышел из самолёта последним. К тому времени дождь уже стих, воздух стал прозрачным, и мистер Скай шёл не спеша, осматриваясь. Узнать его было нетрудно, он был единственным белым пассажиром. В качестве багажа у него была небольшая дорожная сумка из коричневой кожи со стёртыми углами и трещинками и перекинутый через плечо похожего вида офицерский планшет. Он обвёл взглядом террасу, глянул на рыжую надпись

«Международный аэропорт Фунафути» на длинной белой табличке на крыше, обернулся посмотреть на самолёт и на взлётно-посадочную полосу и только потом стал искать меня глазами.

— Добро пожаловать на острова Эллис, мистер Скай! — как можно более дружелюбно отчеканил я, когда мы оказались на расстоянии, достаточном для рукопожатия. Я было дёрнул руку вперёд, но, засомневавшись, согнул её, показав ему открытую ладонь и помахав ею в знак приветствия, как девчонка. — Меня зовут Кеола.

Видимо, уловив суть происходящего, он усмехнулся, как добрый учитель, глядя на озадаченного ученика, и протянул мне руку:

— Спасибо, сынок! Зови меня Адам.

По его крепкому, уверенному рукопожатию я понял, что он никогда не давал спуску обидчикам. Добавь он ещё силы, и моя кисть сложилась бы крабьей клешнёй. Он был гладко выбрит, на нём, несмотря на тридцатиградусную жару и высокую влажность, были брюки и застёгнутая на все пуговицы рубашка. Он внимательно, изучающе, так же, как осматривал террасу и взлётно-посадочную полосу, одновременно словно видит всё это впервые и словно знает тут каждый метр, посмотрел на меня, и, прежде чем мне стало не по себе, произнёс: «Ну, что сынок, показывай, как вы тут поживаете».

И я показал.

По утрам мы ловили рыбу в лагуне с каноэ с балансиром, которое, со слов Адама, выглядело хрупким, как птичье крыло. Или смотрели, как дядюшка Номе, взобравшись на кокосовую пальму по прибитым к стволу ступенькам, меняет наполненную соком бутылку на пустую, и затем, спустившись, разливает собранный сок по кокосовым скорлупкам, чтобы через пару дней брожения получить кислый кокосовый пунш Као. Днём мы обычно плавали в лагуне. Адам наравне со мной раз за разом нырял, чтобы рассмотреть

под водой ярких цветных рыбок и морских черепах. Поначалу я волновался, и когда я перед очередным нырком замешкался, Адам, как и в аэропорту в первый день, прочитав мои мысли, улыбнулся и твёрдым голосом произнёс: «Ты не смотри, что голова у меня седая, я ещё на что-нибудь стожусь». Однажды мы даже выкуривали из земляной норы пальмового вора. Его огромное тело фиолетового цвета, переходящего в голубой на мощных клешнях, настолько восхитило Адама, что он остановил меня, когда я собирался расколоть ножом защитный покров. Пришлось отпустить счастливчика. Несколько раз мы приходили на взлётно-посадочную полосу. Я рассказал Адаму, что её построили американцы во время Второй мировой войны, чтобы обеспечить возможность своим эскадрильям бомбардировщиков атаковать японские базы в Микронезии. После войны полоса вдобавок к своему основному назначению стала служить чем-то вроде культурного центра. По вечерам туда стекались люди: дети играли в футбол и в догонялки, взрослые обменивались последними новостями и пропускали по стаканчику пива или Као. По утрам каждую среду на полосе разворачивался рынок, а в праздничные дни она превращалась в место массовых гуляний. О том, что американцы построили аэропорт на том самом месте, где раньше располагались плантации пулаки и сады, выращенные поколениями местных садовников, а также о том, что американским инженерам потребовалось переместить тонны земли из других мест острова, образовав так называемые «ямы займа», я умолчал. Ямы до сих пор не были засыпаны и оставались непригодными для сельского хозяйства.

Больше всего мне нравились моменты, когда мы с Адамом просто сидели на нежном белом песке или на деревянной пристани, сколоченной из разных по размеру и качеству досок. Мы смотрели на океан, который где-то в недостижимом для человека месте сливался с небом, или на островки на другой стороне лагуны, которые, казалось, парили над зеркально-гладкой поверхностью воды, и разговаривали. Адам расспрашивал меня о моих друзьях, о том, каково это — учиться в школе на другом острове, о том, что я люблю делать в свободное время и что терпеть не могу делать по дому. Никто из взрослых до этого никогда не разговаривал со мной так долго, не интересовался моими мыслями и

чувствами. Я был совершенно очарован им, я был покорён. Во время одного из таких разговоров Адам спросил меня о планах на будущее. Было уже за полночь. Мы незаметно покинули новогоднее торжество, прихватив по бутылке пива и миску с варёными крабами. Мы сидели на тёплом песке, в полумраке западный ветер играл с океаном, превращая его ближе к берегу в пенное кокосовое молоко.

— Этим летом я хочу поступить в полицейскую академию Фиджи вслед за братом, — сказал я.

— Если ты тоже уедешь, то в семье из мужчин останется только твой отец и пятилетний малыш Галуола.

Я уставился на крупные малиновые и белые цветы плюмерии на чёрной сулу, традиционной юбке, купленной Адамом два дня назад на рынке, в которую он облачился в честь праздника. Я хотел сказать, что мне плевать, что я мечтаю об отъезде, что мне осточертела жизнь с отцом и что раз уж ему хватает сил колотить меня, то хватит сил и на обеспечение семьи. Но вслух я сказал лишь:

— Всё равно меня ещё долго тут никто не станет слушать.

Я засмеялся и объяснил Адаму, что важные для островов решения принимали церковь и общественный совет старейшин, в котором позволялось высказывать мнение только тем, кому уже исполнилось сорок лет. Адам понимающе кивнул, сделал длинный глоток и ровным голосом спросил:

— Марао ведь не твоя родная мать? Она более внимательна к младшим детям, и ты называешь её по имени.

— Моя мать... — Я редко произносил эту фразу вслух, и каждый раз это давалось мне с большим трудом. — Моя мать умерла при родах. — Я сделал большой глоток, чтобы унять сердцебиение и не заплакать.

Разговор становился тягостным, и я начал злиться. Что это вообще за вопросы такие в новогоднюю ночь? Я невольно лёг на спину, словно решив, что исчезни я из поля зрения Адама, он не станет больше ничего об этом спрашивать. Я закрыл глаза и прислушался к баюкающим звукам океана. Гул, переходящий в шёпот. Гул, шёпот. Г-у-у-у-у, ш-ш-ш-ш-ш. У-у-у-у-у, ш-ш-ш-ш-ш.

— Ты очень на неё похож, — слышался сверху мягкий голос Адама.

— Да-а-а, бабушка так и говорит, когда я делаю что-то вопреки её воле: «Ты как твоя мать! Один в один!» — Я довольно хмыкнул. — Погодите... Откуда вы знаете? Вы же не...

Я быстро сел и оторопело уставился на Адама.

— В октябре 42-го я прибыл на Фунафути в составе строительного батальона ВМС США, — сказал он.

Я вскочил, как если бы волна накатила так сильно, что достала бы до нас. Я знал, что моя мать обманом осталась на острове, когда большую часть местного населения эвакуировали, чтобы разместить около тысячи американских военных. Больше ничего ни мне, ни кому-либо другому в семье не было известно об этом периоде её жизни. Я стал ходить туда-сюда, мысли заметались у меня в голове. Он сам построил и аэропорт, и бункер на Тепуке, он знает про остров, да что там, про страну не меньше меня. А я ведь как дурак подбираю слова. И это я ещё ему не рассказывал, что его батальон для аэродромов на Нукуфетау и Нанумеа утрамбовал землю так, что там до сих пор бедная почва, и местные никак не восстановят двадцать две тысячи кокосовых пальм, которые были вырублены для строительства! Я тоже хорош — так увлёкся его интересом к себе, что сам особо про его жизнь и не спрашивал. Сердце снова зашло, на глаза предательски навернулись слёзы. Я чувствовал себя обманутым. Впервые в жизни я доверился взрослому, а он оказался не тем, за кого себя выдавал. Я остановился перед Адамом и выкрикнул:

— Почему вы сразу не сказали? Зачем было нужно это представление?

— Прости. И позволь объяснить. — Адам сделал паузу, жестом предлагая мне сесть.

Я остался стоять, скрестив руки на груди.

— Твоя бабушка права — характер один на двоих. — Он широко и радостно улыбнулся. — Я хотел встретиться с островом один на один. Знай бы ты, кто я, и это была бы совсем другая история. Твой отец вряд ли бы позволил бы мне проводить с тобой время и уж тем более не позволил бы жить в вашем доме. Я хотел познакомиться с тобой, прежде чем...

— Прежде чем? — нетерпеливо перебил я. Я был всё ещё зол, но в глубине души я отчаянно желал, чтобы он убедил меня в правильности своего поступка. За какие-то пять дней я успел привязаться к нему, как к доброму любящему отцу, которого у меня никогда не было. Я не хотел, не мог его потерять.

— Прежде чем сказать тебе, что я её любил. — Адам пытливо посмотрел на меня, затем продолжил: — Я влюбился в твою маму, как мальчишка, с первого взгляда в её глаза, бездонные и таинственно притягательные, как звёздное небо над океаном. Ты уже влюблялся? Ну ничего, поймёшь, значит, потом. Она знала, что я старше её на восемнадцать лет, что в Чикаго меня ждёт жена и двое детей, и всё равно выбрала меня. Я не смог устоять, шла война. Нет, меня это не оправдывает. И всё же война — это особое время. Вернее сказать, безвременье. Каждый день, каждая минута может стать последней.

Вот почему он выбрал нас. Я сел на своё прежнее место, обессиленный, и сделал несколько мелких глотков.

— Почему вы вернулись? Почему именно сейчас? — негромко спросил я.

— Я так и не смог её забыть. Конечно, жизнь шла своим чередом, и я уже счастливый дедушка. Но всякий раз, когда я видел цветы в волосах других женщин, вдыхал аромат кокоса или маракуйи, слышал мотивы полинезийских напевов, я мысленно возвращался сюда, к ней. Полгода назад в Чикаго я случайно столкнулся со старым сослуживцем, который после войны много лет жил то в Новой Зеландии, то в Австралии, то на Фиджи. Он мне поведал вашу трагическую историю. Тогда я решился приехать. Я больше никого не обманываю, не рискую разрушить судьбы других людей. Это снова только я, она и остров.

Мы проговорили до рассвета. Пивные бутылки опустели, от крабов осталась лишь горстка клешней и ошметки от панцирей. Я хотел знать как можно больше про тот год, который Адам провёл здесь, рядом с моей мамой. Отец почти не говорил о ней. Их брак был основан скорее на земельных отношениях, чем на чувствах. Бабушка на мои вопросы обычно отвечала коротко, а сама упоминала маму, только когда задавала мне взбучку, как будто так и не простила ей её раннюю смерть.

Через два дня Адам улетел. Я смотрел вслед быстро удаляющемуся самолёту и плакал. Перед посадкой Адам вручил мне перевязанный бечёвкой прямоугольный свёрток в грубой почтовой бумаге. Мамины письма. Она писала их Адаму после того, как его батальон покинул Фунафути, и вплоть до декабря 45-го, когда она отправила последнее письмо, в котором сообщала, что выходит замуж за моего отца. Внушительная стопка листов, наполненных её волнениями, её радостями, её болью, её любовью. Она в каждой букве, в каждом рисуночке на полях. Адам подарил мне образ счастливой мамы, любимой и любящей, той мамы, которую я никогда не знал и в которой так нуждался. Теперь я мог встретиться с ней без посредников. И я бесконечно благодарен ему за это.

Спустя месяц после отъезда Адама я получил большой увесистый конверт. Надпись на конверте гласила: «Моему юному другу из рая», внутри я с ликованием обнаружил «Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе».

**Комментарий писателя Романа
Сенчина:**

«Тема интересная, история — тоже. И необычная, и в то же время жизненная. Экзотика присутствует, но не давит, не застигает содержание. Подобное ведь могло произойти в любой точке мира, с любимыми людьми. Хоть в Европе, хоть в Сибири, хоть где-нибудь в Судане... Написано неплохо.»

Рецензия критика Валерии Пустовой:

«Мне понравился рассказ, он вышел теплым, детальным, ярким. Образ нездешней жизни автору очень удался. И это особенно ценно в свете перевертыша «здесь» и «не здесь» в рассказе: ведь мы смотрим на происходящее изнутри нездешней жизни. Гость из понятного нам мира цивилизации тут воспринимается чужим, непонятным, его нужно разгадать. Тогда как житель нездешнего мира убедительно показывает экзотические детали как вполне рутинные, составляющие ткань жизни. Экзотический мир получился обыденным, близким, мы успеваем в нем обжиться. И все благодаря многочисленным точным деталям — начиная с совсем непривычного для нас образа хижины-аэропорта.

Интригует и сюжет. Нельзя назвать его оригинальным. И в то же время он вызывает сочувствие. Брошенный ребенок находит своего отца, прикидывается к памяти о матери. В то же время есть в рассказе и какая-то недостроенность. Пожалуй, дело в финале. Финал я бы еще раз предложила продумать. Он получился, на мой взгляд, слишком спрямленным, искусственным. Получается, приехал гость из цивилизации. Ничем не

помог толком. Наоборот, даже еще и подначил героя: мол, как это ты учишься поедешь — на кого бросишь семью? По сути герой остался пленником токсичного отца, заложником своего сиротства. Но автор подсвечивает это прямыми высказываниями рассказчика, показывающими, что, напротив, встреча с отцом на него повлияла очень благотворно, вся боль ушла, все решилось, все отныне окей. Ведь у него теперь есть образ мамы — а отец подарил ему книги о Шерлоке Холмсе. Мне кажется, вот эта подсветка излишняя. Итог рассказа не может быть столь прямолинейным. Автор словно навязывает нам мысль: пусть сирота, пусть у неуравновешенного родителя, пусть заложник семьи — но ведь родные души отыскал, этого достаточно. Получается, автор идет на заглаживание ситуации. А лучше идти на обострение.

И книги о Холмсе если и должны появиться с финале — то в свете неожиданным, например, издевательском. Все, что сделал для героя отец — прислал бесполезные книги. Порушил мечту вырваться в цивилизацию — и книги, как подачку, прислал. Не обязательно так. Я привожу лишь один из вариантов. Финалу лучше быть неожиданным, проливающим новый свет на рассказ, заостряющим проблему. В таком финале и экологическая линия рассказа прозвучала бы уместно. Сейчас она выглядит лишней, она сюжету не пригодилась. А если бы отец оказался обманкой, знаком, что новая жизнь закрыта для героя — тогда экологические проблемы могли бы стать углубляющим контекстом для истории героя. Отец пришел, чтобы оставить неисправимый след. Отец повел себя не экологично с героем. Вот такая тут может быть мысль. Но ее можно провести только через неоднозначность финала. А неоднозначность требует не рассуждений о том, как герою стало хорошо после встречи, — а новых образов, которые помогли бы нам почувствовать, что для героя после встречи с отцом все только усложнилось и обострилось.»

Пламя и спасение на воде

Ксения Панарина

По утрам он стал замечать, что просыпается с пересохшими губами. И ведь не наступил еще отопительный сезон, так что на батареи тут грешить было нечего.

И не только от этого внутри него засело беспокойство.

Так, ему вообще нравилось по утрам, в конце лета и осенью, приходиться пораньше, часам к восьми. В парке обычно пахло влажными листьями, немного травой. Так легко дышится, когда воздух только начинает прогреваться, когда день обещает быть солнечным. Когда так дышится, то и думается проще, есть ясность, зоркость — а это очень важно, особенно в патрулировании, не говоря уже о спасении утопающих.

Ему бы хотелось думать только о работе. А не заниматься расследованиями.

Но вот, сегодня снова, 25 сентября, утро, светло, небо чистое-чистое. А во рту опять этот привкус. Гари. Он немного пожевал губами. Потом, обведя взглядом зеркало Нижнего пруда и насчитав пару-тройку уток, поковырял ногтем корочку в углу рта, зевнул, потянулся — молодое тело с утра застывает почище старого. Горло чесалось, пахло, совершенно отчетливо, костром.

Но дыма не было видно. И вот так уже пятый или шестой раз. Еще недели три назад ему от этого запаха стало не по себе — вроде как каникулы кончились, дети по школам, родители по работам. Да и справедливости ради в Царицыно костры и шашлыки не то что не приняты — совсем запрещены.

Он продолжал обход. От дамбы, вдоль края берега, считал уток, поглядывал в воду.

2 сентября он впервые достал из воды обгоревшего медвежонка. Маленького, с синтетическим изначально мехом. Он был весь обуглившийся, в воде раскисший, совсем черный, с белыми пятнами пришитых пуговок-глаз. Через день, когда он снова заступил на смену — достал прямо у станции МПСС резинового утенка. Тот весь оплавился, клюв с опущенными уголками — гримаса боли. Через каждые пару дней — новая находка. Гоночная машинка, маленькая коляска для куклы, в другой раз, собственно, кукла. Точнее, тело, 90% ожогов, шарики глаз закатились, пружинки белых волос завились черными фитильками.

И один почерк — ровно, со всех сторон оплавленная, опаленная, обожженная вещь. Детская.

И он стал немного наблюдать за детьми, которые заходили в парк. Некоторые бывали часто: с мамами, папами, нянями, бабушками. Бегали и шлепались в лужи, ныли и требовали телефон, смеялись с подружками, хихикая, прячась от взрослых, подсыпая птицам семян в кормушки. Они искали яблоки в листьях, считали фонари и отказывались позировать мамам «на фоне домика, а вот еще вот так, и давай, возьми листочек, ну давай, красиво». Некоторые появлялись с группой, с учительницей, и потом укатывались на автобусах или машинах. Десятки, сотни шапочек, курток, жилеток, ветровок, фиолетовых, зеленых, каких только не было цветов.

Девочку в голубом пальто он почему-то выделил особенно. Она одним утром стояла на мостике, на дамбе, и крутила в руках большой желтый кленовый лист. Все — туристы, родители с детишками, — шли и шли потоком, а она стояла почти неподвижно. И смотрела — взглядом «за тысячу ярдов», куда-то за деревья, в сторону дворца. Даже с берега ниже от моста ему были видны ее прозрачные глаза, отблёскивающие льдинками. Ее пальто было не по возрасту и не по времени — старомодное, собранное с боков и, по-видимому, на спине, на плечах эполетки. Из плотного материала. И волосы у нее были собраны заколкой-бантом на макушке.

Сегодня ему показалось, что снова она мелькнула у главного входа, но людей было много, и отследить не удалось.

После обеда он решил пройтись по парку перед концом смены. Но рабочая закалка сказывалась: он пробегал взглядом по краю берега и дальше, по глади воды.

У ивы за кафешкой на берегу галдели утки.

Он подошел ближе: они стояли кругом, закидывали головы, опускали к земле, били крыльями. Тихо подступая, он разглядел — посреди круга лежал утенок. Кажется, мертвый. Он достал из кармана пакет, приготовленный на такие случаи. Нагнулся, чтобы подобрать рукой в перчатке птичье тельце. Оно было черное, просвечивала немного алая кожа. Большие утки, видимо, вытолкали его из воды, думали спасти. Но конечно же, было поздно.

Он бережно положил тельце в пакет, завернул, для верности еще подложив из другого кармана запасные перчатки. Решил подробнее изучить птицу чуть позже. Возможно, даже позвонить Кате, знакомой, ветеринару.

Он снял перчатки, сунул в другой карман и вытер о ткань влажные руки. Подняв голову, справа на дорожке, уходящей в сторону дворца, увидел девочку.

Они шли метрах в двадцати. Та, в смешной, вязаной с кружевом, шапочке и своем длинном, старомодном голубом пальто тянула за руку вторую, в розовой куртке с большой бабочкой на спине.

— А ты во второй класс пошла в этом году? А я вот в третий.

И голос еще, вкрадчивый — удивительно, но ему было отчетливо слышно каждое ею сказанное слово. Что ответила розовая девочка, расслышать не вышло, но что-то лепетала про птиц и кормушки.

Он подумал: а ведь в парке очень простые, самые обычные птицы. Такие, для самых маленьких, очень понятные.

Девочка в голубом, напротив, была совсем непонятная. И птицы сегодня — вот, мертвые.

Она шла небыстро, держа спину ровно, слегка царственно даже, разворачивая голову к спутнице, то и дело аккуратно опускала свободную руку в карман. Подержит и снова достанет.

Только у большого дворца он заметил, что уже несколько минут идет за ними, держась чуть поодаль. Постепенно они вот так, группой, углублялись в тень аллеи, уходящей в юго-восточную часть парка, людей вокруг становилось меньше.

Ему приходилось то замедлять шаг, то как бы случайно заходить за деревья, то поднимать голову, будто всматриваясь в кроны кленов.

Чтобы не пугать, не спугнуть, точнее.

Они приблизились к гроту, немного не дошли. Остановились. Девочка в голубом пальто дернула за руку подружку с бабочкой.

Стоп.

У него пересохли губы так, что слиплись, и заслезились глаза, пришлось часто поморгать, чтобы было виднее — что там.

А потом девочка в голубом вытянула левую руку — в направлении ближайшего дерева.

Под деревом он заметил маленькое движение — белка.

А секундой спустя — писк: пронзительный, маленький-звериный, отчаянный. Белка горела крошечным огненным шаром, пытаясь забраться, спастись, взбежать на ствол. Девочка в голубом не опускала руки.

А её подружка в розовом, оказалось, успела достать телефон.

Она снимала и смеялась.

Он почувствовал, что его сейчас вырвет, отступая за ближайший куст ореха, случайно сжал комок с птенцом в кармане. Развернулся и побежал, было все равно, заметили его или продолжили свои странные, странные дела.

Добегая до станции МПСС Царицыно, он заметил, что людей стало совсем мало, и как будто собирался дождь. Даже не дождь — гроза, где-то за лесом грохотнуло.

У него раскалывалась голова, срочно хотелось лечь, закрыть глаза и немного отдышаться.

Он распахнул двери домика, потом комнаты отдыха спасателей и бухнулся на кушетку, на ходу спуская лямки комбинезона. Зарылся в теплое одеяло для отогрева пострадавших, пытаясь утихомирить сердце и дыхание. Горло саднило, в носу, во рту, как будто повсюду этот запах — паленой шерсти и кожи. Обхватив себя за живот, он скрючился на боку и зажмурился. Крепко-крепко. И, кажется, задремал.

Не прошло минут пяти, десяти, за окном уже бушевала гроза. Он отчетливо слышал, как сухим треском били молнии, как гулко ухало эхом ударов грома. Как мелкой дробью барабанил по крыше осенний тяжелый дождь. Гул не стихал. Он еще в детстве находил успокоение в грозах. Когда ты внутри, тебе тепло, сухо, безопасно — а там, снаружи, хоть потоп.

Потоп? Или...

Запах гари усиливался. За стенками гудело. Ревело.

Пока он шел к дверям станции, чтобы посмотреть, что творится в парке, он думал. А если все-таки гроза. И те девочки остались в глубине, под деревьями, а что, если молния? Конечно, он спасатель на воде, но спасатель — в конце концов.

Он открыл дверь.

И в широко открытых глазах его отразилось алое, золотое, жаркое зарево. Парк полыхал. Горело все: деревья, трава, листва, деревья гнулись, ломали иссыхающие ветки. Под сизым небом стояла стена пожара.

На другом берегу озера, на мосту над дамбой. Темно-лиловая маленькая фигурка. В старомодном пальто с широкими рукавами. Руки триумфально раскинуты.

Он слышал ее смех. Глазам стало нестерпимо больно от контраста темно-синего и жаркого золотого. Он упал на колени, поплыл, в глазах задвоилось. Две девочки. Кажется, они взяли за руки и пошли с моста в сторону парковых ворот...

Он проснулся около пяти утра на холодной земле под серым небом. Ему снился летний, теплый сон.

Встав, он отряхнул штанины комбинезона, проверил карманы и медленно

пошел к метро, которое должно было быть уже
открыто. За спиной он оставлял пепелище

трижды проклятого парка, усадебного
ансамбля Царицыно.

Стежки

Дарья Оверникова

Теперь Халибс уходил на запад, к холмам — от запертых комнат, развёрнутых к стене фотографий, надоевшего за годы работы моря. Лёгкие горели, сапоги скользили по траве, но с каждой неделей получалось зайти дальше. Холм с сосной он обнаружил через месяц.

Под деревом на покрывале сидела, накинув на плечи куртку, женщина с короткими седыми волосами. Халибс застыл, тяжело дыша. Она писала — рука так и носилась над блокнотом.

— Можете присесть, — сказала она. — Я вас не обижу. Наверное.

Халибс сел осторожно, будто на лотосовый лист. Она продолжила писать.

— Как вас зовут? — спросила она на третий день.

От привычки к молчанию слова застревали в горле каштановой скорлупой. Он откашлялся.

— Халибс.

Женщина одними губами повторила имя.

— Приятно познакомиться. Зовите меня Ирга. Если хотите.

Он кивнул. Внизу раскинулось лоскутное одеяло полей, ещё зелёных по весне, с заплатками люпина. На лоскутках мать когда-то научила Халибса шить, и он удивлялся тому, как несколько кривых стежков могли удержать вместе разрозненные обрывки. Впрочем, возможно, странным это казалось только теперь, спустя шестьдесят лет.

***

По дороге на рынок Халибс заметил, что люди шептались больше обычного. Сказал себе, что не о нём.

— Что, сбежал твой мальчик? — спросила продавщица, отмеряя для него фасоль.

Он приподнял брови. Лицо женщины окаменело.

— Внук твой сбежал. В Иркеш, к старшему твоему. А ты и не знаешь.

Он не знал. Но знал, почему. В ушах у него зазвенело — как когда-то вскрикнула тарелка, разбившись о стену.

— Сходил бы ты в центр, — сказала она, отдавая фасоль. — Думаешь, долго один протянешь?

Халибс буркнул что-то себе под нос — так, что и переспрашивать не захотелось. Звон не

отстал, пока он, придя домой, не заглушил его старой опереттой.

В один вечер Ирга рассматривала собственную руку, словно удивляясь тому, что она пуста.

— Забыли блокнот? — спросил Халибс.

— Нет. Просто день сегодня не для письма.

— Вы пишете книгу?

Она усмехнулась.

— Я пишу глупости. Поверьте, издатели в очереди не выстраиваются. Но иначе было бы ужасно скучно.

Содержимое блокнота слилось в воображении Халибса в чернильную стену. Он мог бы спросить, но это казалось диким — будто коснуться чужого лица.

— Я прихожу писать сюда, — продолжила она. — А иногда к морю. В центре сожителства обстановка не та.

Халибс нахмурился. Не было похоже, что она нуждалась в спасении от бесконечных пустых дней.

— Не знал, — сказал он.

Ирга пожала плечами, накидывая плотнее куртку.

— Понимаете, я могу жить сама. Но я не хочу быть одна.

Ночью фраза колотилась в висок, мешая ему заснуть.

***

— Я не хотел, — сказал Халибс на другой вечер.

Ручка Ирги перестала шуршать.

— Не хотели чего?

— То, что обо мне говорят. С сыновьями, с внуком. Не говорю, что не виноват, но не хотел.

— Халибс, я не знаю, что о вас говорят. И про внука вашего тем более.

— Забудьте.

Он отвернулся. По долине скользил серебряной змеей дальний поезд — на таком, должно быть, уехал внук. Было ли ему уже восемнадцать? Кажется, было.

— Знаете, — сказала вдруг Ирга. — Моя мама всегда говорила, что старается как может. И я думала, это чушь, пока однажды не сказала так дочери. От бессилия, конечно.

Халибс повёл челюстью.

— Не знаю, поверили бы мои дети, если бы я так сказал.

— Главное, чтобы вы себе верили.

После того как Каллайна умерла, Халибс не старался. Жил — будто спал, и только иногда вспоминал, что их дети не заснули вместе с ним. Он даже не знал, когда они

успели стать взрослыми, чужими ему и друг другу. Но он в этом не признался, а Ирга не стала настаивать.

Он не смотрел ей в лицо. Взгляд выцепил расходящийся шов на её рукаве.

— У вас рукав рвётся, — сказал он. — Завтра я могу его зашить.

Ирга склонила голову на бок. Кажется, она не могла найти на его лице ответ.

— Можете? Правда? — спросила она. Он кивнул. — Что ж, шейте. Я ценю любую помощь.

По шее Халибса пробежало что-то странное — словно вставала дыбом невидимая шерсть.

***

Тем вечером он наконец дозвонился до Старшего.

— Папа, — Халибс представил, как сын потирает переносицу, жестом, который ему оставила Каллайна. — Скажи, что это что-то срочное.

— Он у тебя?

Вздых Старшего показался криком.

— Если Никко ещё и тебя подослал...

— Нет, — перебил Халибс. — Он со мной не говорит.

— Его можно понять, — сказал Старший.

Халибс сжал кулак, чувствуя, как давят на тлеющую кожу отросшие ногти.

— Мне жаль, — сказал он. — Мне жаль, что я его таким вырастил.

Старший рассмеялся.

— Ты его вырастил? Папа, это я его вырастил. И я провалился. Не смог ему помочь, не понял, что с ним не так.

— Тебе было шестнадцать лет.

— Спасибо, что помнишь.

На затылок дохнуло горячим.

— Ты не знаешь, как это, — сказал Халибс, — когда женщина, которую ты любишь...

— Не смей! — голос Старшего зазвенел, и Халибс прервался. — Мы тоже её потеряли. Я тоже её потерял.

Пауза была раскалённой.

— Скажи лучше, ты знал, как он обращается с сыном? — спросил Старший. Халибс молчал. — Да или нет, пап? Не знал, или знал, но ничего не сделал?

Халибс смотрел в приоткрытый шкаф, туда, где висело платье Каллайны — жёлтое с белым узором, последнее, которое он ей сшил.

Старший вздохнул. Молчание, кажется, ответило ему лучше, чем мог бы Халибс сам.

— Я надеюсь, у тебя кто-то есть, — сказал он. — Надеюсь, ты обратился в центр, как я тебе говорил. Я не хочу оставлять тебя одного, правда. Но как с тобой жить, я не знаю.

Звонок оборвался. Халибс швырнул в стену чашку — она не вскрикнула, только насмешливо загремела.

***

На следующий день над холмами висел хор первых пчёл. Ирга едва слышно гудела что-то себе под нос. Халибс не слушал. Он не забыл иглу и нить — проклятая память сработала как надо, так что теперь работал над рукавом. Игла слегка дрожала в руках, так и норовила ужалить пальцы.

— Да вы, кажется, злитесь, — сказала Ирга.

— Нет.

Ирга пожала плечами и вернулась к блокноту. Халибс продолжал следить за иглой, ныряющей в синеву ткани.

— Я подумала, — сказала она. — Не хотите как-нибудь выпить со мной чаю в центре сожительства?

— И вы с центром, — вздохнул Халибс.

— И я.

— Вы меня не убедите.

— Я и не собиралась. Иногда чай — это просто чай, Халибс.

Усмешка, всегда прятавшаяся в её голосе, вроде кислой сливовой кожуры, сегодня обожгла.

— Я не такой, как вы, — сказал он. — Мне не нужно, чтобы меня выводили на прогулки, как собачку.

Лицо Ирги заострилось, словно по нему ударили резцом.

— На мне нет поводка. Я живу с людьми, потому что они мне нужны.

— А вы им — нет, — во рту закипала слюна. — Я тоже никому не нужен. Но я не буду заставлять других меня терпеть.

— Что вам тогда нужно от меня?

Он не нашёлся с ответом. Ярость отступила так же быстро, как нахлынула, оставив за собой пересохшее русло.

— Я пойду, — сказала Ирга. — Обратю в конуру.

Разорванная нить зазвенела. Ирга ушла, забрав с собой куртку.

***

Стыд запер его дома. Когда музыка перестала помогать, Халибс обратился к креплённому вину. В яблочном жару он ссорился мысленно с Иргой, потом наяву набирал Старшего, пока не услышал металлическое «лицо ограничило круг возможных контактов».

Он всхлипнул, но так и не смог заплакать — смотрел в одну точку, пока не упал в сонный водоворот.

Проснулся Халибс с мутной головой, с веками, будто склеенными паутиной. Открыв наконец глаза, он увидел квартиру, будто чужую — пыльную позёмку на полу, скомканную рубашку в кресле, опавшие листья на подоконнике. Как давно он не убирался?

Из пелены его вырвал звонок в дверь. В коридоре стояла девушка в жёлтой форменной куртке.

— Халибс джун-Аян? — считала она с экрана.

Он кивнул.

— Я из центра сожительства. Одна из наших жильцов сказала, что вам нужна помощь.

— Ирга? Это так?

Ему хотелось поспорить. Сказать, что никто ему не нужен, а он им тем более. Но тело напоминало о тяжести между позвонками, о перечной горечи за глазами, которую так и не удалось прогнать.

О том, как слабели стежки, не дававшие ему развалиться.

— Да, — сказал он. — Кажется, я не могу больше... сам. Один.

Девушка кивнула, записала что-то — рука пронеслась над экраном. Халибс отступил в сторону, готовясь пропустить её в неубранную квартиру.

Счастливое детство

Анна Рубцова

Я собиралась ее сжечь, но не решилась. Так улыбаться может только кто-то очень счастливый. Ветер, и солнце, и годы в наглухо запечатанной коробке в дальнем углу чердака не испортили яркость красок. В спутанных волосах застряла хвойная иголка, хотя мне казалось, что еще тогда я вынула их все. На глянцево-розовом, в блестящих рюшах платье — въевшееся бурое пятно. По тесту Роршаха, что я вижу в нем? Бабочек из нашего сада, разлетающихся с куста, когда я, шестилетняя, бежала срывать малину? Тихое озеро в камышах, где мы с папой, бледнолицые дачники, плавали на лодке, и он знал название каждой рыбы, снующей в прозрачной воде, каждой ракушки, каждого прыткого жука? А может, силуэт мачты корабля, к которой привязан Одиссей, чтоб он, единственный из всей команды, мог услышать, как прекрасноголосые сирены зазывают на свой жуткий пир? В старом скрипучем доме я не могла заснуть, пока папа не рассказывал мне вечернюю сказку. Я не понимала тогда, что такое Древняя Греция, и думала, что эти истории он сочиняет сам, только для меня. Он вообще был большой выдумщик и мой самый лучший друг, тем летом мы пропадали день за днем, прибегая, только если проголодались, и мама, ставя перед нами тарелки с чем-то вкусным, притворно сетовала, что я вся в него. Одно лицо!

И любимую, самую красивую куклу привез мне он, из какой-то заграничной командировки. Таких не было ни у кого — ни в магазинах с лупоглазыми пупсами, ни в детском саду, ни тем более здесь, в деревне. Когда мы только приехали, родители разбирали чемоданы, а я с куклой вышла во двор. По ту сторону забора, заросшего сухим чертополохом, показалось чумазое худенькое личико — девочка чуть старше меня, лохматая и дикая. Дай! Грязные ладошки тянутся между

досками, жадность в глазах, и я, замкнутый домашний ребенок, испугалась и отпрянула, прижав куклу к себе. Дура городская! — шикнула дикая. Тут же меня окликнул папа — обедать! Больше с деревенскими я не водилась. Мне достаточно было сада, озера, папиных сказок, моей куклы. Счастливое детство.

Дикая пропала в конце лета. Фото были во всех газетах. Подозревали ее родителей, местных пьянчуг. Я краем уха слышала разговоры взрослых, что, когда пришла милиция, они были настолько невменяемые, что даже не сопротивлялись. Но меня тогда заботила другая утрата. Я искала куклу под кроватью и на чердаке, в камышах и в зарослях малины, плакала, когда мы уезжали в город, и плакала еще горше, когда папа из своего портфеля достал и торжественно вручил мне коробку, в которой была новая, еще краше, еще улыбчивее. Новая — но не та! В сентябре я пошла в школу, у меня появились подружки, и я смирилась с потерей, как с неизменной частью жизни.

Куклу заметил мусорщик на деревенской свалке. Разбросав пластмассовые руки, она много месяцев из последних сил цеплялась за ветки ельника над пропастью заброшенного карьера. Серебристые рюши платья поблескивали на солнце, как указатель. Тот, кто ее выкинул, надеялся, что она рухнет на дно, и там, погребенную под мусором, ее никогда не найдут. Как и ту девочку. Не узнают, что бурое въевшееся пятно на подоле — это ее кровь.

Я смотрю на отца: постаревшего, седого, сгорбленного. Роба криво повисла на тонких плечах, как будто в карманы спрятаны камни,

чтоб точно уйти на дно. В детстве я не понимала, насколько мы похожи, но сейчас, спустя почти пятнадцать лет, мне кажется, что я смотрю в свои глаза. Время свидания подходит к концу, когда я выдавливаю:

— Зачем ты взял именно ее? Ведь ты же знал, что это моя любимая кукла.

Первые слова за многие годы. Он отводит взгляд. Похоже, ему больно. Надо же, как нормальному человеку. Но я с детства помню, что он очень хорошо притворяется. В отличие от Одиссея, он никогда не хотел быть привязан к мачте. Не просил, чтоб кто-то его остановил.

— Я знал, что если подарю ей куклу, она точно пойдет со мной.

Тайна

Юлия Поликарпова

— Магия закончилась из-за того, что вы убили последнего единорога.

Тижана опустила вязание на колени и смотрит на меня, ждёт реакции.

Ей хочется, чтобы я оправдывалась, извинялась, краснела.

Я не доставлю ей такого удовольствия.

— У тебя петля соскочила. Потянешь — распустится.

Она вскакивает, скидывает спицы на пол, топчет ногами:

— Вы ущербные, вы завидовали нам и поэтому всё разрушили! У меня была жизнь, семья, работа, вы сломали это, вы всегда умели только ломать!

Она выбегает наружу, я слышу полный боли крик.

— Её дочке сегодня исполнилось бы семь, — негромко говорит Фазус.

Я киваю, продолжаю вязать.

Новая теория возникает каждый месяц. Почти всегда в ней говорят о Пустых.

Мы нарушили волшебные линии планеты. Изменили состав эфира. Наши генераторы связи повлияли на космическую гармонию тел. Теперь вот ещё единорогов убили.

Как быстро рождённые без магии превратились из объекта сочувствия в причину всех бед.

Тижана возвращается. Не смотрит на меня, поднимает вязание, ловит петлю.

Мы не знаем, когда наступят холода и сколько они продлятся. Магия дарила роскошь стабильной погоды, меняющейся только по желанию людей, и после её исчезновения климат сошёл с ума. Мы пережили землетрясение, затяжные дожди, жару, засуху, лесные пожары, слякоть и туманы — за неполные два года. За ночь вода в лужах покрывается тонкой коркой льда, и мы готовимся, сами не зная, к чему: запасаемся дровами, вялим мясо, вяжем шарфы и свитера.

К нам заглядывает Квай. Здоровается со всеми, хвалит работу, потом смотрит на меня, кивает — пойдём. Я не прощаюсь, выхожу молча, разминаю уставшие от спиц пальцы.

— У них хорошо получается, — говорит он. — Без тебя мы бы не справились.

В ответ мне хочется только огрызнуться.

Конечно, не справились бы — сказала бы я.

Без меня и без других Пустых, которые оказались рядом.

Когда на ваши головы обрушились дома, построенные магией, вы метались по разрушенным улицам, как потерявшиеся дети.

Кто показал вам, как накладывать шины и останавливать кровь? Кто научил разжигать огонь и готовить еду? Выращивать овощи, охотиться на животных, ловить рыбу? Шить, вязать, строить дома, сколачивать табуретки? Где вы были бы без нас, всемогущие боги, властители судеб, проводники мистических сил? Через сколько недель вы бы сдохли от голода в окружении гниющих мертвецов, которых не смогли бы даже закопать?

Я молчу, как обычно. Но иногда мне кажется, что Квай читает всё в моих глазах.

Он позвал меня не просто так, но ему до сих пор тяжело просить о помощи.

Я устала и проголодалась, у меня нет сил играть в гляделки.

— Что-то с печью? С коптильней? С пилами?

— С печью. Опять дым тянет в комнату.

Мы готовимся к холодам, как умеем. С печью пока не получается, разбираем и кладём заново почти каждый день.

К дому идём молча. Он постоянно оглядывается, словно боится, что я убегу. Как будто я не убежала бы раньше, если бы хотела.

Я смотрю последние чертежи, залезаю в топку, щёлкаю задвижкой. Ничего не понимаю и, конечно же, не признаюсь в этом.

— Мне нужно время.

— У нас нет времени, — шипит Сунга.

Он не скрывает, что ненавидит меня, и этим нравится мне больше остальных.

Я рано ужинаю и прячусь в общей спальне. Никто не ищет меня, наверное, Квай попросил не беспокоить. Достаю из тайника маленькую коробочку, кладу в глубокий карман юбки, раскладываю на столе книжки — как будто читаю — и жду.

Соседки появляются, когда начинает темнеть. Обходят меня полукругом, переодеваются у своих постелей. Встаю.

— Пройдусь немного.

Они молчат, им всё равно, лишь бы не шумела, когда вернусь.

Я выхожу, оглядываюсь, спешу к лесу. Десять минут, и я на берегу реки. По ту сторону — бесконечный простор, высокая хлёсткая трава и редкие кусты с кровавыми ягодами.

Здесь спокойно, а ещё лучше всего в округе ловит связь.

Достаю свою секретную коробочку, вытягиваю из неё нитку с каплей на конце, вкладываю каплю в ухо, настукиваю пальцами нужный ритм, снова жду — весь вечер в ожидании.

— Меня зовут Брелла, чем могу помочь? — слышу я наконец.

Глаза становятся влажными, лёгкие сжимаются так, что сложно сделать вдох.

Хочется шептать: «Забери меня, пожалуйста, забери, я так устала, я ошиблась, я не справлюсь».

Но я должна быть сильной.

— Не могу сложить печь, дым тянет в комнату, не понимаю, в чём ошибка.

Незнакомая мне Брелла слушает, даёт советы и заверяет: должно помочь, всем помогает, но если вдруг, то завтра тоже дежурит она, и она захватит несколько нужных книг, на всякий случай.

Мы прощаемся. По щекам текут слёзы, опухает нос, дышу ртом, часто, не могу надыхаться.

Это сильнее меня.

Я достаю капельку из уха и реву в голос, не боясь, что меня услышат.

И поэтому не слышу сама.

Холодные пальцы на запястье, как клещи.

— Дрянь, — кричит Сунга, и я чувствую брызги слюны на коже. — С кем ты разговаривала, с Пустыми? Что вы сделали с магией? Как вернуть всё обратно?

— Просто убей её, — негромко просит Квай. — Она всё равно не скажет правды.

Его слова отрезвляют, словно удар. Мне кажется, он шутит — убить? Мы не друзья, но не враги же.

После всего, что я сделала для общины, я чувствую себя преданной.

Злость придаёт храбрости. Мне страшно, но я смеюсь:

— Сам починишь печку?

Квай некрасиво кривится, Сунга трясёт меня за руку:

— Отвечай!

Сунга наш лучший охотник. Он не боится замарать руки в крови.

Я умру.

— Мы знали, что магия исчезнет, уже давно. Не знали почему. Не знали, когда точно. Не могли предотвратить.

Главное, чтобы голос не сорвался. Они не увидят моей слабости.

— Нас готовили заранее. Мы учились лечить, готовить, строить. Чтобы помочь вам, когда всё сломается. Пустых слишком мало, чтобы восстановить цивилизацию, но вместе... наши мудрецы сказали, что вместе мы справимся.

— В других общинах тоже есть Пустые, мы расскажем всем, мы истребим их, — сжимает кулаки Квай. — Убей её, скорее.

— Даже это сам не можешь?

Сунга лезет в карман.

Закрываю глаза, чтобы не смотреть в лицо своей смерти, но сразу открываю снова.

Запястье свободно. Рядом, зажимая шею, корчится на земле Квай. Трава краснеет под его телом. Я отворачиваюсь.

— Я тебе не верю, но без тебя мы не выживем. И без таких, как ты. Тебе сказали, как починить печь?

— Возможно, надо пробовать.

— Или снова говорить с ними?

В сгустившейся темноте я почти не различаю черты его лица.

— Да.

Но он улыбается, я знаю.

Он только что убил человека. Я должна бояться его, должна ненавидеть, но внутри бьётся только: не меня.

Теперь мы повязаны тайнами — и кровью. Из нас получится хорошая команда.

— Квоя будут искать.

Я тоже улыбаюсь.

— Не найдут.

Там, где Чёрная грязь

Александр Накул

Мы с Хорей были как раз в возрасте уличных драк. Так что я навсегда запомнил его шестнадцатилетним: тощим, жилистым, невероятно выносливым, с клоком белобрсых волос и торчащими передними зубами. Он не желал исправить неправильный прикус, а предпочитал им гордиться.

На очередной отсыревший осенний день был назначен махач с бирюлёвскими. Дрались за честь района, как это было принято в восьмидесятые, а стрелу забили в теперешнем парке Царицыно. Тогда этот парк назывался Ленино и был совсем заброшенным. По кустам барсуки ползали, а на руинах можно было повстречать бесстрашного ёжика. Говорили, что здесь попадались и призраки, но куда больше проблем было со шпаной, что плодилась в коммуналках теперешнего Хлебного дома.

Сейчас эта тема с драками район на район не просто угасла — она успела остыть и стать непонятной. Пара сотен пацанов сбивались по месту проживания, причём национальность значения не имела. Серьёзными преступлениями тоже не занимались. Два главных занятия: трясли деньги с чужаков, которые забрели не в свой двор (если денег не было, могли и бесплатно побить), и дрались стенка на стенку за «честь района» с такой же шпаной с района соседнего.

Дрались серьёзно — кирпичами, арматурой, а кто-то даже заточки мастерил. Но молодняк обычно живуч, так что насмерть добивали редко.

Когда это началось, не помнил никто, а значит, началось достаточно давно. Историков

среди нас не было, были только те, кого потом заносило на исторические факультеты. Может быть, уже где-то в шестидесятых, когда доломали легендарную шпану вроде лиговских. А может, и позже. Когда мы с Хорей росли, нам уже казалось, что так было всегда, а значит, по-другому и быть не может.

Парадоксально, но никакой награды, кроме гордости за своих, победитель этих драк не получал — границы районов оставались всё теми же, и никаких хлебных мест банды не контролировали. И девчонок в это не вмешивали, даже драки на дискотеках считались «честными», только если дубасили совсем беспредельщиков.

Исход был всегда один и тот же: побитый уползал зализывать раны и мечтать о реванше, а во дворах уже подрастала смена.

Банды были делом возраста. Начиналось это лет в тринадцать и длилось недолго. После тюрьмы, армии, поступления в путягу или институт (да, были у нас на районе и такие уникамы), а в крайнем случае просто после двадцатилетия, человек считался «стариком» и становился совершенно чужим для этого мира. При встрече грозная шпана «обтекала» взрослого, как горная река обтекает могучий валун.

Партия и правительство про это, конечно, знали — в одних дворах росли. Милиционеры «вели разъяснительную работу» по школам и говорили, что за этим движением стоят особо опасные преступники и иностранные шпионы. Но мы даже детским умишком догадывались, что это не так. Реальный вора (ударение на последний слог), конечно, у нас на районе

попадались, у некоторых один такой даже во дворе жил или был среди родственников. Но люди криминала совсем не интересовались малолетним движением. У воров была своя работа, очень тихая, и своя жизнь.

Даже больше можно сказать. Я не помню никого, кто после этих драк реально пошёл в криминал — ну, если не считать тех горемык, кто в драке перестарался, через это загремел в колонию и больше никакой жизни и не увидел.

Милиция, я думаю, тоже про это знала и почти нас не трогала. Когда ребята с района реально теряли берега (может, слышали про казанских Тяп-Ляпов?) и брались за разбой, их моментально корчевали, не успевали «мама!» сказать.

Современные дети уже не видят в такой забаве никакого смысла. Может, это и к лучшему. Пусть лучше в компьютерных играх друг друга лазерными пушками мочат...

Не помню, почему, но в тот раз мы шли не от парадного входа, а от того, что возле Орехово. А с той стороны даже теперешнее причёсанное Царицыно похоже не на парк, а на самый натуральный лес. Сосны, ржавая листва под ногами и тишина поутру абсолютная, словно на кладбище.

Мы шли и шли, и казалось, что сам город пропал. Мы были одни в этом стрёмном утреннем лесу, и как-то уже не так верилось, что где-то вообще существуют какие-то районы, тусовки и пацанская часть.

А вот в призраков я был готов поверить прямо на месте.

Раньше это место называли Чёрная грязь. И мы прямо сейчас месили ту самую чёрную грязь пролетарскими прохорями.

Потом, уже при императорах, здесь построили дворец для Екатерины II, но императрица заявила, что в сей гробнице жить

невозможно. В том году от дворца уже давно были только руины посреди зарослей.

Рядом с тропой на выворотне суетились белочки. Не знаю, едят ли они семечки, но я им отсыпал.

А когда выпрямлялся, заметил чёрную «Волгу».

Она стояла рядом, в прогалине. И я сразу понял, что дело тут нечистое.

Судя по новенькому хромированному бамперу, это была частная машина. И от этого она выглядела ещё опасней. Каждый знает, что на чёрных волгах ездят только важные партийные дядьки и ещё сектанты, которые воруя советских детей на плазму для арабских пациентов.

Отсюда вопрос: кем же был этот частник, который не только раздобыл «Волгу», но и раскрасил её в номенклатурный цвет? Есть же и другие краски — например, революционная, красная...

Хоря тоже остановился. Даже если не всё понял, но догадался.

— Чекисты, думаешь? — спросил он.

— Точно нет. Что им тут делать?

— Проверим.

И зашагал в ту сторону. Подошёл, заглянул. Махнул рукой.

— Можешь подходить.

— Что там? — спросил я. — Правда, что ли, пусто?

— Почти.

Я подошёл и так и охнул.

На месте водителя навалился на руль тяжёлый, щетинистый грузин в сверкающей кожаной куртке. На волосатом запястье поблёскивала золотая цепочка. А сбоку в куртке зияла ещё не остывшая дыра и под самим грузином было черно от запекшейся крови.

Тогда кооперативы только начинались, поэтому заказные убийства были ещё редкостью. Это в девяностые бизнес развернулся.

Видимо, подстрелили на проспекте. И он заехал сюда, спасаясь. Заехать удалось, спастись — нет.

— Глянь, кто там на заднем, — попросил Хоря.

Я посмотрел.

— Тут не тело, тут сумка, — сказал я.

— А что в ней?

Я открыл дверь, расстегнул молнию, пошарил.

— По ходу, деньги.

В сумке были сложены пачки — все советские, коричневые сторублёвки. Они ещё не успели тогда обесцениться.

— Нехило, — только и выдал Хоря.

И тут мы услышали:

— Сёма! Хоря! — Сёма это, если что, я. И голос такой знакомый-знакомый...

— Валим! — скомандовал Хоря.

Схватил грузина под мышки и потянул. Тот сначала не поддавался, но потом чпокнул и вывалился, словно картофелина, чёрная от налипшей земли. А Хоря уже был на его окровавленном месте и повернул ключ, что так и болтался в зажигании.

Я тоже запрыгнул на заднее сиденье и захлопнул за собой дверь. Почему-то показалось, что так безопаснее.

Но Хоря не успел тронуться.

Я увидел их из бокового окна. Наш старший — Бульдог у него было погоняло — и ещё двое с района шагали к нам по аллейке. Они нас определённо заметили — хотя ничего пока не понимали.

Я бы на их месте тоже ничего не понял. Не могли же мы этого грузина сами замочить...

(Как потом выяснилось, никакой драки в тот день и не состоялось — станцию метро, которая тогда называлась Ленино, затопило, и почти все бойцы тупо не доехали.)

— Эй, пацаны, что там у вас? — кричал Бульдог. — Вы куда сели?

— Как думаешь, они пасут номера? — спросил вполголоса Хоря.

— Думаю, нет, — сказал я, усаживаясь на заднем сиденье. — Но могут.

Зря я это сказал.

Они были всё ближе, а Хоря так и стоял с включенным мотором и пердел холостым

выхлопом. А потом, когда до наших оставалось метров двадцать, Хоря вдруг дал по газам и рванул с места, словно баллистическая ракета.

Тот, что шёл справа от Бульдога, был ближе всех. Его Хоря достал первым. Шмяк! — и бедолага полетел в сторону, словно кегля. А Хоря уже выворачивал на второго.

Этот успел закричать и выставить вперёд руки. Хрустнул, словно капуста на зубах, и повалился на капот, разодрал лоб о зеркальце заднего вида. Хоря дал по тормозам — и тело скатилось вперёд, прямо под колёса.

А Бульдог оказался умнее. Не зря был он у нас за главного. Сразу оценил обстановку — и припустил бежать.

Но сглупил — побежал по аллее. Видимо, подумал, что так будет быстрее.

Наша «Волга» рванула за ним, рыча, как голодная гиена. И уже возле первого поворота смачно впечатала Бульдога прямо в асфальт.

Он даже пёрнуть не успел.

На этом месте Хоря остановил тачку и выдохнул.

— Всё, никого не осталось, — сказал мой приятель.

— И что теперь делать будем? — отозвался я. — Деньги делить?

Хоря наклонился, посмотрел на меня — и от одного взгляда у меня сердце в пятки ушло.

Лицо и волосы были те же — но это был больше не тот Хоря, которого я знал почти всю жизнь. Теперь его лицо казалось маской, а под этой маской жил зверь. Зверь, которого никто не остановит.

И я должен был быть очень аккуратным. Очень аккуратным. Чтобы не дать Хоре даже повода предположить, что я могу оказаться среди его врагов.

— Тела собрать надо, — произнёс он, — чтобы меньше вопросов было.

Мои руки и ноги словно сковало ознобом. Но этот озноб не парализовал меня — он заставлял делать всё, чего хотел Хоря. Само тело не хотело злить этого человека.

Остальное тело могло только наблюдать за этими действиями. И испытывать ужас. А ещё понимание, что если бы Хори не было, я поступил бы так же и стал бы таким же.

Мы пособирали тела, затащили их в машину, утрамбовали на заднее сиденье. Одно ещё постанывало, но Хоря не стал вмешиваться.

Просто тронулся и медленно поехал по аллеикам. Они там пешеходные, но нам в тот час было, понятное дело, не до этого.

Чтобы отвлечься от четырёх тел, что вздрагивали у нас за спиной, я пытался думать о привидениях. Но это не очень-то у меня получалось.

Наконец, мы отыскали овраг — узкий и головокружительно глубокий. Внизу мусор.

Последнее тело к тому времени перестало стонать, так что добивать его нам не пришлось.

Повезло, что Хоре не пришлось мне приказывать устранить это недоразумение. Потому что я бы — точно подчинился.

Грузина тащить оказалось тяжелее всего. Уже внизу я содрал с него цепочку и передал Хоре. А вот Бульдог и вовсе словно сдулся, утратил вместе с жизнью весь кураж и

крутизну — мне даже показалось, что он стал лёгким и неудобным, как пуховое одеяло.

Отыскиали, где смердящего хлама побольше, стащили вниз тела, забросали чем придётся, притащили наверх ржавый скелет кровати с лопнувшими пружинами и посыпали листвой. Не найдут менты — если не будут, конечно, специально разыскивать.

А когда выбрались из оврага и озноб меня отпустил, я увидел дворец.

Дворец был, очевидно, не простой. Потому что он стоял там, где, когда мы спускались, были только руины.

В два этажа, с высокими, стрельчатыми окнами и с узкими башенками, обросшими пламенеющими шпилями, с мавританской колоннадой на центральном фасаде и лепными козерогами по карнизам. За окнами — чернота и сразу ясно, что там, внутри, кое-кто затаился.

И от этого дворца шла сила. Но не острая и проникающая, как от Хори, а тяжёлая, давящая, словно бетонная плита.

— Смотри,— только и смог сказать я, — дворец!

— Ну, дворец. Сами в таких теперь жить будем, — произнёс Хоря. И пошёл в ту сторону. Сумка с деньгами болталась на плечах, но он явно не замечал её веса.

А я (точнее, то, что от меня осталось) — осторожно, постоянно озираясь, — двинул в другую сторону. Потом побежал. Через лесопарк. К выходу. Домой.

К счастью, Хоря был так зачарован дворцом, что про меня даже думать забыл.

Так что до дома я добрался благополучно. Что-то объяснил родителям, собрал чемодан и уехал к бабке в Петрозаводск.

Где и проживаю до настоящего времени, и ничего мистического здесь пока не обнаружил.

Куда пришёл в тот день Хоря, я так и не узнал. Если и пришёл он потом к успеху (про ореховских вы, я думаю, слышали), то без меня. А может, так и исчез для этого мира и его правоохранительных органов вместе с призрачным дворцом.

В драках район на район я в Петрозаводске уже не участвовал. Да и сами эти драки тогда уже сходили на нет.

Начинались девяностые, расклады стали другие. Какая тут честь района?

Ценный работник

Анна Леонтьева

9/XII (29 кислева¹), среда

С начала месяца не удавалось сесть за дневник. С работы возвращаюсь поздно, засыпаю не емши. Мира обижается, что зря готовит. Мама обижается, что не зажигаем ханукальных свечей, что не говорю ни с ней, ни с Мирой, ни с Эськой. Эська обижается, что не получила до сих пор своих хануке-гелт и что в этом году мы без пончиков, поскольку не смог нигде достать масла. Все обижаются — я же совершенно выжат и не могу никого видеть.

Работаем вторую неделю со служителями культа. Предложил Тугоухову вербовать их в спецосведы, а то у нас сеть такая, что хоть плачь. Рабочие да крестьяне всё. Пишут исправно, по два-три листа за раз, но такие разведут каракули, что глаза сломаешь, пока продерешься через все это. И везде у них контрреволюция да злостно террористическая деятельность против соввласти, а где везде и кто террорист — поди разбери. В общем, толку что от козла молока. Попы хоть пишут без ошибок и клякс не сажают. Скучны, правда, до безобразия. Будем, мол, сотрудничать, только церкву Божию не закрывайте. Тьфу. И главное, все на одно лицо. Вспомнил, мама рассказывала, что она, когда маленькая была, не могла брата Изю среди мальчишек на улице отличить: все ей одинаковыми казались — идут из хедера друг за дружкой, все рыжие, с пейсами, лапсердаки черные, не по размеру, по земле волочатся, бывало. Так и эти в рясах своих.

А сегодня попался один любопытный. Звать Пётр Здоров. Такая странная фамилия, с ударением на первом «о». Из бедных крестьян, сирота. Отдали его на воспитание в

Покровский монастырь. Тот самый, где сейчас дом инвалидов. Тугоухов предупреждал, что, мол, энергичен, развит, ненавидит советскую власть — хитрый и сильный враг. А этот враг взял да и заснул у меня в кабинете, пока я протокол писал. Тоже небось с людьми работает да еще не ест ничего. Предложил ему Мириных латкес — отказался. Пост, мол, у него. Строгий. Чудак-человек. Живот уж к спине подвело, а все в свой опиум верит. Уговорил-таки немного латкес для дочки взять. У него дочка младшая как наша Эська, осенью в школу пойдет. И еще старших двое. Тоже небось не видит их, а жена обижается. Жена у него — сестра того Архангельского, которого мы вели по делу епископа Палладия. Тугоухов всё говорил, сильная контра. Только он и про этого Здорова говорил, что сильный. А оказался тот ещё шлимазл. Даром что два метра ростом и в плечах широк. Голос у него красивый, густой. Должен петь хорошо. В деле написано: начинал регентом. Интересно было бы с таким потолковать запросто, не по работе. Может, удастся еще?

Надо заканчивать: глаза слипаются, завтра рано вставать, да и керосина в лампе почти не осталось.

Не забыть оставить Эське хануке-гелт!!!
(Подчёркнуто красным карандашом).

22/III (14 адара²), вторник

Сегодня такое было!

С утра, только успел раздеться и за стол сесть, влетает Тугоухов, весь красный: «Едем,

— говорит, — на дело!» Оказывается, среди ночи к нему на квартиру вломился Зрячих с очередным доносом. (И ведь специально проскакал тридцать верст в темноте, по такой погоде, и обратно столько же, чтоб только никто не догадался, какая у него важная миссия! Идиот, прости господи. Хоть бы клячу свою пожалел). Сообщил с особой секретностью, что, мол, у них в деревне у церковной сторожихи Лыковой тайно хранится контрреволюционная книга с черной магией, в которой-де предсказана смерть т. Сталина и полный разгром Советского государства. И он, Зрячих, мол, взял у Лыковой эту книгу якобы почитать на один день, и книга эта теперь у него в избе в сенях в старом валенке запрятана. Тугоухов тут же решил устроить у Зрячих как будто обыск, книгу обнаружить и изъять, а Зрячих допросить и по его показаниям раскрыть контрреволюционную церковную организацию, которой мы нигде в нашей глуши найти не можем, а отчитываться в конце квартала как-то надо. В общем, поехали мы в Вудоры. У Сылвы завязли в грязи — ни туда ни сюда. Спасибо, Здоров рядом оказался (ходил в соседнюю деревню по какой-то своей поповской надобности) — вытащил нас. Все-таки сила у него медвежья, даром что поп. Угостил нас жаворонками. Сегодня у него сорок мучеников — жена напекла к празднику. Вкусные! Я хотел оменташей в ответ дать (Мира была бы не Мира, если бы не завернула мне втрое больше, чем нормальный человек может съесть за обедом) — не взял: скромные, говорит, — нельзя. Чудак-человек.

Взяли его в машину, все равно по пути. Тугоухов сразу за работу: «Что вы, товарищ Здоров, можете сказать о церковной сторожихе Лыковой? Не ведет ли она подпольной террористической контрреволюционной деятельности?» Здоров как услышал, давай хохотать: «Это тетя Груша-то террористка? Подпольная? Ха-ха-ха! Да она в подпол к себе уже месяц залезть не может: боится. Крыса у нее там завелась. Я ей крысоловку поставить предлагал — отказалась. «Что ты, — говорит, — батюшка, крыса-та, она-ить Божья тварь! Пусть уж живет себе, раз пришла, а я как-нибудь обойдусь помаленьку. Все равно еды никакой в подполе почти не осталось». Все подъели к весне-то, это верно. Кабы не пост, не знаю, как и жили бы. Вот она какая у нас террористка-то, тетя Груша!» Мне тоже смешно стало, а Тугоухов нахмурился. Он

Здорова моего недолюбливает почему-то. Зря, говорит, связались с попом этим — не будет от него толку.

В общем, доехали мы до Вудор, попрощались со Здравым и прямиком к Зрячих. Провели обыск, все как положено, вещи на пол побросали, покричали громко, чтоб на улице слышать. А в валенке обнаружили... «Протоколы сионских мудрецов!» Я думал, придушу на месте этого Зрячих. Едва сдержался. Он бы еще сказки Афанасьева туда положил, деятьель.

Домой вернулся весь мокрый, грязный. Хорошо, вспомнил про оменташу — съели их с Тугоуховым, пока ехали обратно. А то б Мира убила меня, наверное.

20/IV (14 нисана³)

Весь день места себе не нахожу.

С утра принесли почту. Как всегда, три страницы каракулей от Зрячих, еще пара писем от спецосведов с завода, одно с лесозака — ерунда полная. Внизу смотрю: конверт от Здорова. Обрадовался: давно не писал он. Открываю, а там... «Каноны (правила) церкви не позволяют мне...»

В общем, нет у меня больше спецосведа по фамилии Здоров. Каноны ему не позволяют, видите ли, совмещать службу церковную и мирскую. На вопросы же о жизни церкви и смысле Писания, если таковые у меня возникнут, он, душка, отвечать всегда готов.

Всегда готов, понимаете ли! А к Тугоухову на ковер он, случайно, идти не готов? Нет, конечно! Зачем ему это мирское развлечение? К Тугоухову Фрейлах пойдет. И будет выслушивать, какой Тугоухов у нас революционно бдительный и какой он, Фрейлах, шлимазл, что пригрел на груди эту зловую контру в рясе, хотя Тугоухов его предупреждал, и не раз предупреждал: не будет от попа толку. Но Фрейлах выслушает,

ему что? У Фрейлаха же канонов (то есть, прости господи, правил) нету — он же не церковь, ему все нипочем.

Да черт бы с ним, с Тугоуховым, тем более, у него ангина, и он еще с неделю проваляется дома, если не больше. Что я с тобой-то, дорогой мой товарищ Здоров, делать буду теперь? Ты думаешь, письмо написал — и свободен, да? Согрешил — покался — прощен? Так, дорогой, только у вас в церкви бывает. А соввласть, она не твой господь Саваоф: она не простит такого письма, это ты понимаешь, дурья твоя башка? И угадай, кого пошлют за тобой, когда придет время? Правильно, Фрейлаха пошлют. Потому что Фрейлах — ценный работник и верный ленинец, а только верные ленинцы могут доехать до Вудор и не завязнуть в вечной присылвинской топи. И Фрейлах поедет, и будет в глаза тебе смотреть, и привезет тебя, куда следует, и станет допрашивать со всей строгостью протокола революционного дознания. Ты обо всем этом подумал, отец Петр, когда письмо свое идиотское писал? Нет? Зачем тебе эти мирские заботы, а? Что тебе до Фрейлаха? Ведь его в каноны твои записать забыли, он даже не твоей веры — чего с ним церемониться, да?

А что я переживаю, спрашивается? Знаешь, иди ты к черту, дорогой товарищ Здоров, вместе со своими канонами. Знать тебя не желаю больше. Все вы одинаковые. Добрыми хотите быть. Только чтобы добро в мире было, кому-то надо злым стать. Иначе придет настоящее зло и оставит от добра рожки да ножки. Испачкаться надо ради добра-то. Иначе никак. Только тебе, товарищ Здоров, этого все равно не понять. В канонах твоих такого не пишут небось, а?

Мама говорит, Песах сегодня. Вот ведь как совпало-то...

2/X (2 тишрея⁴), воскресенье

Сегодня выходной. Отоспался. Мама с Эськой притащили с утренней прогулки кленовых листьев и сушили их утюгом на

букеты. Запах этих листьев меня и разбудил. Хорошо!

Завтракали поздно и совсем по-новогоднему. Мире пациентка очень кстати принесла вчера корзину антоновки и горшочек меду нового урожая. Мама счастлива. Ворчала, конечно, что опять без халы: мы извели за месяц всю муку, и сахара не осталось ни крошки, — но чинно макала кусочки яблок в мед и жмурилась от удовольствия. Даже Эську не ругала, хотя та сначала разнылась, что яблоки кислые, потом вся измазалась в меду и наконец набила рот так, что едва могла жевать.

После завтрака Мира подозвала Эську и тихонько напомнила ей, что первокласснице не подобает так вести себя за столом. Эська кивнула, покорно пошла в угол и отстояла там почти час, пока я не велел ей выйти и сесть за уроки.

Вечером сочинял справку в спецотдел по делу Здорова. Их у нас обычно на всех Тугоухов пишет, но я упросил его здоровскую мне отдать: хотелось поубедительнее составить, чтобы там сомнений не осталось ни у кого, что этот поп, несмотря на все письма его идиотские, представляет особую ценность как осведомитель — надо только к нему подход найти. А мы нашли же! Составил. Хорошо вышло! И дело толстое получилось, красивое. А Здоров, умница, все подписал-таки. Завтра передаем в Коллегию. Ближайшее совещание у них 10-го как раз. Дадут, скорее всего, три года лагерей. Год-полтора посидит, а там, глядишь, досрочно освободят за хорошее поведение и ценные сведения, которые будет доставлять, — и опять к нам вернется. Лучший ведь был во всей нашей горе-сети. Единственный нормальный человек, прости господи. Даром что поп. Поймал себя на том, что буду, кажется, скучать по нему. Эх...

31/XII (2 тевета⁵), суббота

Сегодня ночью мы арестовали Тугоухова.

Кто бы мог подумать, что такой человек: верный ленинец, герой Гражданской, непримиримый борец с контрреволюцией — окажется в прошлом меньшевиком? И ведь ни слова об этом никогда никому не говорил: боялся, видно.

Странно: работали мы вместе не один год, а дома у него я ни разу не был. Живет он совсем по-рахметовски, только что на гвоздях не спит. Он, кстати, не спал, когда мы пришли. Сидел одетый, с собранным чемоданом. Я подумал было: раз с чемоданом, значит бежать решил, да не успел. Небось за границу, к своим. Недаром, значит, в шпионаже обвиняют его. Потом понял: он *нас* ждал. А в чемодане, кроме пары белья, теплых носков и зубной щетки, у него ничего не было. Сам описывал.

Только бы не мне дали это дело вести. Не смогу я. Мира говорит, мне лечиться пора от нервов уже: ничего не помню, и руки трясутся, как у алкоголика. Чашку любимую сегодня разбил. Чуть не заплакал. Правда что ли попросить бюллетень?

А мама чуть не спалила дом сегодня. Достала где-то в церкви (sic!) свечей, проводила Миру на дежурство, меня на задание, уложила Эську и зажгла-таки ханукию, пока никто не видит. Зажгла, а сама заснула. Хорошо, Эська услышала запах гари — проснулась, схватила чайник со стола и залила всё. А то беда бы случилась.

Устал я что-то. Глаза слипаются, да и керосин беречь надо. Спать пойду.

Рецензия критика Валерии Пустовой:

«Получился очень интересный рассказ-погружение. Особенное его достоинство мне видится в том, что в рассказе нет явной интриги. Исторический контекст позволяет достроить будущее рассказчика и других героев. Ощущение их обречённости преследует с самого начала. Нет тут и какой-то тайны, которую надо раскрыть. Напротив, есть

пародия на нее: арест коллеги героя как меньшевика. Герой погружает нас в рутинное течение рабочих дел и домашних.

И в то же время рассказ захватывает. Тем, что автору особенно удается: атмосферой времени. Именно атмосфера времени создаёт в рассказе напряжение. Время искажает слова, быт, связи. Сначала нам кажется, что все просто и ясно. Но постепенно нарастает ощущение смещения, угрозы, лжи. Скажем, рутинная занятость отца семейства или банальный запах листьев, собранных бабушкой с внучкой, противопоставлены в композиции рассказа свечам из церкви, которые бабушка пытается использовать для не христианского обряда и едва не сжигает дом. И в рабочем пространстве героя то же. Сначала он кажется хозяином положения. Он видит, кто чего стоит, управляет отношениями со священником, дурным коллегой на коне, соратником Тугоуховым. А потом все смешивается. И вот он ставит симпатичного ему священника под гарантированную угрозу ареста. И отрекается от бывшего соратника. А в сцене ареста Тугоухова очень эффектно — но ненавязчиво — звучит антиутопическое «мы». Герой-рассказчик именно в этой сцене сливается с системой, теряет свое «я».

Рассказ не показывает никакого разрешения ситуации героя. Но показывает, что он на грани слома как личность. Человеческое в нем не выдерживает требований системы. Благодаря сочетанию домашних и рабочих эпизодов, дневник выглядит очень живым. Обаяния добавляет и то, что рабочие сцены напитаны атмосферой деревни, глуши, где люди могут контактировать близко и попросту, где есть клячи, крысы, грязь, старые бабы, последние в приходе попы. Получается, что система в лице героя постоянно сталкивается с человеческим: сон от утомления, непролазная грязь, жалость к крысе, религиозная тихая убежденность священника. Герой поначалу восприимчив к человеческому. Но постепенно оно начинает выбивать его из равновесия. Поэтому кульминацией выглядит его внутренняя мольба, чтобы ему не давали вести дело бывшего соратника. Он не выдержит столкновения с человеческим в таком масштабе, его личность расколется.»

Рецензия писателя Романа Сенчина:

«Казалось бы, о 20–30-х годах в Советской России написано всё, но автору удалось сказать нечто новое, свое. Наверное, это «нечто» — герой. Он еще не совсем прописан, но угадывается интересный персонаж. Как и его Мира. Не силен в терминологии и вообще религиозных вопросах, но эти персонажи явно из ортодоксальных евреев, герой, по крайней мере, не атеист. Но вот приходится бороться в том числе и с православием, и не как еврею, а как атеисту. По-моему, стоит проработать этот сюжет. Может быть, в будущем увеличить объем рассказа, усилить остроту. Сейчас сюжет зыбкий. Здоров только намечен. Чем он полезен (чекистам?)? Деятельности как осведомителя я не увидел. За что ему грозит срок? За отказ? Не думаю, что за это была статья. На Здорова мог кто-то озлобиться и фабриковать дело — такое вполне возможно, да и было в порядке вещей... Не понял я, почему герой пишет в дневнике еврейские месяцы? Воспитание, традиция, привычка? Но ведь он старается порвать с еврейством... Сноски — плохо. Автор должен пытаться объяснить всё в ткани текста, а сноски ставить это дело редактора. В общем работа хорошая, но по-моему, это только набросок рассказа или повести.»

1. С 25 кислева евреи восемь дней празднуют Хануку. В этот период каждый вечер зажигают специальные свечи, детям дарят хануке-гелт — мелкие монетки. Еду на Хануку принято готовить в большом количестве масла — в память о масляном светильнике, который горел в течение восьми дней. В масле жарят ханукальные пончики. Также ашкеназы готовят на Хануку картофельные оладьи — латкес.[↑]
2. В этот день евреи празднуют Пурим. На Пурим принято веселиться, дарить друг другу сладкие подарки и напиваться так, чтобы не отличить Амана от Мордехая. Пурим в ашкеназской культуре во многом напоминает европейский карнавал. Традиционное пуризмское блюдо — оменташен, или оменташа — уши Амана. Это сладкое творожное печенье с маковой начинкой в виде сумочек-ушек. На Пурим оменташами принято было угощать друг друга.[↑]
3. 14 нисана — начало Песаха. В этот день евреи вспоминают исход из Египта и освобождение от рабства.[↑]
4. В первые дни тишрея евреи празднуют начало нового года — Рош ха-Шану. Праздничные кушанья должны быть сладкими, тогда и грядущий год будет сладким. Среди традиционных новогодних блюд на стол подавались круглые сладкие халы, яблоки и мед. Рош ха-Шана — также является своего рода преддверием Судного дня (Йом-кипура), который наступает 10 тишрея.[↑]
5. 2 тевета — последний день Хануки. В этот день зажигаются все свечи ханукии — специального праздничного подсвечника.[↑]

Что случилось двадцатого октября

Галия Гарифуллина

Двадцатого октября 2023 года по Казани прокатилась волна неудач.

На Кабане студентка уронила в воду телефон. Бульк — и пропали переписка с подругой, недосмотренная серия «Уэнсдэй», билеты по языкознанию и широко улыбающийся на заставке Шаламе. Наушники допели: «Звук поставим на всю, пусть соседи не...» и захлебнулись. Студентка села на скамейку и расплакалась.

На колхозном рынке семидесятилетняя Альфия апа благодарно ахала, когда продавщица фруктов предложила помочь с покупками и провести ее по товарным рядам. Позже на семейном ужине выяснилось, что нектарины склизко расползаются в пальцах, от кислого запаха сметаны нехорошо бурчит в животе, а в замороженных грибах воды больше, чем, собственно, грибов.

Из квартиры Хакимовых сбежал кот. Целый день раздавался Алинин плач. Малиновое пальтишко мелькало то у подвала, то у детской площадки, то у гаражей. К вечеру о пропаже знал весь двор, но найти упитанного серого британца никому не удалось.

В тот же день по городу бродил высокий нескладный парень в черном пальто. Он хмуро озирался, поджимая плечи, косился на окружающих из-под длинной растрепанной челки, скрывающей лицо, и пытался держаться ото всех на дистанции. Когда в парке Тысячелетия в него врезалась девочка в розовом, парень отшатнулся, едва устоял на ногах и тут же свернул в сторону. На траве остались черные выжженные следы.

Иногда парень в черном пальто пристально вглядывался в какого-нибудь прохожего: юношу у остановки или женщину с тяжелыми пакетами, замирал на минуту, крутя массивное кольцо на пальце, и исчезал за ближайшим углом. И провода троллейбуса путались и искрили, а по асфальту катились блестящие зеленые яблоки и дребезжащие банки консервированной фасоли.

Только один раз он остановился надолго: на входе в Кремлевскую. Парень в черном пальто пристально вглядывался в скульптуру рядом с зеленой буквой «М» и даже не вздрогнул, когда ему наступили на ногу. «Извините», — пробормотала в его сторону девушка, прикрыв петличку, и развернулась обратно к группе красноносых туристов: «Посмотрите на эту скульптуру. Здесь изображен Зилант, самый известный персонаж татарской мифологии. Его вы можете увидеть, например, на гербе Казани».

Парень в черном пальто усмехнулся из-под челки и стал спускаться по ступенькам. На перилах осталась длинная царапина.

Когда парень выходил из метро, его окликнули. Высокая женщина с роскошными темными волосами приветственно помахала рукой, в свете фонаря блеснули золотые кольца.

— Ну ты натворил дел! Я тоже в штаб, отчет за квартал надо сдать. Пошли вместе?

Парень, не глядя на нее, зашагал рядом.

Вахтер, нервно поглаживая густую, несколько подпаленную бороду, скользнул взглядом по зеленым пропускам:

— Зилант, Су анасы¹, проходим, ждали вас.

Впустив сотрудников, он продолжил фасовать искрящиеся перья Птицы счастья — по три штуки в наборе. Вдруг завопил: «Ай-й, чтоб див вас украл!» Запахло палеными волосами.

Зилант сел на кожаный диван, прикрыл глаза, а Су анасы встала у подоконника, перебирая бумаги в папке. Доклад о миграции сказочных животных, перечень зарегистрированных в республиканской базе магических существ, анализ превышения ими волшебных полномочий, отчет об обнаружении утерянного в темные времена перстня Хранителя Казани. Находка стала самым большим успехом отдела мифологического мониторинга за все двести лет его существования. На артефакт, который показывает события, происходящие в любом уголке города, и позволяет их менять, возлагали большие надежды — как и на того, кому перстень будет принадлежать.

Убедившись, что все документы на месте, водяная усталилась на коллегу. Глаза Су анасы блестели от любопытства: по дороге она не вытянула из Зиланта ни словечка. Сейчас и подавно не получится: он дремал, челка соскользнула со лба, и в ярком свете четко прорисовались острые скулы, хищные линии носа и бровей, плотно сжатые тонкие губы. Иногда из горла у него вырывался глухой рык, и тогда голова Зиланта дергалась, веки вздрагивали, и на мгновенье сверкали золотые радужки глаз.

Су анасы села на стул напротив и сочувственно вздохнула. Вблизи было видно, что под глазами Зиланта пролегли серые тени, волосы торчали, как воронье гнездо. Над левым ухом застрял желтый березовый лист.левой ногой Зилант отбивал дробь, наступая на развязанный шнурок.

Наконец дверь в кабинет открылась, и в дверях показался шеф. Он помахал Зиланту неестественно длинными покалеченными пальцами:

— Ну заходи, Хранитель. Су анасы, ты потом.

— Итак, весь день по городу ты ходил и чудил, верно? Верно. Перстень Хранителя города покажи-ка.

Зилант поднял правую руку, покрутил на пальце тяжелое серебряное кольцо с крупным изумрудом.

— Молодец. Учудил знатно. Прошел испытательный срок!

Зилант подскочил, свалив стул. Изо рта у него повалил дым, которым немедленно затянуло все помещение. От шефа остались блики на стеклах очков, от Зиланта — глаза и кольцо.

— Как прошел срок? — вцепился Зилант в пиджак начальника, который одной рукой пытался отпихнуть дракона, а другой открыть окно. Послышался треск раздираемой когтями ткани. — Я же все плохо сделал!

Шеф пыхтел и махал руками, разгоняя дым.

— Ничего не... Плохо... Сам бы... Итоги... Посмотрел... Дымоход!

Дым начал рассеиваться. Шеф строго посмотрел на раскрасневшееся лицо Зиланта.

— Провести он всех хотел. Хранителя даже не я выбираю, перстень сам выбирает, верно? Верно! Что ты плохого сделал?

— Телефон девушке утопил.

— А она взяла и к сестре зашла в гости, чтобы у нее старый одолжить. Два года не заходила, обижалась, а тут зашла! С сестрой поговорила, с племянницей поиграла. Завтра на катамаранах идут кататься.

Нога в черном ботинке начала отбивать по полу дробь.

— А просрочка?

— Внуки поняли, что бабушке тяжело уже одной за покупками ходить. Договорились каждые выходные гулять с ней, по очереди. И бабушке не одиноко будет, верно? Верно!

— А остановившийся троллейбус в аварию не попал?

— Тьфу-тьфу-тьфу, без аварий обойдемся! Пассажирам просто по мороженому подарили. Пиар-акция «Яндекс.лавки». И все ели, чтоб не растаяло, переглядывались, хихикали. А пакет у женщины порвался — прохожий помог все собрать. Судьба ее, между прочим. На этой улице очутился, потому что ты ему неправильный маршрут в навигаторе построил.

Зилант, запрокинув голову, меланхолично выпустил в потолок мелкие облачка дыма. Длинные руки повисли вдоль туловища.

— Ты не расстраивайся так! — забегал вокруг Зиланта шеф. Поднял было ладонь, чтобы хлопнуть сотрудника по плечу, но передумал — испугается, опять весь кабинет задымит. Хорошо еще не курит. — Ну выгоняли тебя люди пару раз, ну они же не со зла! Уж сколько веков прошло! Ты вон в первый раз чуть деревню им не поджег.

— Они с вилами на меня набросились. Я испугался.

— Конечно, набросились, зачем было при них обращаться-то! Но не закололи же, верно? Верно! Ну, захаживали к тебе потом два-три

батыра, и что? Ты всю нору их оружием заполнил, потом продал.

Шеф сердито закашлялся: дым прилетел ему прямо в лицо.

— А знаешь, почему ты не смог никому гадость сделать?

Черные глаза уставились в покрасневшее лицо шефа, и в них мелькнула искорка.

— Потому что не хотел. Перстень Хранителя истинные намерения видит и согласно им дела творит. Так что хватит ломать комедию. Людей ты боишься, но не ненавидишь. Значит, на Хранителя сгодишься, верно? Верно! Закроешь гештальт, так сказать. Вспомни, что ты могучий древний змей. Дракон!

Су анасы успела сменить три прически и расчесывала волосы золотым гребнем, готовясь приняться за четвертую, когда Зилант вышел из кабинета. Еще более лохматый, все еще нервно дергающий ногой и — гребень со звяканьем упал на пол — заправивший челку за ухо.

Пока Зилант проходил мимо, Су анасы ощутила отчетливый запах дыма.

— Молодец, будь смелым! — крикнул из двери кабинета шеф. — И кот бы девочке вернул. Чем она тебе так не понравилась?

Зилант дернул плечом и вышел на улицу. К котам он претензий не имел.

Через неделю перстень показал, что кот снова удрал к мусорке около рыбного магазина.

1. *Су анасы — водяной дух. Изображается женщиной, расчесывающей свои длинные волосы золотым гребнем. [↑]

Шур-шур

Полина Коромеева

Шур-шур, шептали листья, разлетаясь под новыми, ещё блестящими сапожками. Шептали нежно, как будто понимали: да, очень сложно было сидеть на месте и терпеть, пока Наталья Сергеевна наклонялась к нему близко-близко, сипло дыша прямо в лицо — без запаха, этого он бы точно не вынес, но очень близко, жарко, свистяще-громко, — и тыкала ветвистым пальцем в тетрадь: «Это что такое, Коваленко? Что за грязь ты тут развёл?»

Теперь спину ему жгла двойка — жгла прямо через тетради, и учебники, и сам рюкзак, тоже новый и блестящий — мама говорила, он с ним похож на черепашку, — такой большой рюкзак и такой маленький Шура.

Шура сдёрнул шапку и запихнул её в карман куртки. Утро было промозглым, но к часу дня небо разгладилось, и деревья, обрамлявшие аллеи парка, горели точно факелы в коридорах рыцарских замков.

Мимо, чуть не сбив его, пронеслась стайка хохочущих первоклашек. Побросав рюкзаки и мешки со сменкой, они выбежали на поляну в середине парка и принялись играть во что-то своё малышейовое, громко крича и пихая друг дружку. Шура отвёл взгляд — он, третьеклассник, выше таких глупостей, — и пошёл дальше по усыпанной листьями дорожке.

Из кармана брюк он достал коробок спичек и принялся вертеть его между пальцами. Коробок остался с запуска фейерверков на его день рождения. Мама перепробовала почти все спички, и ни одна не загоралась, пока дядя Витя не предложил ей

свою зажигалку. Шура втихую стащил коробок с последней спичкой и с тех пор носил его с собой. Спичка наверняка была такой же отсыревшей, как остальные, но Шура всё равно нравилось иметь коробок с ней — а вдруг она загорится?

Шур-шур, шептали листья. Он должен был быть дома через полчаса — обед, репетитор, бассейн, уроки... Это значит, всего полчаса до того, как мама увидит дневник. Шура представил её потерянный взгляд, неозвученный вопрос. Потом она улыбнётся, потреплет его по голове или, что ещё хуже, обнимет и скажет: ну ничего, не расстраивайся, всё бывает. А он будет стоять в её тепле и снова терпеть, терпеть вместо того, чтобы оттолкнуть её и закричать: но ты же сама расстраиваешься!

Шура размахнулся и врезал ногой по куче листьев. Те шикнули и рассыпались по дорожке. А завтра снова школа, и снова Наталья Сергеевна, потому что русский у них каждый день, и снова она будет наклоняться, и дышать, и тыкать пальцем, и называть его Коваленко. Почему он Коваленко, если мама — Тимирязева? Почему его называют кем-то чужим, кого он никогда не видел, не обнимал, это не его имя, его зовут —

Шура, прошуршали листья под ногами.

Шура вздрогнул. Остановился. Осторожно шаркнул блестящим сапожком.

Шура

Он сделал ещё несколько шагов вперёд, крепко сжав лямки от рюкзака.

Слушай, Шура

Шура, слушай.

Он прислушался.

Дальше, Шура, прошелестели листья на высоком клёне. Как будто от ветра. Только ветра Шура не почувствовал.

И он пошёл — дальше, дальше, — волоча ноги по земле, с каждым шагом взметая в воздух всё новые и новые слова. Листья продолжали шуршать, просить, звать его: *дальше, Шура, дальше, ну же, Шура, слушай*, и он шёл за ними, за их манящим, обещающим, тянущим шёпотом. Весь остальной шум — плотный стук мяча о кулак, гогот, крики напуганных мам, — выветрился, остался только голос листьев — сухой, трескучий, как пламя, и вместе с тем мягкий, понимающий, всё понимающий.

Он не заметил, как стемнело. Факелы деревьев стали гаснуть, один за одним, но фонари не пришли им на смену. Откуда-то снизу начал сочиться туман, тонкой зыбью заструился по земле, зазмеился по ногам, выше, выше, заполз в рукава, за воротник, обволакивая кожу. Шура поёжился, потянулся за шапкой, но нащупал лишь пустоту.

Дальше, Шура

Ну же, ну же

Запахло сыростью и чем-то терпким, вязким, как горький шоколад. Шура с трудом поднял набухшую от тумана голову и огляделся. Он хорошо знал этот парк — его арки, напоминавшие распахнутую пасть хищной рыбы, его корты и площадки, прятавшиеся за кустами, его длинные, изогнутые дорожки, как реки, плавно вливавшиеся друг в друга, — но эту аллею —

Слышишь, Шура?

Шура, слышишь?

— эту аллею он видел впервые. Деревья тесными рядами высились по её краям, наклоняясь вверх так, что образовывали сплошной купол. Листья, прежде яркие и тёплые, стали влажными, тёмными, слипшимися в одну шепчущую массу, доходящую до колена. Шура еле волочил ноги, пробираясь вперёд по дорожке. Он больше не чувствовал под ногами плитку: вместо неё было что-то скользкое, склизкое, чавкающее.

Голодное.

Кажется, прошло уже больше, чем полчаса, устало подумал Шура. Он обхватил себя руками, чтобы не так сильно дрожать; пар от дыхания растворялся в тумане. Кажется, надо ей позвонить — предупредить — попросить —

Под ногой что-то хрустнуло.

Стой!

Шура нагнулся и принялся ворошить листья, пока не нащупал какую-то твёрдую гладкость. Плохо слушающимися пальцами он достал весь заляпанный чёрной грязью пластмассовый совок, треснувший посередине. Шура непонимающе повертел его в руках — обычный совок, таким играют малыши в песочнице. Кто-то бежал и обронил его, наверное. Но что-то было в этом совке неправильное — точнее, не в нём самом, а в том, что он оказался здесь, на этой аллее, погребённый под толщами листьев и грязи, такой нелепо-красный, наивный, простой...

Горло Шуры сжалось, сердце громко застучало в кончиках пальцев. Надо отсюда выбираться, надо бежать, надо домой. С какой стороны он пришёл? Он обернулся: оба конца аллеи, затянутые пеленой тумана, выглядели одинаково. Он хотел закричать, позвать на

помощь — да, как маленький мальчик, но он и есть маленький мальчик, — но не мог никак набрать в грудь воздуха. Да никто бы его и не услышал: туман был полон тишиной, сквозь которую доносился лишь шелестящий смех листьев:

Шура, Шура!

Ближе, ближе!

Шура рванулся в сторону, к череде деревьев, надеясь прорваться сквозь них на соседнюю дорожку, прочь из этого места, чем бы оно ни было. Но стоило ему приблизиться к ним, как почерневшие от времени и грязи стволы сомкнулись каменной стеной. Шура ударил по ним кулаком, ещё раз, ещё, но деревья оставались неприступными, и листья хохотали на неосязаемом ветру:

Шура, Шура, Шура!

С нами, с нами, с нами!

Размазывая по щекам слёзы вместе с грязью, он рухнул вниз и прислонился спиной к холодным стволам. Листья укрывали его тело, заползали под одежду, липли влажными ладонями к животу, груди, шее — выше, выше. Может, и хорошо, подумал Шура, чувствуя, как тяжёлая завеса медленно опускается перед глазами. Не будет школы, не будет уроков, и мама —

Мама только расстроится, наверное. Он вновь представил её потерянный взгляд, как у маленькой девочки; вспомнил её улыбку, всегда усталую, добрую; вспомнил, как тепло и

уютно, когда она обнимает его и говорит нежно, звеняще, напевно: всё бывает. Всё бывает, Шура, но я знаю, ты справишься.

Он вскочил. Пошатнулся, оттолкнулся рукой от деревьев, яростно стряхнул прилипшие к шее листья. Достал из кармана коробок с единственной спичкой. Конечно, деревья влажные; конечно, они уже больше грязь и камень, чем деревья, но Шура надеялся, что они ещё помнят, кем были прежде. Он раскрыл коробок — листья смолкли — и чиркнул спичкой: раз, другой, третий —

Робкое пламя задрожало над пальцами.

Шура задержал дыхание — не спугнуть, не потушить — и, зачем-то зажмурившись, поднёс спичку к деревьям.

***

Что-то толкнуло его в бок. Шура не удержался на ногах и с резким выдохом упал на мягкое, тонкое — траву? Осторожно, всё ещё не веря, он приоткрыл глаза. Он лежал на поляне в середине парка. По-прежнему светило солнце. Рядом, повизгивая, носились первоклашки. Где-то невдалеке гулко стучал мяч. Две взрослые девочки прошли мимо, над чем-то — кем-то — хихикая. В руке он сжимал пустой коробок от спичек.

Шура встал, подхватил валявшийся рядом рюкзак — он и не заметил, когда его потерял, — и, весь в грязи и листьях, пошёл домой, высоко поднимая ноги.

Different types of admiration in War and Peace

Александра Хаммонг

Here I have chosen to examine the relationships between certain characters and explain the reasons for which they admire each other. These examples include the admiration of children for parents, men for great leaders, and even the marvel of nature, between which parallels can be drawn and differences emphasised.

Although Andrei and Maria both acknowledge their father's intelligence and extensive knowledge, only the son is willing to point out the defects of his character, while Maria sees him as an authoritative figure beyond reproach. For all her father's harsh treatment of her, she cannot understand how Andrei can criticise him for his insensitivity, and constantly needs to assure others of what a kind man he is. As Maria is not married, and for most of the book accepts the fact that she most likely never will be, she must acknowledge that she has no choice but to stay with her father, so has to convince herself of his kindness to be able to bear his criticisms of her. When discussing her father, she doesn't seem to follow the thread of what the other person is saying, but instead continues her own line of thought about what a good hearted and admirable man he is, as though this is something she often thinks about and reinforces whenever her father is brought up in conversation. She also says that she "does not allow herself to pass judgement on her father", perhaps because if she were to acknowledge the injustice of his treatment of her, her situation would become unendurable. Unlike Andrei, Maria does not have a life outside of her father's household, so although father and son are able to hold a conversation as equals whilst discussing the war, Maria is only able to learn from her father. With the exception of the church, all that she knows she has been taught by him, so will always know less than him, and admires him for the education that he has given her. The teachings of the church only encourage her feelings of gratitude and understanding that her

father did care for her as he put so much effort into her schooling. During his outbursts, her father vents his frustration at her stupidity, so this constant beratement reinforces her feeling of inferiority compared to her father.

Young Nicolai is also in awe of his father, but for entirely different reasons. Having never met his father, he is able to invent an idealised figure to look up to. Before his nightmare, Nicolai had never imagined his father in the form of a person, instead seeing him in a way resembling a godlike presence, not taking on a human embodiment. The fact that Pierre, who Nicolai also worships, struggles to speak about his friend makes his father all the more of a mysterious figure for the young boy. Having probably been recounted the stories of his father's heroism and great accomplishments by princess Maria, a desire was inspired in Nicolai to achieve what he did and more. In the same way as his father did at the start of the novel, Nicolai dreams of praise and greatness, of being loved by all, but especially of doing something that even his father would commend.

Even more of an irrational adoration is that of Nicolai Rostov for tsar Alexander. As he has never met Alexander, he is also able to idealise him as a heroic leader, the same way that young Nicolai Bolkonsky does his father. However, he may also be making up for an underlying lack of clarity as to why so many men, including himself, are sacrificing themselves under the orders of one man. Deep down he is unsure as to why he is risking his life in this war, however by convincing himself of the eminence of his tsar, he is assured that there is a higher authority that is worth dying for. His admiration of Alexander also unites him with the crowd, and he is enraptured by their shared mentality. Rostov reflects on how everyone around him is prepared to carry out whatever the

Tsar orders, and as they cheer together this further intensifies his feelings of reverence.

As Rostov admires Alexander, Andrei looks up to Napoleon for his military genius. However, while Rostov places his hero on an unattainable pedestal of glory, Andrei may also respect Napoleon because he desires for himself the glory that Napoleon is showered with. Andrei acknowledges the unsettling truth that the only thing he wants is the love of people he does not know, that he experiences in reverse through his love for Napoleon. Nevertheless, once he comes to see the insignificance of greatness when faced with the proximity of death at the battle of Austerlitz, his admiration of Napoleon suddenly vanishes. No longer having any desire for glory, he sees Napoleon as a petty man full of vanity, who overestimates his own importance.

At multiple points in the novel, the characters are able to appreciate the beauty of nature because it reflects in them a freedom from their previous way of thinking. As Andrei comes to realise the futility of glory, he is enthralled by the slow movement of the lofty clouds across the sky in comparison to the frantic human action around him. This image conveys to him the permanence of nature compared to fleeting human life, and the power of great leaders no longer seems so vast as nature will remain something that they are unable to control. Descriptions of the sky often mirror the philosophical enlightenments that the characters have undergone, such as when Pierre is enthralled by the comet which he describes to be “perfectly attuned” to his newly melted heart. They are comforted in the way that nature seems to reflect what they have uncovered, and feel distanced from those around them by what nature has chosen to reveal to them. The admiration of nature also provides a mental escape from the situation the characters find themselves in. Whilst the Russian army burns the bridge between them and the French, Rostov is able to distance himself from the horror of the overwhelming agony he witnesses by gazing at the river and sky. For the first time in the novel he reflects on what he has to lose if he dies in battle, and, similarly to Andrei, a feeling of gratitude and satisfaction arises in him for something as simple as the appreciation of a beautiful scene.

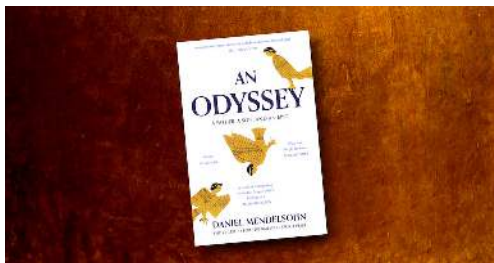
We also see admiration between friends, such as shown by Pierre for Andrei. Pierre looks up to his friend for possessing those qualities that he himself lacks, such as willpower, since he is constantly succumbing to his own impulses. Interestingly, he does not see it as a flaw that Andrei lacks certain dispositions that are present in him, since only those that possess them can understand the negative aspects of those characteristics. Although Andrei is unable to dream like Pierre, he considers this to be a positive trait since he is not constantly lead astray (like Pierre often is, such as in his desire to help the peasants or assassinate Napoleon).

Finally, admired by all is the charming Natasha, who is able to uplift those around her with her lively character. Her animated and energetic nature awakens a feeling of youthfulness in those she is around, such as the countess who is reminded of her own girlhood when watching Natasha at the ball. In the way that a child would, she romanticises the world as she imagines how she could fly into the night when sitting by the window with Sonya, which revives a feeling of freshness in the cynical Andrei. Not only does Natasha have a gift of being easily enchanted by what she sees, but she also wishes to share this appreciation with others, like when she begs for Sonya to come and admire the moon with her. Natasha’s sense of wonder often overwhelms her, but this unrestrained emotion only makes her appear more attractive. Her expressions reveal what she does not say in words, so she is unable to hide what she thinks, and therefore, in contrast to Helene, she is unable to use her charm to manipulate others. In a similar way she struggles to restrain what she says, for example when she asks Andrei whether he likes her singing, however this lack of filter makes her a character who is refreshing to be around. Furthermore, Natasha’s desire to care for others is pure hearted, which is illustrated when she spends the whole evening getting her mother and Sonya ready for the ball rather than herself. Like Maria, Natasha loves everyone, however this is something that comes completely naturally to her and that she finds joy in, rather than being a religious ideal that she strives towards, which in some ways makes it more admirable. As most aspects of her character are, her talents are also unrefined, such as her singing which had a sound of purity to it despite its imperfections. When performing the folk dance, the spirit of the dance comes instinctively to her, which makes it unique. Her unconventional character compared to the

women of society is another feature that draws Andrei to her, and she stands out in many ways, for example being the only woman at the hunt. Andrei admires her all the more for the fact that her charm is distinctive, and does not captivate the attention of everyone the same way that Helene does with her indisputable beauty.

Автор этого эссе англофон. На занятиях Creative Writing School будет интересно и слушателям, для которых русский не является родным языком. Редакции «Паши» особенно приятно сделать исключение из русскоязычного контента журнала и опубликовать это эссе.

Даниэл Мендельсон «Одиссея: отец, сын и эпос».

Рецензия

Анастасия Хохлова

«Как можно путешествовать на большие расстояния, не уходя далеко?» — любил спрашивать герой этой книги, отец автора, тут же сообщая ответ: «Двигаться по кругу». Таков, кажется, метод самого Даниэла Мендельсона, профессора классической филологии, переводчика Кавафиса на английский, точного и пронизательного критика, автора нескольких в очень широком смысле автобиографических книг.

Если сухо, аналитически разложить структуру книги на «круги», плоскости повествования, получится, что она представляет собой: введение в «Одиссею»; рассказ о курсе по ней для первокурсников, который 81-летний отец автора математик Джэй Мендельсон неожиданно захотел посещать; заметки о круизе, повторяющем маршрут Одиссея; историю отношений отца и сына, наложенную на историю Лаэрта, Одиссея и Телемаха. В центре каждого из кругов либо отец, либо сын, либо эпос, все они пересекаются сложным образом, но это не разламывает повествование, Мендельсон плавно и всегда оправданно переходит от одной темы к другой.

Джэй Мендельсон, математик на пенсии, воспитывавший в детях строгость мышления и вкус к трудным занятиям вроде той же математики, вдруг попросил своего сына Даниэла позволить ему присутствовать на занятиях, где с первокурсниками разбирается «Одиссея». Автор, впрочем, не без смущения и страха, хватается за эту возможность, чтобы лучше узнать отца. В описаниях занятий много смешного, когда, например, Джэй обвиняет Одиссея в трусости,

недальновидности, глупости и вообще указывает на то, что ему все время помогают боги. Реакции студентов на книгу и на реплики пожилого человека тоже могут быть неожиданными. Эти части книги помогают читателям, незнакомым с эпосом, узнать про его структуру и про героев, а знатоки получают возможность пересмотреть старые мнения.

Через год после этого Джэй и Даниэл отправляются в круиз, повторяющий маршрут Одиссея. Во время этого путешествия сын видит, как его отец, всегда ригористичный молчаливый ученый, превращается в почти что светского льва, готового петь и танцевать с другими пассажирами корабля каждый вечер. Мысль о том, что его отец, как и Одиссей, *πολύτρολος* — одновременно и «человек, испытавший много поворотов (судьбы)», и «человек многих приемов и хитростей», — точка, в которой пересекаются истории Одиссея и Джэя Мендельсона. Символично, что из-за погоды их лайнер так и не попадает на Итаку.

Одна рецензия не может вместить даже перечисление всех тем, затронутых в книге, там много забавного, пронзительного, глубокого. Но закономерен вопрос скептика: «Зачем мне читать книгу про Одиссея и про какого-то американского критика, пусть даже он самый из них лучший, и его отца?» Потому что книга, как и «Одиссея», как и все книги, в первую очередь, про самого читателя, про то, что каждый из нас стоит в центре и на периферии многих кругов, и все мы *πολύτρολοι*.

Оксана Васякина «Степь». Рецензия

Виктория Клушанцева

Я видела степь из окна самолета. Знаешь, на что она похожа? Степь похожа на жилистый кусок пожелтевшего мяса.

Оксану Васякину называли рок-звездой российской поэзии, а сейчас называют надеждой российской прозы. Она — феминистка и открытая лесбиянка, но активизм ей чужд, все, что ей есть сказать, она говорит в своих произведениях. Ее первый опыт в прозе — роман «Рана» — стал бестселлером, за него писательница получила престижную премию НОС (Новая литературная словесность).

«Рана» написана в жанре автофикшн, когда автор основывается на собственном опыте, но отделяет себя от лирического героя. При этом структурно роман экспериментален и необычен для русскоязычной прозы — классическое повествование перемежается стихами и отрывками из эссе. Героиня возвращается домой с прахом матери, вспоминает детство и сложности в их отношениях — и параллельно выстраивает образ новой себя, имеющей право не только на любовь, но и на боль, обиду и собственное, непохожее на материнское, ощущение женственности и сексуальности.

Можно сказать, что «Рана» и «Степь» складываются в диптих: в своем втором романе Васякина исследует отношения с отцом, с его миром, с миром своего детства. Отец ушел из семьи, когда героиня была маленькой, остался в ее воспоминаниях ярким пятном, человеком-праздником. Они поддерживали слабую связь, и повзрослевшая героиня приезжает к нему на каникулы, чтобы по-настоящему познакомиться, попытаться узнать его и через него — себя. Она надеется,

что отец будет ей близок, надеется, что его дикая природа будет ей ближе, чем скучная бытовая женственность матери.

Но мираж остается миражом: она встречает несчастного, слабеющего от СПИДа мужчину, живущего сложной, нищей жизнью. Терапию он не принимает и ото всех скрывает свою болезнь — все равно умирать, еще и в стыде.

Васякина как-то писала, что видит в России три скрепы — ненависть, нищету и насилие. Я бы добавила четвертую — стыд.

Все это героиня «Степи» в избытке находит в мире отца. Она вспоминает детали из прошлого и понимает, что такой была и ее жизнь, ее детство. Ее отец был связан с криминалом, многие вещи в доме были ворованными, а узнав об измене, он избил и изнасиловал ее мать.

Одна из основных тем в книге Васякиной — разоблачение романтического мифа о девяностых, высвечивание привычного ужаса из тьмы воспоминаний. Героиня постепенно понимает, что, если насилие окружает тебя в течении всей жизни, это не значит, что оно нормально. Но это понимание было возможно только через принятие того, как действительность повлияла на тебя.

«Наблюдая за отцом, я думала, что он мне понятен. Я чувствовала, что внутри меня есть что-то, что нельзя до конца накормить, оно было похоже на темноту, которая только и просила о том, чтобы ее уничтожили.»

«Степь» — это своего рода роуд-муви из мира литературы, в этот раз мы вместе с героиней не проходим, как в «Ране», путь героя, а бежим вперед, как белка в колесе — без цели и без удовлетворения, дорога становится самоцелью, мучительной, но успокаивающей — ведь пока ты не приехал, надежда на счастливый исход еще есть.

Васякина предельно откровенна, она не щадит ни себя, ни читателей, она пишет так, как не принято, описания иногда физиологичны и всегда очень точны.

«Джинсовая ткань была тяжелой, она пахла кофейными маслами и кухней, моей промежностью и потом, на внутренней

стороне были видны кусочки отшелушивающейся кожи.»

Мне кажется, что именно женщины сегодня стали движущей силой российской литературы, и многие из них — Евгения Некрасова («Кожа», «Сестромам»), Алла Горбунова («Конец света, моя любовь»), Вера Богданова («Сезон отравленных плодов») — говорят разными методами, но примерно об одном и том же: об очередном поколении, выращенном женщинами, о насилии, пропитавшем быт, насилии, выросшем, возможно, из беспомощности (потеря привычной жизни вместе с определенностью Советского Союза), но до сих пор не то что не побежденного, но и набирающего обороты.

Помпейские гороги надежды. «Дом Волчиц» Элоди Харпер

Елена Чернышева

Анн и Серж Голон могли бы гордиться — в других декорациях и под другим именем, но Анжелика готова продолжать свое победное шествие по миру и увлекать читателей своими приключениями.

Имя выпускницы филологического факультета Оксфордского университета Элоди Харпер впервые громко прозвучало в литературных кругах в 2016, когда ее роман *The Binding Song*, психологический триллер о расследовании серии самоубийств в тюрьме Норфолк, получил высокую оценку маэстро жанра Стивена Кинга. Бросив даже мимолетный взгляд на биографию Харпер, можно понять, что она знает, о чем пишет. До начала писательской карьеры в качестве журналиста она исследовала изнутри некоторые закрытые общества, в числе которых — Церковь сайентологии.

Уникальное сочетание журналистского опыта и влюбленности в античную культуру, которую Харпер изучала в университете, сделало возможным появление «Дома волчиц» — увлекательного и детально прописанного романа о рабынях в древних Помпеях, мечтающих обрести свободу.

Судьба Амары, главной героини романа, была к ней и жесткая, и жестока. После смерти отца, врача в Греции, матери Амары пришлось продать всё имущество, чтобы расплатиться с его долгами. Дочь, достигшая возраста «на выданье», к такому имуществу тоже относилась. Так Амара перебралась из Греции в Помпеи и стала одной из «волчиц» — латинское название публичного дома

lupānārium происходит от слова *lupa*, обозначающего и волчицу, и проститутку.

В публичном доме жестокосердного владельца Феликса Амара становится участницей настоящей волчьей и разнообразной по всем показателям стаи. Секс для волчиц — унылая, постылая и рутинная работа, а самыми интимными становятся моменты их единения друг с другом. Только в своём узком и закрытом кругу они могут и пожаловаться на хозяина, и вспомнить жизнь, мирное течение которой навсегда перечеркнуто, и поделиться сердечными привязанностями. И, конечно, помечтать о свободе. Но узнать о том, на что готовы волчицы ради неё, мы сможем, только прочитав весь роман.

А точнее, всю трилогию, о чём молчат аннотации. «Дом волчиц» лишь первая её часть. Вторая, *The House with the Golden Door* («Дом с золотыми дверями»), вышла на родине писательницы совсем недавно, а у третьей пока нет даже названия, но, скорее всего, в ней тоже будет присутствовать некоторая локация, знаменующая собой ещё один верстовой столб на пути к вожделенной свободе.

Если вам показалось, что всё это что-то напоминает, вам не показалось — осознанно или нет, но главная героиня «Дома волчиц» как будто повторяет тернистый путь Анжелики, выдуманной Анн и Сержем Голон полвека назад. Только география пути к свободе (скорее, внутренней, чем осязаемой) второй географически шире, чем у Амары и её сестёр по стае, которые были бы счастливы перейти под покровительство любого другого помпейского толстосума, только бы

освободиться от рабского клейма. Однако мотивы все те же — вырваться, найтись, не потерять себя и тех, кто дорог и важен. В декорациях эпох, не сильно дружелюбных к женщинам, сделать это непросто. Впрочем, препятствия, которые подкидывает жизнь прямо сейчас, тоже сложно приравнять к прогулке по ромашковому полю.

И так ли важны эти Помпейские декорации для развития главной героини? Короткий мыслительный эксперимент подсказал, что описанный выше сюжет мог бы вполне органично смотреться на фоне, например, средневекового монастыря или викторианской школы. И, пожалуй, эти заведения даже не обязательно должны быть женскими. Борьба за свободу в социально определенных и предопределенных условиях — мотив, понятный, к счастью или сожалению, далеко за границами античного публичного дома.

История Амары, так же как и история Анжелики, лежит вне каких-либо границ, временных, географических и гендерных. Все

исторические маркеры тут — скорее, условности, которые вполне успешно позволяют автору освободить себя от прямых пересечений с окружающей действительностью и реальными людьми и поговорить о том, что важно именно для нее и как будто напомнить своим читателям, что выход всегда есть.

Элоди Харпер позаботилась о том, чтобы современный читатель следил за Амарой и ее коллегами не менее пристально, чем его предшественники — за выходом новых томов приключений Анжелики. «Дом волчиц» — почти идеальный роман для томных летних вечеров, с ничтожной долей недомолвок и максимумом разнообразных героев, которым и посочувствовать можно, и укоризненно покачать головой при случае (случаи также представлены в ассортименте).

Если заявление на свободу/отпуск уже подписано, но чемодан не вместит все 13 томов приключений Анжелики, а хочется чего-то такого, но другого — «Дом волчиц» станет отличной альтернативой.

Пьер Безухов — герой своего времени

Елизавета Стешова

Пьер Безухов — один из главных героев романа «Война и мир» Л.Н. Толстого. У персонажа Пьера Безухова не было ярко выраженного прототипа, исследователи отмечают, что герой имеет большое сходство с самим писателем и многими историческими лицами. Можно сказать, что Пьер, как представитель своего времени, несет в себе яркие черты эпохи романтизма, которая приходит на смену эпохе просвещения, эпохе разума и рациональности в начале XIX века. Можно даже сказать, что Пьер именно человек переходной эпохи, когда разумная составляющая перестает отвечать на вопросы и запросы интеллигенции, и человек обращается к иррациональным аспектам жизни — аспектам чувств и веры.

В начале романа мы видим Пьера совсем молодым и неопытным человеком, идеалистом, увлеченным идеями французской революции, которая вдохновляла многих в начале XIX века. От других представителей светского общества, с которыми писатель знакомит нас в начале романа, он отличается скорее искренностью, чем наивностью, и добротой, которая является неотъемлемой частью его натуры. Когда он получает наследство, он стремится к преобразованиям, к социальной справедливости в отношении крестьян, к улучшению их жизни из лучших, духовных побуждений.

Идеи преобразований, отмены крепостного права витали в воздухе в начале XIX века, и все прогрессивное дворянство стремилось осуществить эти идеи. Возможно, Толстой хотел выразить в Пьере то, что лежало в основе идеологии деятельности прогрессивного человека XIX века, его внутренний поиск и его разочарование в существующих популярных идеях. Когда преобразования Пьера не приносят тех

результатов, которых он ожидает, герой романа погружается в светскую жизнь. Женитьба на Элен, которая не была осознанным выбором Пьера, вращение в великосветских кругах, где Пьер остается непонятым — все это становится для него болотом, со своими условностями и правилами, которые тормозят интеллектуальный и духовный поиск главного героя. С другой стороны, неразделенная любовь к Наташе Ростовой, которая впоследствии становится его женой (и здесь проявляется осознанный выбор героя) — можно сказать, что это чувство ведет Пьера, как маяк, на пути к обретению родственной души, после того как он проходит этап внутреннего становления и взросления.

Когда неприятель (француз) подступает к Москве, и происходящее в мире начинает касаться лично Пьера, он, как человек мыслящий, изо всех сил пытается понять и принять происходящее. Он едет «просто посмотреть» на Бородинское поле, и его зеленый фрак и белый цилиндр очень ярко свидетельствуют о том, насколько Пьер в своих рассуждениях ментально далек от происходящего в мире. Присутствие на поле боя и последующий французский плен, т.е. столкновение с реальностью в одном из самых страшных ее проявлений, приводит Пьера к глубинному пониманию законов жизни, которые невозможно постичь разумом и знанием. «Он не постигается умом, а постигается жизнью» — сказал ему Осип Алексеевич Баздеев, один из самых известнейших масонов, при их первой встрече на станции в Торжке, и эту фразу, я думаю, можно применить ко всему духовному поиску Пьера, этап которого завершается обретением внутренней гармонии и веры.

Для того, чтобы духовно вырасти под гнетом обстоятельств и происходящих событий, необходима внутренняя стойкость и сила. Может быть, поэтому отец Пьера, граф Безухов, оставляет наследство именно ему, отдавая в распоряжение очень мощный инструмент влияния — деньги. В конце романа мы видим Пьера деятелем, реформатором, который стремится к преобразованиям. И, возможно, вклад подобных Пьеру людей, которые существовали в российском обществе, принесли бы свои плоды. Позволю себе предположить, что междуцарствие, возникшее в 1825 г., и последовавшее за ним восстание

декабристов, которое повлекло за собой суд и ссылку многих выдающихся деятелей, привело к невозможности каких бы то ни было преобразований в конструктивном, реформаторском ключе на несколько десятков лет. Но конечно же, это тема для отдельного изучения.

Иллюстрация: кадр из фильма «Война и мир», 1967 год

Эссе по роману «Война и мир» Л.Н. Толстого

Дарья Фомина

*Тут дьявол с богом борется, а поле битвы
— сердца людей.*

Ф.М. Достоевский

Хотелось бы начать эссе с довольно знакомого постулата, который определил некоторые вехи истории — всякая борьба заканчивается в пользу того, кто всеми силами чего-то не хочет. Оккупации, концлагеря, колонии. Эту мысль в 20 веке утвердили несколько авторов, которые сами воевали в Первой мировой войне, укоренилась она во времена фашистской Германии.

В «Истории одного немца» Себастьяна Хафнера мы находим предположение, что немцы сами захотели проиграть войну, потому что простого немца — фермера, слесаря, служащего, — передергивало от ужаса, который вокруг происходил. Простой немец не захотел такого порядка.

Толстой в «Войне и мире» подступает к этой мысли, полностью её не высказывая. От чего это зависит, почему он её не высказал, не совсем понятно, так как намёк ясен, и он прослеживается в действиях и поступках одного персонажа — Пьера Безухова. Молодой Пьер хочет блага для всех. Он также полон размышлений о своей судьбе, его интересует, в чем заключается его предназначение. Пьер жаждет деятельности. Как и многие просвещенные и образованные люди его времени, Пьер ослеплен личностью Наполеона. Что пробуждает любовь к Наполеону у миллионов образованных людей? Почему его военные успехи и стратегии не дают покоя многим? Наполеон из обедневших

дворян, корсиканец. В детстве он много страдал по поводу своего роста. Его не любила французская знать, а офицеры и солдаты были буквально ослеплены его обаянием. Военный успех Наполеона поразителен. Сделать Францию великой державой — не это ли высшее искусство? Молодой Пьер окрылен очередным Македонским и, конечно, примеряет на себя эту роль. Пьер готов почти на все, даже присягнуть Наполеону.

Что стало переломным моментом? Почему Пьер разуверился в своем кумире? Впрочем, он разочаровался почти во всем, кроме семьи и ее ценностей. Могут предположить, что тем моментом, который изменил Пьера, стала не сама война, тем более что он не мог понять, почему русский солдат не идет сдаваться сам французскому императору, а поле боя. Поле боя — это всегда кровь, грязь, смерть, покалеченные тела, непростые условия, невозможность размышлять, когда надо спасти свою жизнь. Жизнь — единственная ценность, вот что понимает Пьер, стоя на клочке разоренной земли, только ее нужно отстаивать. Из истории Отечественной войны 1812 года известно, что на француза выходили простые крестьяне, кто с палкой, кто с лопатой. Другого оружия у них не было, а себя защитить надо. Свою жизнь. Кто всеми силами чего-то не хочет, тот и выигрывает любой бой, который продолжается всегда. Всякий час каждый из нас решает непростой вопрос — кто я, на чьей стороне, что мною правит — божье или дьявольское?

Иллюстрация: кадр из фильма «Война и мир», 1967 год

20 страниц в особо крупном

Татьяна Никоненко

В силу того, что договор о выдаче между Россией и Мексикой недействителен, Правительство Российской Федерации предоставляет следующие гарантии:

1. Что, по завещанию, Правительству Российской Федерации Федерация также готова выдать лиц, преследуемых Мексикой и находящихся в изгнании в Российской Федерации.

Завещание. Изгнание. Все же с испанского лучше на английский, а потом уже на русский.

2. Журавлева Маргарита Валерьевна будет представлена в компетентный суд, установленный законом, чтобы он был обвинен в судебном процессе, чтобы его можно было судить и приговорить с соблюдением формальностей закона.

Формальности закона.

Или формальность закона.

Именно так. Не страшно тебе, Яндекс Переводчик, такое говорить сейчас?

Уже одиннадцатая страница.

— Давай руку, буду держать ее, пока не уснешь.

— А потом отпустишь?

— Посмотрим.

Моя первая ночь в отдельной комнате от родителей. С сестрой. Прямо передо мной фотообои во всю стену с полем желтых маленьких цветов. Я помню фотообои из-за фотографии — я в черном, набитом поролоном ободке сестры. Голова из-за него становится больше, вытягивается, на висках остаются впадинки, когда снимаешь. Зато красиво.

С надкусанным яблоком в руке, в своем любимом желтом платье с воланами.

Улыбаюсь криво, щека натянулась на жадный кусок яблока. Сестра же как модель: белая блузка в джинсовой юбке, волнистые из-за ночных косичек волосы, и в ободке. Много ободков у сестры. Смотрит прямо, улыбается снисходительно. Старше меня на восемь лет.

Мне очень нравится сиреневый зайчик с морковкой, которого ей, большой, подарили на день рождения. Она мне его не дает, потому что я испачкаю. Я пробираюсь иногда поиграть с ним, только не даю ему кушать, в отличие от остальных мягких игрушек. Не испачкаю.

3. О том, что Журавлева Маргарита

ТАШНЯ Валерьевна будет защищена и обеспечена

средствами правовой защиты в любом случае, даже если она уже была осуждена заочно законодательством вплоть до смертной казни или любой из мер, указанных в статье 22 Конституции, будет применяться только тюремное заключение или иная менее серьезная мера наказания, установленная законодательством для данного случая, либо непосредственно, либо путем замены или замены...

Смертная казнь.

Блять.

Замены или замены.

Баз машинного перевода я бы пробиралась вечность через эти двадцать страниц.

Смертная казнь. Блять.

— Ты где была, елки-моталки? Мы успели уже все прибрать без тебя! — перегородила вход сестра.

Я загораживаю себя пустым мусорным ведром. По дороге мне встретилась подружка, и я вернулась только через полчаса.

— Мы кто тут тебе? Слуги твои? Как можно быть такой ленивой?!

Я молчу, ведро тоже.

— В следующий раз опять заявишь, что живот болит, небось?!

Я молчу. Живот только что свело.

Сестра старше меня на восемь лет.

В статье Закона о международной выдаче указываются документы и доказательства, необходимые для обоснования выдачи заявителя существо процедуры; определяется в соответствии с пунктами и Закона о международной выдаче в 245 25, в остальном с положениями национального Уголовно процессуального кодекса.

— Бедная моя девочка, выздоравливай скорее. — Сестра у моей кровати, гладит мою руку. Играет в маму. Я подвигаю руку ближе к одеялу. Незаметно спрятать.

Вчера она разрезала черную с розовыми и фиолетовыми звездами кофту из Германии. Эту кофту похвалила даже Ленка. Звезды развалились на разрезе. Она хотела жакет. Не получилось. Она сложила ее обратно. А может, и не вчера разрезала. Вчера я хотела в ней идти, когда приедут эти, из другого района, на велосипеде. Не пойду теперь совсем.

Плакала.

Плакала бы сильнее, если бы котенок не обделался на ее новую голубую с розовым футболку, которую я взяла погонять, тайно, конечно. Она меня полнила и совпала с диареей подобранного нашим обществом по защите животных котенка.

Мама постирала, чтобы оставить меня в живых. Пронесло меня, ну и котенка, конечно.

Сестра старше меня на восемь лет.

Ее участие в домашнем уголовном процессе позволяет установить что заявительнице было известно о продолжении расследования в отношении нее и поэтому покидая ее страну, считается что это обстоятельство представляет собой презумпцию для контрольного судьи о том что, в случае предоставления ей свободы она может быть освобождена из под контроля.

Здесь, наверное, под “освобождена из под контроля” имеют в виду “сбежать”. Ну да, понятно.

— Да вы меня вообще из своей жизни исключили!

— Как это?

— Да хоть раз бы позвали с друзьями потусить, а то я что, старая слишком или что? Или не хотите меня видеть? Так, с родственниками, из вежливости? Думаешь, я не вижу?

— Да как же, эм. Да ну нет. — Я теряюсь, даже и не думала, что ей это важно. Потусить с нашими с братом друзьями, ей? — Блин, мы просто не думали, что тебе это может быть интересно. Обязательно позовем в следующий раз.

Я зову, но она не приезжает. Обе вздыхаем с облегчением. Последняя наша встреча с женой нашего брата походила на допрос. А если я опять услышу историю, как я притворялась, что у меня живот болит.

Или эту — эпичную — про навоз.

Заманила. Мои новые сандалики заманила. Я даже груши не хотела есть, но пошла посмотреть. И брат не остановил. И вот я уже, как и они двое, провалилась в удобрение под деревьями. И воняю. И сандалики не видно. Они по щиколотку, а я по колено. Сестра старше меня на восемь лет, брат на четыре.

Я плачу. Она смеется. Брат молчит. Еще сильнее плачу. И им уже стыдно. И успокаивают меня, пока папа заворачивает нашу обувь в пакет. И в мусор.

Ходатайствовать об отказе в выдаче заявителя в связи с обновлением сценария предусмотренного в Части II 7. статьи Закона о международной выдаче.

Отказывать. Отказывать. Хоть бы отказывать.

— Мне так понравилось, спасибо, что позвала, надо чаще выбираться.

— Да, очень крутой мюзикл получился. И эта сцена с поездом и Анной в конце, подумай только, как сложно ее воплотить, а тут, захватило.

— Хочу, чтобы ты стала крестной Насти. Хорошо?

— Я?

— А кто же еще, как не ты, сестренка?

Сестра ослепительна красным платьем, красной помадой, красным лаком и своей красотой. Я тоже наряжалась, но ни в какое сравнение с этой Карениной. У нас фигуры одинаковые, только меня за уголок потянули, а потом вширь еще. Я выше, и толще, и кокетства во мне меньше, как и нарядов меньше, и макияжа, и яростного стремления блистать успехом и богатством. Я на метро в сапогах-валенках и платье шерстяном. Сестра в туфлях, шелке и с клатчем. Ворвалась после третьего звонка, с парковкой были проблемы на Тверской.

Мы с сестрой погодки.

Почтительно, 3 Статья 26. Судья на основании данных официального запроса о выдаче личных обстоятельств и тяжести преступления о котором идет речь может предоставить заявителю по его просьбе

освобождение под залог на тех же условиях на которых он имел бы право в случае совершения преступления на мексиканской территории.

Почтительно. А почему же не предоставили под залог?

Непочтительно, совсем нет.

— Где она?

— В комнате, в кровати. Ты как добралась-то сюда? — Муж сестры встречает с покрасневшими глазами.

Я иду по большой лестнице, по тихому дому с окнами в два этажа. В спальне темно, она под одеялом, смотрит в стену. Сбрасываю звонок от коллег. Ведь я же отпросилась. Сажусь и глажу, она отворачивается.

— Сестренка, ты такая крутая женщина, слышишь? Ты так много чего достигла! Слышишь, да ты вообще супервумен! Я тобой восхищаюсь.

— Моя жизнь кончена, все кончено, я хочу умереть. Ты не понимаешь, я реально хочу умереть. Я забралась на мост вчера, смотрела вниз. Потом на меня кто-то закричал, я убежала. Думаю, может, лучше в воде.

— Надо бороться, ради себя, в первую очередь. Ведь ты такая умная, так много значишь для нас.

— Они на меня, знаешь, как смотрели? Как будто я и не человек вовсе, понимаешь? Как будто я тварь. Орали. Говорили, что детей заберут, что я всю жизнь за решеткой проведу. Ты не представляешь. Я туда не пойду, не пойду никогда больше. Я умру лучше. У меня сердце там прихватило. А они орали и дальше. Издевались.

— Вот уроды! Это ужасно, ужасно страшно, я не представляю, каково это. Поплачь. Плачь, сколько нужно, плачь, я рядом. Помнишь сказку про безрукую девицу? Руки отрастут, только не будь одна, не надо.

Младшая сестра плачет у меня на груди.

Одного лишь факта что запрашивающее государство направляет соответствующую просьбу, другому запрашиваемому государству недостаточно для того чтобы лицо было передано поскольку такая просьба может быть удовлетворена или не удовлетворена запрашиваемым государством в силу соблюдения конституционных или правовых норм а также в соответствии с обязательствами в соответствии с международными договорами, и конвенциями в этой области.

— Я в Париже, можешь мне порекомендовать, где найти жилье здесь?

— Как в Париже?

— Прилетела только что, мне сообщили, что дома обыск.

— Обыск? Что за черт! Париж, блин, дорогой, трудно найти жилье.

— Буду ходить на выставки и рисовать, я решила.

— Лети в Португалию, там дешевле. Сейчас найду контакт девочки знакомой, она говорит по-русски, может, поможет. Блять, что за пиздец!

В рассматриваемом случае возникает вопрос о пассивной экстрадиции Журавлевой Маргариты Валерьевны, запрошенной Правительством Российской Федерации таким

образом экстрадиционные отношения регулируются мексиканским законом О международной экстрадиции который регулирует процедуру экстрадиции и формальные требования, которые должны быть выполнены в отсутствие двустороннего Договора.

— Привет, Нина. Рита прилетит к тебе завтра в Марсель. Сможешь принять? Скинь все детали: адрес, телефон. Она сама все расскажет. И это, ты там с ней поаккуратнее, она беременная.

— А дети где?

— Дети в Болгарии с моими родителями.

Заявителю предоставляется право на обеспечение слушания и предоставляется до дней 3 для того чтобы воспользоваться любым из исключений предусмотренных в статье Закона о 25 международной выдаче

— Так, ты сядь, пожалуйста, и не свети тут своей персоной.

— Ну я просто помогаю, я же понимаю болгарский немного.

— Садись, я сама пойду помогать. — Я смотрю на нее строго. Тщательно подобранная одежда, скрывающая беременность на седьмом месяце, не поможет, если сестра и дальше будет ошиваться на стойке выхода на посадку во Франкфурте. Сотрудники Condor хотят снять с рейса женщину из Болгарии, нам еще не хватало, чтобы и нас с ней сняли.

— Хорошо, — наконец-то допетривает она и садится. Я даю ей бутылку воды и иду разбираться с болгаринкой.

Хоть бы получилось пройти паспортный контроль в Мексике с таким-то животом. Тогда, тогда жизнь с чистого листа. Она там надолго, я временно. Помогаю младшей сестре.

Передача заявителя по уведомлению Министерства внутренних дел осуществляется Генеральной прокуратурой республики уполномоченному персоналу государства добившегося экстрадиции.

— Ты знаешь, я чувствую себя немного женщиной-бабочкой тут, ля марипосой, я как будто наконец-то вернулась к своим корням, представляешь, здесь, в Мексике? Тело мое не болит, я рисую, танцую, пою. Я счастлива. Спасибо тебе, сестренка, что была со мной все это время.

— Ой, сестренка, я так рада, что все наладилось. А кто это у вас там лает?

— Ой, да, у нас тут появился кое-кто.

— Наконец-то Насте собаку купили?

— Ну, не совсем купили, короче. Вот.

Сестра неожиданно переводит камеру с маленького бульдожки на улыбающегося абсолютно по-бульдожьки мужчину. Широкие скулы, смеющиеся глаза.

— Ола, Нина!

— Нина, знакомься, это Пабло. Ну, в общем, это, мы вместе уже три месяца.

— Что? Вау! Ола, Пабло! Фелисидадес!

— У нас любовь, ты не поверишь, такая сильная. И он детей всех принял, как своих.

Возится больше, чем я.

У заявителя будет 20 дней чтобы, доказать свои исключения, которые могут быть продлены.

Исключения.

Я набираю 123.

Автоответчик: “Алло, Нина, алло? Блин, Нина, ну что же ты”.

Шорох. Неразборчивая испанская речь. Тишина.

Опять пропустила звонок.

Единственный звонок, который положен ей в день.

Я пропустила.

Безмозглая тупица.

Как так?

Если запрашивающее государство пропускает срок в шестьдесят календарных дней со следующего дня когда, запрашиваемое лицо остается в его распоряжении оно вновь освобождается и не может быть вновь арестовано или передано самому государству за то же преступление, которое послужило, основанием для просьбы о выдаче.

Не может быть передано за то же. Хоть бы сейчас это кончилось.

— Алло, Нина, алло!

— Да, Риточка, привет, привет моя родная, любимая!

— Алло, ты слышишь?

— Да, да, говори, как ты?

— Ой, не очень. Меня клопы покусали, все вспухло, колят теперь уколы. Тут столько клопов.

— Ужас какой, ужас.

— Я сплю под столом, народу куча в камере, но уже лучше, в первой камере мы вообще друг у друга на голове спали.

— Под столом? Подожди, почему под столом?

— И матрас у меня тонкий, который купили. Холодно поэтому и сыро. Здесь холодно и сыро.

— У вас что, даже матрасов не было?

— Меня пытались побить сегодня венсуэлки. Тут одни наркоторговки, не знаю, что я им тут не понравилась. Блондинка, может.

— Господи, побить?

— Но ты не переживай, родителям скажи, чтобы не переживали. Я нормально. Держусь. Я тут медитирую постоянно, спортом занимаюсь, читаю и книгу пишу, как ты, напишу книгу. Еще понос постоянный от еды, похудела.

— Бедная моя сестренка! Я постоянно о тебе думаю, я когда в море плаваю, шлю тебе энергию, и вот сейчас заката, и думаю о тебе постоянно, постоянно, слышишь? Шлю тебе мои силы. Мы тут все документы собираем, переводим, с Пабло постоянно на связи.

— Да, да, я чувствую. Продолжай и представляй, как мы вино пьем на свободе, когда это все кончится. Французское. Ты как чувствуешь? Все же должно хорошо кончиться? Но я готова, готова к любому уже исходу, лишь бы кончилось.

— Я очень надеюсь, Риточка, очень надеюсь, сестренка.

— Нет, не надейся, а представляй и не сомневайся. Ладно, у меня уже все деньги съело, во Францию дорого звонить. Скажи родителям, я их люблю, и о выкидыше возьми справку, найди, постарайся, милая. И всем передавай, что я их люблю. И все будет хорошо, я чувствую!

— И мы, мы тебя любим!

Нина, здравствуйте! Простите, что отвечаем с задержкой, надеемся на ваше понимание, у нас очень много обращений. Я сейчас буду не про закон, ибо закон в РФ не работает. Сейчас будет практика и жизненный опыт.

Скорее всего ее экстрадируют. И приговор оставят без изменения, то есть срок 3 года лишения свободы есть и его вряд ли отменят, потому что против нее будет факт — скрылась от суда и наказания.

Что можно сделать здесь в РФ: ...

Глаза болят от сканирования, перевода, перепечатывания документов. Дело из семи томов. Ордер на арест. Выписки.

Я крестная мать. Она мать троих. Три года. Три года без матери из-за жалких и возвращенных бумажек? Смешно, что эта сумма зовется особо крупным размером. Для кого с такой-то инфляцией?

Тут сжигают своих жен, руки отрубают и выходят по УДО или условные. А она. Три ебучих года. Кому заботиться о детях, мне, родителям? Что будет делать бывший муж? А если он больше их никогда ей не отдаст? Вышедшей на свободу после трех лет тюрьмы.

Женщине в России или так — женщине в россии. Без дома, без денег. С имуществом, переписанным на брата бывшего мужа.

Ля лоба, помоги.

Министерство иностранных дел с учетом материалов дела и заключения судьи в течение двадцати дней выносит решение о предоставлении или отказе в выдаче и в том же, соглашении если таковое имеется выносится решение о передаче предметов. Если принимается решение об отказе в выдаче то запрашиваемое лицо незамедлительно освобождается.

Незамедлительно освобождается.

незамедлительно освобождается.

Освобождается не-за-ме-д-ли-те-ль-но. Освобождается. Незамедлительно.

Освобождается к детям. Трем. Незамедлительно. Младшему нет еще и трех. Незамедлительно к старшей на начало пуберата. Незамедлительно к средней, маленькой копии мамы.

Освобождается. Освобождается она. И я. И наша семья.

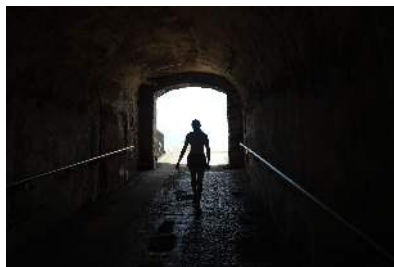

Незамедлительно.

Ждать 2 дня. И еще 20 дней. И еще 5.

Освобождается моя сестра.

Незамедлительно.

В БАР?

Евгения Кашапова

Каждый вечер, возвращаясь с работы домой, я шла вдоль трамвайных путей по улице Живописной, смотрела на блики солнца в бесконечном количестве шуршащих на ветру листьев и плакала. Стоило мне выйти из метро, как слёзы предательски катились из глаз и, соединяясь в струйки на щеках, снова падали на капли, чтобы удариться о ключицы. Я плакала обо всём и сразу: несчастной любви, нереализованности в профессиональном смысле, финансовых трудностях, брошенных животных, старушках с протянутой рукой, натёртых мозолях, ускользнувшем в последний момент трамвае и просто так. Когда я оказывалась дома, вокруг губ образовывалась набухшая красная линия, а глаза стекленели от новых слёз. Я избегала со скоростью света на четвёртый этаж пятиэтажки, в которой я снимала квартиру, пятиэтажки, которая тонула в тех же сверкающих в солнечном свете листьях, и медленно сползала по двери вниз — на пол в прихожей. Теперь, когда меня никто не видел, я рыдала на полу, и мне было страшно, что в моём существовании совершенно нет никакого смысла.

«Биполярное расстройство проявляется, как правило, с депрессивного эпизода. Оно может начаться и с эпизода мании — не путать с манией величия — но пациенты чаще обращаются за профессиональной помощью в период депрессии. В мании или гипомании человеку не нужна помощь, потому что всё в его жизни видится крайне многообещающим. А вот в депрессии жить совершенно не хочется, поэтому многие прощаются с жизнью или, в лучшем и вашем случае, обращаются за помощью».

Я сидела в кабинете психиатра и слушала её очень внимательно. Мне казалось, что этой

женщине с плохими шутками и причёской из девяностых не стоит доверять. Я, конечно, посижу и послушаю её, но пить таблетки, которые вызывают почти наркотическую зависимость, точно не буду. В конце концов, причина моей депрессии легко объяснима и другими факторами: безответная любовь, творческая нереализованность, долги, нищенское существование пожилых людей, жестокое обращение с животными, натёртая мозоль, закрытые перед носом двери трамвая. Надо решать проблемы, чтобы почувствовать себя лучше, а не пить таблетки, чтобы заглушить все чувства. К тому же, я могу драматизировать, рассказывая о своей жизни. Я же склонна драматизировать с самого детства, это известный факт обо мне. Папа любит вспоминать, как я орала на весь трамвай, когда меня везли в садик, потому что колготки смялись и комочком давят на стопу при каждом шаге. Короче, всё не так плохо в моей жизни, как я рассказала, грущу я по объективным причинам, а на приёме просто ввела врача в заблуждение.

После первого приёма у психиатра я на несколько месяцев забыла о диагнозе, потеряла рецепт на таблетки и решила всерьёз заняться своими проблемами. У меня появилась какая-то внутренняя сила, чтобы пойти к психологу и разобраться в том, что мрачный оператор-постановщик, который снимает и пишет о смерти и которому плевать на меня, нравится мне так сильно лишь потому, что напоминает мне дядю, с которым я дружила, когда мне было тринадцать, пока он не повесился; я придумала и сняла документальное кино про измены и про принятие себя, которое получило, наконец, позитивный отклик в индустрии; разобралась с кредитами и завела кота; даже на бабулю без ног, которая убирала снег лопатой перед крыльцом церкви, я взглянула под другим

углом. Да, у неё нет ног, но она продолжает действовать, пусть медленно, но она чистит дорожку перед церковью, а потом отдыхает и пьёт из термоса горячий чай. Она при деле, на её лице нет признаков отчаяния. Мне грех жаловаться, если есть такие примеры вокруг. Я не больна, просто запуталась, а теперь распуталась и снова могу жить.

Я продолжила разбираться с проблемами, меня не волновало, что на месте старых и решённых появлялись новые. Удивительно! Как будто весь мир был на моей стороне, и я могла достичь всего, чего захочу. Даже написать сценарий игрового кино. Мысли скакали, словно бешеные белки. Я представляла их, как облако тегов вокруг моей головы. Мне было просто перескакивать с одной на другую. Настораживало лишь то, что в логичном рассуждении на любую тему вдруг появлялись совершенно не относящиеся к процессу факты или суждения.

«Переход от депрессии к гипомании или мании (и обратно) называется смешанным состоянием. Оно опасно тем, что у пациента ещё сохраняются депрессивные мысли, но уже появляются силы, чтобы реализовывать планы. В смешанных состояниях пациенты чаще всего решаются на суицид. Самое важное в этот момент не бросать терапию, соблюдать режим, принимать медикаменты, исключить все вредные привычки.

Из режиссёрского дневника:

Локация: хипстерская квартира в центре Москвы.

Время: вечерний режим.

Вечеринка. Женя пьёт какой-то по счёту бокал вина, разговаривает с симпатичным парнем. Пока он говорит, она смотрит на его телефон, который лежит на перилах, и ей хочется столкнуть телефон в пропасть.

ЖЕНЯ (голос за кадром)

Что тогда будет? Он подумает, что я сошла с ума? Такое простое действие — просто взять и смахнуть телефон. Что меня останавливает? Рамки приличия? Соверши я это простое действие, и сценарий вечера изменится кардинально. Сначала он будет в шоке, а я посмотрю вниз и увижу, как части телефона разлетаются по асфальту. Когда я подниму взгляд, парень разморозится и начнет кричать на меня или привлечёт внимание других гостей. И что тогда? Проверить?

Звонок вырывает Женю из фантазии. Телефон уже не на перилах, а между его симпатичным ухом и не менее симпатичным плечом. Она снова выпила слишком много. Настроение резко меняется в минус.

«Биполярное расстройство часто сопровождается алкогольной, никотиновой и наркотической зависимостями. Запустить фазу расстройства могут: нарушенный режим сна, травматическое событие, беременность, злоупотребление запрещенными веществами».

В то утро, когда я проснулась и увидела порезы на предплечье, но не смогла вспомнить, откуда они, я решила, что больше не буду пить алкоголь, что это — зависимость, и её надо лечить. Я снова оказалась на приёме, только уже у другого психиатра. Милая на вид женщина принимала в специальном центре, а не в кабинете при стоматологической клинике, как прошлая, смеялась через каждое предложение и мягко подводила меня к тому, что диагноз всё-таки есть. Я не драматизировала при рассказе о своём прошлом, наоборот, старалась перечислять только факты. После приёма я сразу же начала гуглить: «кому прописывают нейрелептики?» Увидела слова: «литий», «психоз» и «лоботомия» и закрыла страницу Википедии. Лучше последую совету психиатра и не буду читать о диагнозе, потому что, по её уверениям, я запомню только: «А потом она умерла».

Страх потерять контроль и оказаться в специальном учреждении стал паническим. Я не верила в диагноз, но использовать

лекарство, чтобы успокоиться, мне казалось логичным.

Из дневника на нейролептиках:

Приняла половину от 25 мг сероквеля. Через час на прогулке фонарь у Перекрёстка превратился в стробоскоп, а ноги — в вату. Еле смогла добраться до кровати. Спала двенадцать часов. Утром случилась вспышка агрессии. Через пять минут я её осознала и попросила прощения у арендодателя за грубости в переписке.

В моём облаке тегов появился тезис про заговор фармкомпаний. Как можно вообще проверить, есть ли у тебя биполярное расстройство? Это же не перелом. Приходится доверять странноватым людям, которые говорят с тобой пару часов, а потом выписывают горы таблеток. Я решила сравнить себя с другими обладателями БАР.

Из режиссёрского дневника:

Локация: центр психического здоровья.

Время: вечер.

В небольшой комнате для приёма пациентов на стульях, расставленных по кругу, сидят несколько человек разных возрастов. Психиатр, ведущий группу, ударяет в маленький гонг и медленно обводит взглядом всех участников. Камера движется по кругу, изображая движение его глаз.

ЖЕНЯ (голос за кадром)

Что я делаю среди этих людей? Я же не сумасшедшая! Почему у меня на одежде бейджик с именем и мы все сидим в кругу и рассказываем о своих сомнениях? Это всё

похоже на собрание анонимных алкоголиков. Надо уйти прямо сейчас!

Камера останавливается на Жене.

ПСИХИАТР

Женя, расскажите вашу историю.

ЖЕНЯ (тихо)

Кажется, у меня БАР, но я не уверена. Два психиатра поставили мне БАР второго типа, но не могу точно утверждать, что он у меня есть. И я не хочу пить таблетки.

Все понимающе кивают.

ПСИХИАТР

Сомневаться в диагнозе или целесообразности приёма препаратов нормально, это — тоже симптом. Когда нам становится лучше, мы сразу же перестаём верить в то, что у нас может не хватить сил сохранять душевное спокойствие без таблеток. Нам кажется, что мы сами спокойно справимся. Многие перестают пить таблетки после первого улучшения и очень быстро возвращаются в то же депрессивное или маниакальное состояние, только заставить себя снова попросить помощи становится намного сложнее.

Локация: центр психического здоровья, туалет.

Время: вечер.

Женя смотрит на своё отражение и долго дышит. Она использует специальную технику дыхания, чтобы успокоиться: вдох на два счёта короче выдоха. В какой-то момент отражение Жени начинает вдыхать, когда она делает

выдох и выдыхать на её вдох. Женя пугается, резко выключает свет и выходит из туалета. Склейка по звуку закрывающейся двери.

Я всегда боялась, что таблетки лишат меня возможности писать, снимать кино или как-то связно мыслить. Но, когда в моей жизни появился страх потерять контакт с реальностью, пришлось выбирать хоть какое-то спокойствие, пусть даже медикаментозное. Через какое-то время я заметила, что пишу гораздо больше и не отвлекаюсь. Я начала смотреть на биполярное расстройство с другой стороны. Возможно, оно мешало мне сосредоточиться. Я писала в мании, а редактировала в депрессии. В итоге ничего связного и законченного не получалось. Теперь в моих текстах появилось очень много размышлений именно о БАР, но сам процесс письма приносит удовольствие. Мой внутренний критик принял седативное.

Из дневника на нейролептиках:

Дозировка: 50 мг. Совершенно невозможно проснуться, сон длился не менее десяти часов. А ещё, если утром не выпить кофе и мало двигаться, застываешь в одной позиции, как цемент, и не можешь заставить себя изменить положение. Вроде такое простое действие — передвинуть руку или повернуть голову, но тело не хочет тебя слушать, пока ты не приложишь особое усилие мозга. Все видится покадрово.

Чем больше я лечилась, тем больше верила, что больна. Я начала читать про более серьёзные расстройства с точки зрения потери контакта с реальностью. Шизофрения требует особенного подхода. Когда человек теряется в мирах, слышит голоса и может причинить вред окружающим, его действительно следует успокоить, но что делать с теми, кто просто внутри переживает подъёмы и спады? Разве это не есть человеческая природа? Разве каждый из нас не должен сам найти к себе подход и разобраться со своим настроением без нанесения вреда организму серьёзными медикаментами? Заболевания малой

психиатрии предполагают, что психика человека подвижнее, чем у большинства. Мы просто всё острее чувствуем, но это может быть и преимуществом. Нет?

Из дневника на нейролептиках:

Дозировка: 100 мг. Сон сократился до девяти часов. С утра занимаюсь йогой, это помогает избежать вспышек агрессии. Вчера пила вино. Сегодня как-то тревожно весь день.

С детства я знала, что меня ждёт какое-то большое испытание. Я думала, что у меня обнаружат рак, и я героически его переживу или ещё более героически умру, но все запомнят, как я страдала внутри себя и не мешала своими страданиями окружающим. Когда я осознала, что являюсь носителем того же диагноза, что и Вирджиния Вульф, это как-то приблизило меня к ней. Глупость, конечно, но я по-детски успокаивала себя своей же уникальностью. Чтение бесконечных исследований биполярного расстройства среди гениев было хорошей подпиткой.

Люди искусства — это чувствительная плёнка, которая фиксирует малейшие изменения этого мира и легко рвётся. Неужели это не здорово, что есть такие люди? Почему мир пытается снизить чувствительность их сейсмометров?

Было бы неплохо, если бы Вирджиния Вульф не наполнила карманы пальто камнями и не зашла в реку. Если бы она пила нейролептики и просто перестала бы думать о суициде, изменилась ли её проза, написала бы она больше? Хочется верить, что да. Курт Кобейн и его вечные проблемы с пищеварением, физическая боль и депрессия, — это неотъемлемая часть его стихов и музыки? Кафка и его отказ от еды, вечная драма и сомнения по поводу качества собственной работы. Ван Гог и голод. Достоевский и холодная петербургская квартира. Страдание — это часть таланта? БАР — это часть личности?

Легко заиграться и превратить диагноз в подтверждение собственной гениальности. Гордость моя росла, пока я не столкнулась с информацией, что БАР страдают до двадцати одного процента людей в мире, и лишь десяток из них — великие творцы. Тогда моя надуманная особенность превратилась во что-то, похожее на остеохондроз, который тоже делает людей с этим диагнозом в каком-то смысле уникальным. Мне просто нужно учесть свои особенности, встроить их в рутину и жить дальше.

Из дневника на нейролептиках:

Дозировка: 150 мг. Выспалась за восемь часов, но весь день туман в голове. Исключила сигареты, с алкоголем, конечно, сложнее. Решила оставить себе возможность выпить бокал хорошего вина пару раз в неделю за ужином. Вроде неплохо сочетается с такой дозировкой.

Я начала перебирать события из прошлого и пытаться выяснить, что из них сотворила я, а что — симптомы болезни. Это я

такая смелая, что поехала в США и прожила там практически год, хотя обучение длилось всего два месяца, или это мания, которая отключила режим безопасности и оставила меня там нелегально? Это я или мания иногда забываем о времени и можем всю ночь монтировать проект, чтобы самой понравилось, а потом ещё день спокойно работать? Это я или депрессия видим всю несправедливость мира и страдаем так, что порой тяжело встать с постели и съесть что-нибудь? Это я или депрессия физически чувствуем боль, если слышим об изнасиловании, и потом часами не можем прийти в себя?

Отделять биполярное расстройство от личности — бесполезно. Бесконечное скитание по галерее воспоминаний привело меня к первой встрече с психиатром. На вопрос о том, что у меня за диагноз, она ответила, что это — неважно. Что-то мешает мне жить так сильно, что я обратилась за помощью, значит, нам есть над чем поработать.

Из дневника на нейролептиках:

Дозировка: 200 мг. Норм.

В преггверии разлуки

Татьяна Петрова

— Мам, что мне делать?

— Ну что, разведешься, как все разводятся. Только сначала надо с ним поговорить.

Мы сидим с мамой на краю большого красивого парка, на исходе лета, когда начинает уже опадать листва, но дни стоят теплые и длинные. В коляске улыбается мой двухмесячный сын, а я всё все жалуясь и жалуясь на новую жизнь. Конечно, стоило поговорить с мужем уже давно, и не столько о том, что материнство, как оказалось, больше тюрьма, чем счастье, но главное — о найденной в кармане его джинсов повестке в суд. Вызывали моего мужа — Бориса Лефевра, обвиняемого в сексуальном домогательстве его собственной сестры, когда ей было меньше пятнадцати лет. Это вообще как понимать? Мой муж — педофил? Суд, на который его вызывали, был в мае, повестку я нашла в июне, за несколько дней до рождения сына. Закладывала стирку в машину, проверила карманы, как мама учила, и наткнулась на бумажный листок, разбивший жизнь на две неровные половины. В глазах помутнело, заныл тупой болью затылок, показалось, что всхлипнул в животе сын. Села, стала вспоминать: да, действительно, муж уезжал в город, где жил раньше, я еще боялась родить без него. Но он успел и сейчас был со мной! Значит, его не осудили, значит, не виноват? Но почему не рассказал мне ни до свадьбы, ни до рождения сына? Я бы поддержала, вдвоём справиться все же легче. Может, его сестра так отомстила за то, что он её маленькую лупил? И я всё слежу за мужем — как он гладит голого сына, как держит на руках в ванне, и картинки одна другой безобразнее рождаются в голове. Мне бы выспаться, успокоиться, обрадоваться наконец-таки рождению сына. А потом серьезно поговорить с Борисом. Но

разводиться? Я смотрю на маму, понимаю, что спокойного развития событий она не допускает. Теперь она будет бороться не только за дочь, но еще и за внука, разгоняя невидимых врагов и круша ветряные мельницы. Мама не любила ни одного из моих парней, самого первого, привезенного из пятигорского иняза, родители забраковали, не успев и познакомиться. «Наш зять, — уточнил позже папа, — в Европе».

Вот в Европе я и есть: у меня муж, сын и два десятка нормандских родственников. Свадьбу сыграли весело: французское шампанское и русская икра — идеальное сочетание! Да и медовый месяц на Лазурке, и первые притирания друг к другу скорее приятное воспоминание. Муж работает, я учусь международному праву, как я люблю учиться! У меня впереди замечательная карьера в международных судах или в гуманитарной организации, я пока не решила. Вечерами я читаю решения Гаагского суда, пока Борис готовит нам рис с тунцом и достаёт лёд для вина. Но вот беременность — так быстро! «Мы не ожидали, что вы заведете ребенка так скоро», — сказала по телефону свекровь. Пришлось сделать вид, что мы над этим долго работали. И вызывать маму помочь в первые недели новой жизни и новой организации.

С мамой, конечно, было легче, она соединяла мою разорванную жизнь, своим присутствием свидетельствовала о том, что был в моей жизни период без Бориса, без Саши, были мои собственные горести, будут ещё и радости. А когда мама уехала, потянулась унылая череда одиноких дней. Уговорить ребёнка спать — только на моем плече и на кухне, где так уютно шипит фитиль газовой колонки. Чтобы не сойти с ума, учу

«Евгения Онегина», дошла до «Обманчивы... как ножки их». Надела на Саньку носочки. Два пробуждения каждую ночь — кормить наследника. Мужа будить не могу: ему до работы час на машине добираться, надо выспаться, чтобы не заснуть за рулем. По выходным он играет в баскетбол с друзьями. Мои выходы в свет — супермаркет, педиатр и парк. Санечка растет и округляется, я же обвисяю лицом и животом и чувствую себя обескровленной.

Если мне и удавалось заговорить с Борисом, то он просто весело смеялся в ответ. Когда я предложила развестись, увидела страх в красивых голубых глазах, совсем недолго. Муж заулыбался, догадавшись, что я шучу. После работы, оставив машину, он забежал в булочную и покупал две булочки с шоколадом к завтраку — мне и себе. Но каждый раз, когда я вставала, чтобы позавтракать с ним, пока спит наше чудо, оказывалось, что он съел уже обе: не мог остановиться. Вкусные, румяные — я бы тоже не смогла. Борису, конечно же, несложно сбегать ещё за булочками, но тогда он опоздает на работу, а на работе его ждут, ценят, он скоро вырастет в полноценного инженера-программиста, а я все равно дома весь день.

В то сентябрьское солнечное утро Борис снова съел обе булки. У меня немного кружилась голова — у Саши папин аппетит! Соблазнение малолетних — мальчика? девочки? — вытеснило все остальные сюжеты и планы на будущее.

— Боря, несложно ведь купить три булки, четыре, пять! Я никогда не хотела так есть, нет, жрать, как сейчас!

— Иди поспи еще. Лови момент, пока Сашка спит. Сегодня скуплю всю булочную.

— Каждое утро ты говоришь мне, что купишь больше. Я сейчас хочу. Как тебе не стыдно есть завтрак кормящей матери?

Он засмеялся и, смеясь, попытался поцеловать меня в шею. Слезы сами просились наружу, как будто только для того, чтобы

испортить ему веселье. Как спросить о том, что страшно сказать и даже представить? И что делать, если он скажет, что действительно домогался? Схватить трехмесячного младенца из люльки и сбежать к маме в другую страну? Борис отодвинул чашку с кофе, притянул меня к себе. Такой родной запах, мягкий Боренька, шея, лицо, и губы тянутся к его губам. Закрывает глаза, забыть, все забыть, и эту повестку тоже.

— Ты помнишь, что у меня сегодня выход с коллегами?

— Я не вижу тебя целыми днями. Мне тяжело без тебя и твоей помощи. К тому же, у меня к тебе разговор.

— Любовь моя, поговорим завтра. Сегодня не жди меня, я проберусь неслышно в ночи и покрою тебя поцелуями. И не забудь постирать мне трико: в выходные паралапан!

Я отодвигаюсь от мужа, опускаюсь на стул. Гладко выбритый Борис в голубой свежей рубашке — как же он хорош собой! Сказать ему сейчас: ну и кого ты изнасиловал, признавайся? И наблюдать, как брызнут горем небесные глаза?

— Жenuшка моя, ну давай, провожай меня!

Муж уже у лифта напротив входной двери. Ботинки вычищены, кожаный портфель — мой подарок на нашу первую годовщину свадьбы. Он смотрит на меня и ждет. Обычно я выбегаю в ночнушке, жарко целую на прощание, из открытого лифта иногда смотрят соседи — у нас такая игра и ритуал. Но сегодня у меня не получается. Я молчу, закрыв лицо руками. Борис вбегает обратно в квартиру, целует меня в шею, волосы, перецеловал пальцы. «Ну-ну, так расстраиваться из-за какой-то булки! Там и шоколада совсем немножко!» Попытался найти губы, но я не отняла рук.

— Хорошего дня, моя любовь !

Дверь захлопнулась. Заплакал сын.

Часа через три, после беспокойного сна, вымытой посуды, стирки — больше не выворачивать карманы! — я купала Сашу в очереди, когда позвонили в дверь.

Полицейских было трое:

— Госпожа Лефевр?

— Да. — Я прижала к себе мокрого сына, укутанного наспех в полотенце.

— Жена Бориса Лефевра?

— Да, — и успела злорадно подумать: «Пришли за ним, наконец-то».

— Сегодня утром на пути на работу машина вашего мужа столкнулась с грузовиком.

Я сняла с сына листочки травы.

— Он был ранен, сильно.

Я уже догадываюсь, но еще не боюсь.

— От полученных ран он скончался на месте.

Пошатнулись белые стены комнаты. И голова погрузилась в белую вату. Саша начал медленно скользить вдоль меня. Один из полицейских подхватил ребенка.

Восемнадцатая хромосома

Наталя Лапина

— Глаза не закрывать, — сказала медсестра, прокалывая мой живот толстой иглой, — мы должны видеть, что вы в сознании. Расслабьтесь.

Я хмыкнула в знак согласия. Тело замерло, мысли оцепенели. Выполнить рекомендацию не получалось. Не моргая я смотрела сквозь белый больничный потолок.

Я мысленно перебирала всё хорошее, что происходило со мной за последние три месяца. Как мы с мужем обрадовались, когда узнали, что у нас будет ребёнок. Даже токсикоз, накрывший меня с первых недель, виделся чем-то приятным. Вспомнилось, с каким нежным трепетом я шла на первое плановое УЗИ.

В тот день всё изменилось. Моей реальностью стала безысходность. Это чувство не покидало меня с момента, когда врачи на УЗИ начали переговариваться шепотом и перестали отвечать на мои вопросы. Они сказали, что мне всё объяснят «на участке». После этих слов стало трудно дышать. Сердце заколотилось так громко, что его можно было услышать.

Охваченная паникой, я ворвалась в кабинет к лечащему врачу, не обращая внимания на громкие возмущения девушек, сидевших в коридоре. Когда я показала врачу результаты УЗИ, она нахмурилась и, едва открывая рот, пролепетала, что ситуация очень тревожная. Она сделала несколько телефонных звонков, а потом добавила, чтобы я срочно ехала на консультацию к генетику. Меня там ждали и готовы были принять без

очереди. Слёзы полились сами собой, я осознала собственную беспомощность.

На приём мы пошли вместе с мужем. Он старался подбадривать меня, но я замечала, что он тоже напряжён. Врач-генетик разъяснила нам, что по результатам УЗИ у ребёнка выявлены тяжёлые патологии развития, которые могут быть свидетельством хромосомных аномалий. Обычно в таких случаях рекомендуется прерывание беременности. Если генетические заболевания не подтвердятся, и ребёнок родится живым, то ему потребуются несколько операций. Чтобы поставить окончательный диагноз, нужно провести генетическую экспертизу образца тканей плода. Биопсия ворсинок хориона — процедура неприятная, но терпимая.

Мысли вернулись туда, откуда пытались уйти. Расслабиться не удалось.

— Всё готово, можете не спеша вставать. Ожидайте в коридоре. — Медсестра прервала мои воспоминания и подписала священную пробирку. Я мысленно пожелала удачи этой стекляшке.

Я вышла из палаты и заняла свободное место на кушетке возле двух девушек, которым тоже делали биопсию. Вокруг было не по-больничному тихо. Высокая худая брюнетка Ирина отметила, что я очень бледная, и предложила воды. Она шёпотом рассказала, что у неё по УЗИ всё хорошо, но есть какие-то отклонения в анализе крови. Молодая цыганочка Рада с золотыми коронками на вторых резцах недоумевала, зачем всё это, ведь у неё уже есть три

здоровых дочери. Звонкий голос Рады прокатился волнами по пустым серым стенам.

Медсестра вышла к нам и объявила, что сейчас нас доставят на машине «скорой помощи» в Городскую больницу №3. Результаты экспертизы будут готовы через неделю в пятницу. Если всё хорошо, то нас просто понаблюдают какое-то время и выпишут, а если нет, то там и аборт сделают. От такого сервиса у меня закружилась голова, а пальцы машинально вцепились в край кушетки.

В душном и тесном приемном отделении Горбольницы №3 мы просидели на деревянных скамейках больше двух часов. Нам ещё повезло, девушки, которые пришли позже нас, стояли. Сначала принимали тех, кто поступил экстренно. Все попытки объяснить, что мы тоже «по скорой», что у нас есть выписки и анализы, заканчивались одинаково — «Ожидайте!» Рада сбежала первой. Следом я не выдержала и попросила мужа забрать меня. Ирина осталась.

Всё время тягостных ожиданий результатов я провела дома, старалась соблюдать предписанный режим. Муж ухаживал за мной, и я даже радовалась, что не осталась в больнице. Мы решили настраиваться на лучшее, ведь мы оба здоровы. Мы обсуждали, что ребенку сразу после рождения потребуется операция, и нам нужно подготовить его, обеспечить полноценное питание и свежий воздух. Худший сценарий не умещался в нашей действительности, мы старались об этом не говорить.

Через неделю в пятницу мы пришли к генетику. С первой секунды по её взгляду стало ясно — это конец. Врач сообщала, что экспертиза показала трисомию по восемнадцатой хромосоме. Диагноз — синдром Эдвардса. Частота появления в человеческой популяции составляет один случай на три-семь тысяч беременностей, точной статистики нет. Причины образования лишней хромосомы до конца не изучены. Дети с таким заболеванием обречены. Если ребенок и родится живым, то он вряд ли проживет больше года. Слова врача в моей голове

звучали как смертный приговор моему неродившемуся ребенку. От меня требовалось решить, как и когда привести этот приговор в исполнение. Я открыла рот, но не смогла произнести это вслух. Было ужасно осознавать, что я действительно готова это сделать. Муж обнял меня. Врач дала выписку, с которой мне нужно было в понедельник пойти за направлением на аборт к начмеду Горбольницы №3, потому что срок беременности превысил двенадцать недель.

Это были самые длинные выходные в моей жизни. Не хотелось ни есть, ни спать, но все еще беременный организм требовал своё. Хотелось бесконечно плакать, даже кричать, но опухшие сухие глаза уже не вырабатывали слез. Я перерыла весь интернет в поисках опровержений слов генетика, но каждый раз находила только новые подтверждения. Некоторые люди сохраняют такую беременность. Я восхищалась силой их духа и презирала себя за слабость. А может, наоборот? Время и пространство смешались в тягучий ядовитый клей, в котором я увязла. Муж пытался меня вытащить, но и сам время от времени погружался в отчаяние.

Наступил долгожданный и ненавистный понедельник. Ночью шел сильный дождь, я почти не спала. Утром воздух был прохладный и влажный. Муж подвез меня к центральному входу больницы. На крыльце стояла бабушка с иконой. Она знала, что через эту дверь сюда входили только те, кто хочет сделать аборт. Те, кто хотел сохранить беременность, поступали через приемное отделение. Я направилась к двери, опустив голову, чтобы не встретиться взглядом с этой бабушкой. Для неё это был сигнал. Она стала совать мне какую-то листовку и причитать, что я совершаю самый страшный грех. Я нагубила, отмахнулась от неё и захлопнула дверь.

Начмед приняла меня и попросила подождать снаружи, пока она все оформит. Я сидела в коридоре. Ноги взмокли в бахилах. В кабинете напротив с желтым треугольником, обозначающим биологическую опасность, находилась лаборатория. В приоткрытую дверь мне было видно, как женщина в белом халате моет в раковине грязную туфлю. Мне стало так противно, что чуть не стошнило.

Заметив меня, она закрыла дверь, но вода продолжала шуметь.

Получив направление, я пошла на четвёртый этаж. Мое исхудавшее за последние две недели тело казалось настолько тяжелым, что я с трудом поднялась наверх. Отделение было охвачено суетой. Все места в холле были заняты, повсюду женщины шуршали бумагами, раздавались телефонные звонки. Одна девушка срывающимся голосом умоляла регистратора принять её. Ей отказали и попросили уйти, потому что срок был больше двенадцати недель. Присутствующие с сочувствием смотрели на неё. На дрожащих ногах я доплелась до регистратуры и получила кучу добровольных согласий на медицинское вмешательство. Я подписала всё у подоконника, не читая.

Врач, напоминавшая набожную бабушку у входа, переодетую в белый халат, по очереди приглашала всех на беседу. Она внимательно проверила наличие подписей в документах и в подробностях рассказала о возможных негативных последствиях аборта. Меньше всего мне хотелось об этом узнать! Врач была обязана меня проинформировать. Я это понимала и молча делала вид, что слушаю. Её голос слился в поток бессвязных звуков, а её лицо растворилось в воде, стоящей в моих глазах.

Всем пациенткам выдали безразмерные ситцевые сорочки и велели ждать в коридоре. Самые активные принялись распределять очередность. Кто-то торопился зайти первой, потому что вечером нужно было идти на работу. Больничный оформлять она не хотела, иначе всем станет ясно, где она была. Другая девушка рассказывала, что и как сейчас будет происходить. Собравшиеся её внимательно слушали, она была здесь уже восьмой раз. Кто-то всё же задал вопрос, почему она не предохраняется. Ответ был прост — таблетки стоят слишком дорого, а аборт по ОМС делают бесплатно. Так женщины обыденно и непринужденно рассказали, что их сюда привело, некоторые даже шутили, некоторые — молчали. Я выла.

Появилась врач в хирургическом костюме и назвала мою фамилию. Увидев слезы, она приказала успокоиться, иначе — зайду последней. Я вытерла лицо сорочкой, вслух попросила прощения у малыша и вошла в открытую дверь.

Перед глазами кружились красные цветы, и чей-то жуткий голос монотонно звал маму. Через какое-то время я поняла, что голос принадлежит мне. Тело меня не слушалось и протяжное «ма-ма, ма-ма» разносилось по палате.

Я медленно приходила в себя. Красные цветы перестали кружиться и замерли узором на зажатой в кулак простыни, которой я закрыла лицо. Всё закончилось. Я сделала глубокий вдох, стало легче. Другие женщины уже разошлись. Мне тоже хотелось поскорей сбежать. Заглянула медсестра и отправила меня пить чай.

Обед только начинался, и столовая была наполнена запахом тушеной капусты. Ещё утром меня бы стошнило просто от мысли о тушеной капусте, а сейчас я спокойно могла находиться здесь. На входе я встретила Ирину. Она лежала «на сохранении». Я была рада узнать, что у неё всё хорошо, но не смогла поддержать разговор. Я заняла место у окна. Вымытые ночным дождем листья тополей сверкали на солнце. Мне дали кусок хлеба с маслом и омерзительно сладкий чай. Я ненавидела его с детства, но всё равно сделала глоток. Чай показался мне божественным нектаром, и я выпила весь стакан.

После обеда я получила выписку, листок нетрудоспособности и справку, в которой говорилось, что мне оказаны медицинские услуги на сумму четыре тысячи рублей. Вот она — цена человеческой жизни. Я разорвала справку и поспешила уйти. Меня встретил муж, мы обнялись. Я была рада его видеть.

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023